Дантес
КУМИРЫ
Истории Великой Любви
Любовь и злодейство гениев
Сорок две истории блистательных взлетов и скандальных падений
Правда о Моцарте и Сальери
Жестокие капризы Наполеона Бонапарта
Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!
Дьявольское клеймо Чайковского
Альберт Эйнштейн и его женщины

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге показаны не самые красивые эпизоды из жизни таких признанных гениев, как Моцарт, Наполеон Бонапарт, Чайковский, Эйнштейн и др. Всех их можно осуждать или, напротив, оправдывать, превозносить или ниспровергать, но знать правду необходимо, потому что только это знание помогает лучше понять Величие и природу гениальности. Оборотная сторона личной жизни великих людей в новой книге из серии-бестселлера "Кумиры. Истории великой любви".

- Сергей Нечаев
- Вместо предисловия Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!
-
-
-
-
-
-
- Глава первая Правда о Моцарте и Сальери
-
-
-
-
-
-

- Версия первая («классическая»): отравление, Сальери
- Версия вторая: ревнивый муж Франц Хофдемель
- Версия третья: отравление, Констанца Моцарт и Зюсмайр
- Версия четвертая: отравление, масоны
- Версия пятая: самоотравление, сифилис, ртуть
- Версия шестая: смерть от болезни, неправильное лечение

Глава вторая Жестокие капризы Наполеона Бонапарта
Глава третья Эти странные господа Герцен и Огарев

Глава четвертая Дьявольское клеймо Петра Ильича Чайковского

- Глава пятая Роден и трагедия Камиллы Клодель

Глава шестая Альберт Эйнштейн и его женщины

- Литература
- На русском языке
- На иностранных языках

Сергей Нечаев
Любовь и злодейство гениев

«Никто не любит, когда его героев разоблачают и подвергают критике, но, кажется, пора людям узнать, как все было на самом деле».

Эвелин Эйнштейн (The Sunday Times)

«На мой взгляд, тезис, что гениям все позволено, неверен. С них, наоборот, спрос должен быть больше».

Юрий Стоянов («Аргументы недели»)

Вместо предисловия Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!

Кто не знает современного писателя Михаила Иосифовича Веллера – ироничного, парадоксального, нередко логически небезупречного, но всегда интересного, блестяще владеющего словом и вызывающего «зубодробительную полемику»?

В одной из своих лекций, прочитанных в университете города Турина в 1990 году, затронув творчество А.С. Пушкина, он делает следующий посыл:

«В нашем представлении сегодня Пушкин – это наше всё […] Пушкин – это номер первый в русской литературе. Пушкин – это великий гений. И таким образом, значительная часть населения полагает, что у Пушкина конечно же гениальна каждая строка, потому что раз гений – значит, гениальна».

Как говорится, есть такое мнение…

Но, как известно, общественное мнение – это публичная девка. Это еще Наполеон так говорил, а уж он-то в этом вопросе еще как разбирался.

Короче говоря, каждый человек имеет право на собственное мнение, и в свободной стране каждый имеет право его высказывать. Однако точно так же и любой из окружающих имеет полное право его не слушать.

Рассуждая о мнениях, М.И. Веллер исходит из того, что если мы действительно хотим хотя бы что-то понять, например, в творчестве писателя или поэта, нам нужно посмотреть, что там у него внутри.

Если вернуться к Пушкину, то, как утверждает М.И. Веллер, это был «скандальный молодой человек, любитель выпить, любитель сыграть, любитель пройтись по бабам. Еще он писал стихи. Вот, в сущности, и все, чем он занимался».

Человеком Александр Сергеевич был сложным, за что его и сослали – в Молдавию, потом в Одессу.

В Одессе граф М.С. Воронцов, тамошний генерал-губернатор, поселил Пушкина в своем дворце. Поначалу граф оказал поэту полное гостеприимство, но потом их отношения не заладились. Дело в том, что генерал-губернатор рассматривал ссыльного прежде всего как чиновника, а посему считал себя в полном праве давать ему поручения, тому же это показалось оскорбительным, но главное – у Пушкина завязался роман с губернаторской женой Елизаветой Ксаверьевной, урожденной графиней Браницкой.

М.И. Веллер по этому поводу пишет:

«У Воронцовой Пушкин встретил понимание, он ей читал стихи, она там тоже ему что-то рассказывала и внимала. Они прекрасно понимали друг друга, и более того: несколько позднее у графини Воронцовой родилась дочь, по отзывам, очень похожая на Пушкина».

Очевидно, что с графом после этого отношения у Пушкина сложиться и не могли.

Парадоксальная ситуация: Пушкин у графа Воронцова ел, пил, ездил в его экипаже, да еще и крутил роман с его женой, но при этом про него самого (наверное, в благодарность) писал издевательские эпиграммы. Помните:

Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец.

И это, между прочим, было сказано о герое Отечественной войны 1812 года, благороднейшем человеке, который, будучи на посту командира русского оккупационного корпуса во Франции, продал свое имение, чтобы расплатиться за лихие парижские кутежи наших офицеров, которые, считая себя победителями, ни за что платить и не думали. Вот такой он был человек, с такими вот понятиями о чести и достоинстве. Говорить, что граф Воронцов был храбрым офицером, преданным монархистом и умелым администратором – значит, повторять прописные истины. Все русские титулованные аристократы тогда были таковы.

Все – да не все. Вот Пушкин, наверное, был другим, ибо графа Воронцова он считал «полуневеждой» и «полуподлецом».

М.И. Веллер в связи с этим иронизирует:

«Поистине неблагодарный гость. Обозленный граф командировал Пушкина на борьбу с саранчой. Это сейчас звучит смешно, а должен же, в конце концов, молодой чиновник хоть что-то делать общественно полезное, кроме того, что он делал в доме графа.

Пушкин написал вместо отчета стихи весьма издевательские: «Саранча летела, летела и села. Села, посидела и дальше полетела». После чего граф написал в Петербург слезную бумагу, чтобы этого паршивца убрали с глаз его долой и навсегда, потому что делать с ним нельзя ничего, к делу приспособить невозможно, и он вообще, граф, умывает руки. Тем более что Пушкин играет, затевает ссоры, вот его пристрелит кто-нибудь на дуэли, а граф потом отвечай. Короче говоря, Пушкина уволили со службы».

В результате он должен был немедленно выехать в свое родовое село Михайловское, а Елизавета Ксаверьевна – в Белую

Церковь, к детям и матери. Но пока граф Воронцов отбыл в служебную командировку… Ну, точно, как в пошлом анекдоте… Последнюю неделю перед расставанием Пушкин и графиня Воронцова находились в Одессе одни… И вообще не стало помех свиданиям, и не надо было искать вороватого уединения в «приюте любви, пещере, прохлады полной»…

Своего следующего ребенка, дочь Софью, Елизавета Воронцова родила через восемь месяцев, и ее супруг долго не признавал этого ребенка.

А потом Александр Сергеевич оказался в Михайловском.

Про этот период жизни великого поэта у М.И. Веллера читаем:

«Мы не будем повторять сплетни про то, что через какое-то время по усадьбе стали бегать дети, слегка похожие на Пушкина, и иногда их продавали, потому что было крепостное право, и иногда помещики продавали своих крепостных с целью улучшить свое материальное положение: то есть они просто крепостных продавали и за это денежки получали. Мы не будем говорить, что великий поэт торговал своими детьми. Это, знаете, будет чересчур. Но крепостные дети бегали, и никто их, знаете ли, не отпускал на волю, не возводил в дворянское достоинство».

К этому добавим лишь, что в первые дни в Михайловском Пушкин умудрился поссориться с отцом: Сергей Львович обвинил сына в безбожии, и поэт остался в Михайловском один. Но он не особо расстроился и тут же сосредоточил свое внимание на соседнем селе Тригорском, где жила помещица П.А. Осипова со своими дочерьми. А потом в Тригорское приехала Анна Петровна Керн, племянница Осиповой… Та самая, которой очень скоро будет посвящено стихотворение «Я помню чудное мгновенье»…

Короче говоря, подражая веллеровской иронии, скажем, что мало было светлых дней в жизни Пушкина, ну очень тяготила его очередная ссылка. В результате он самовольно покинул Михайловское, решив, что пришла пора жениться. А раз так, он стал свататься к разным особам женского пола: и к молоденькой Анне Олениной, и ко многим еще. Но у Олениных в 1828 году он получил отказ: родители не хотели, чтобы их дочь вышла замуж за праздного гуляку – пусть и признанного поэта, – который к тому же был под надзором полиции. Отказали ему и в других местах.

М.И. Веллер констатирует:

«Все, к кому он сватался, все ему и отказали. Вполне приличные невесты. Потому что он был развратник, он был игрок, он был голодранец, он был человек ненадежный, и ценность он имел только как все-таки известный талантливый поэт […] и, по

отзывам, хороший любовник, хотя очень неверный, и верность там отсутствовала в принципе. Вот, собственно, и все достоинства, а что же еще?..»

В результате Александр Сергеевич посватался к бесприданнице Наталье Николаевне Гончаровой.

Она была родом из-под Тамбова, и ее отец – Николай Афанасьевич – происходил из семьи купцов и промышленников, получившей дворянство во времена императрицы Елизаветы. Человеком он был неплохим, да только вот его отец – Афанасий Николаевич – держал в доме любовницу, француженку мадам Бабетт, и был очень расточителен. А еще Николай Афанасьевич Гончаров с конца 1814 года страдал тяжелым психическим заболеванием, вызванным травмой, полученной при падении с лошади. Ну и в завершение сей безрадостной картины – он сильно пил.

Итог подобной жизни предположить нетрудно: после смерти Афанасия Николаевича имение оказалось обременено долгом в полтора миллиона рублей. Огромная и по нынешним временам сумма, а уж про те времена и говорить не приходится…

Пушкин встретил Наталью Гончарову в декабре 1828 года на балу. В апреле следующего года он попросил ее руки, но и тут не нашел понимания. Еще через год он вторично сделал предложение, и лишь теперь согласие на брак было получено. Ну а венчание состоялось 18 февраля (2 марта) 1831 года. Оно произошло в московской церкви Большого Вознесения, что до сих пор стоит у Никитских ворот. Говорят, при обмене кольцами кольцо Пушкина упало на пол, а потом у него погасла свеча, а это, как известно, плохие предзнаменования…

Денег у молодых не было, и новоявленный глава семьи стал брать кредиты.

М.И. Веллер в связи с этим уже не просто иронизирует, он недоумевает:

«В советской историографии пропагандировалась та точка зрения, что проклятый царизм убил Пушкина. Ну, в общем, все, что было плохо, сделал проклятый царизм, а хорошее – это как бы вопреки.

Значит, проклятый царизм уплатил за Пушкина все его долги, а долгов было где-то там приблизительно 110–120 тысяч золотых рублей. Это я затрудняюсь сказать, сколько миллионов долларов в пересчете на сегодняшние деньги […].

Если кто помнит несколько позднее происходившие события в романе Льва Толстого «Анна Каренина», так вот Вронский, представитель золотой молодежи империи, аристократ и богач, получал из дому на свою шикарную жизнь 20 тысяч рублей. Этого

хватало и на то, чтобы держать несколько лошадей в конюшне, и на игру, и на пирушки, и на туалеты, и на выезд, и на шикарную квартиру и т.д. Двадцать тысяч – деньги к тому времени несколько помельчали, знаете, лет так примерно 30–40 прошло, а здесь более 100 тысяч было только долгов. В большой мере долгов карточных».

А потом, в 1837 году, имела место роковая дуэль с офицером-кавалергардом Жоржем-Шарлем Дантесом (правильное написание – Georges-Charles d'Anthe1s).

Этот человек родился в Эльзасе, учился в знаменитой Сен-Сирской военной школе, потом, после свержения Бурбонов во Франции, поступил на прусскую службу, а в 1834 году – на российскую. В светское общество Санкт-Петербурга он был введен голландским послом, бароном Луи де Геккереном (правильное написание – Louis de Heeckeren), с которым, как считается, он познакомился по пути в Россию (в 1836 году барон усыновил Дантеса).

Очень часто это упускается из виду, но этот самый Дантес был женат на Екатерине Гончаровой, родной сестре Натальи! Но Пушкин был, как говорят, еще и «возмутительно ревнив», и он почему-то решил, что Дантес увлекся именно его женой.

...

«В России по сравнению с другими европейскими странами, дуэль вошла в моду поздно – в XVIII в. Дуэлью назывался поединок между дворянами, который проводился по строго установленным правилам. Существовали так называемые «Дуэльные кодексы», в которых был детально расписан порядок проведения поединков. Согласно дуэльному кодексу, женщина не могла участвовать в поединке, ее честь должен был отстаивать мужчина. Однако история

сохранила уникальное свидетельство об участии в дуэли женщины в качестве секунданта».

(Цит. по: Рябцев Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры. Художественная жизнь и быт XVIII–XIX вв. – М.: Владос, 1998. С. 503)

В своих «Воспоминаниях» граф В.А. Сологуб рассказывает:

«Вечером я поехал на большой раут к австрийскому посланнику графу Фикельмону. На рауте все дамы были в трауре по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николавны Пушкиной (которой на рауте не было), отличалась от прочих белым платьем. С ней любезничал Дантес-Геккерен. Пушкин приехал поздно, казался очень встревожен, запретил Катерине Николаевне говорить с Дантесом и, как узнал я потом, самому Дантесу высказал несколько более чем грубых слов. С д'Аршиаком, молодым секретарем французского посольства, мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взял в сторону и спросил его, что он за человек. «Я человек честный, – отвечал он, – и надеюсь скоро это доказать». Затем он стал объяснять, что не понимает, чего от него Пушкин хочет; что он поневоле будет с ним стреляться, если будет к тому принужден; но никаких ссор и скандалов не желает. Ночью я, сколько мне помнится, не мог заснуть: я понимал, какая лежала на мне ответственность перед всей Россией. Тут уже было не то, что история со мной. Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного русского рука на него бы не поднялась, но французу русской славы жалеть было нечего».

Прервем здесь рассказ графа Сологуба, ибо последние его слова явно нуждаются в пояснениях. Что это за «история со мной»?

Современник Пушкина, граф Владимир Александрович Сологуб был человеком богатым, умным и очень одаренным. Он был знаком со всеми передовыми людьми своего времени, сам писал рассказы и повести. И вот однажды (дело было в 1836 году) на одном из балов в Санкт-Петербурге между графом Сологубом и женой Пушкина Натальей Николаевной произошел разговор, во время которого Наталья Николаевна пошутила над пылкой страстью молодого человека, влюбленного в одну даму из высшего общества. Это замечание задело графа, и он, желая дать понять Пушкиной, что она уже давно не девочка, чтобы так шутить, спросил, давно ли она сама замужем…

Дальше разговор перешел на другую тему. В частности, вспомнили общего знакомого – Ленского. К сожалению, тут же нашлись «доброжелатели», которые все переиначили и выдали следующую версию: этот самый Ленский нравился Наталье Николаевне, а граф Сологуб ее, замужнюю женщину, за это упрекал. Естественно, сплетня эта дошла до Александра Сергеевича, и он тут же написал графу письмо с вызовом на дуэль. Но того в Санкт-Петербурге уже не было: будучи чиновником Министерства внутренних дел, он получил назначение в губернский город Тверь. Когда граф Сологуб узнал о вызове на дуэль, он поначалу ничего не мог понять, но светская молва быстро начала обвинять его в уклонении от дуэли. А это тогда было страшным обвинением для дворянина!

Но Владимир Александрович, несмотря на молодость, не стал горячиться, он разобрался во всем и отправил Пушкину письмо, в котором принял вызов, но виновным себя не признал. В ответ на это Александр Сергеевич написал: «Вы позволили себе невежливость относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посещаемое, вынуждают меня требовать от вас сатисфакции за непристойность вашего поведения. Извините меня, если я не мог приехать в Тверь прежде конца настоящего месяца».

Для графа вызов поэта стал приговором: еще бы – стреляться с самим Пушкиным! Но он начал готовиться к дуэли, ожидая приезда Пушкина в Тверь. Но тот никак не мог приехать, и тогда граф сам отправился в Москву. Там он нашел Пушкина в доме его друга П.В. Нащокина…

Как видим, весь этот фарс начал принимать трагический оборот. К счастью, ситуацию спас друг поэта Павел Нащокин, сумевший примирить противников, которые потом даже стали большими приятелями.

…

«Дуэль начиналась с вызова. Ему, как правило, предшествовало столкновение, в результате которого какая-либо сторона считала себя оскорбленной и в

качестве таковой требовала удовлетворения (сатисфакции). С этого момента противники уже не должны были вступать ни в какие общения – это брали на себя их представители – секунданты. Выбрав себе секунданта, оскорбленный обсуждал с ним тяжесть нанесенной ему обиды, от чего зависел и характер будущей дуэли – от формального обмена выстрелами до гибели одного или обоих участников. После этого секундант направлял противнику письменный вызов (картель)».

(Цит. по: Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 2009. С. 532)

Продолжим теперь чтение «Воспоминаний» графа В.А. Сологуба:

«На другой день погода была страшная, снег, метель. Я поехал сперва к отцу моему, жившему на Мойке, потом к Пушкину, который повторил мне, что я имею только условиться на счет материальной стороны самого беспощадного поединка, и, наконец, с замирающим сердцем отправился к д'Аршиаку. Каково же было мое удивление, когда с первых слов д'Аршиак объявил мне, что он сам всю ночь не спал: что он, хотя не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для русских, и что наша обязанность сперва просмотреть все документы, относящееся до порученного нам дела».

После этого, как пишет граф Сологуб, они узнали, что Дантес со дня на день должен был жениться на Екатерине Гончаровой.

«Я стоял пораженный, – пишет он, – как будто свалился с неба. Об этой свадьбе я ничего не слыхал, ничего не ведал и только тут понял причину вчерашнего белого платья […] Все хотели остановить Пушкина. Один Пушкин того не хотел […] Пушкин обратился к Дантесу, потому что последний, танцуя часто с Н.Н., был поводом к мерзкой шутке. Самый день вызова неопровержимо доказывает, что другой причины не было».

Весьма интересны воспоминания о последних днях жизни Пушкина, написанные А.Н. Амосовым со слов лицейского друга и секунданта Пушкина Константина Карловича Данзаса. Он пишет, что Дантес был французским подданным, хотя предки его

происходили из Ирландии. Служа уже во Франции, отец его получил от Наполеона титул барона. Снабженный множеством рекомендательных писем, молодой Дантес приехал в Россию и поступил на военную службу.

…

«Секунданта Пушкина, подполковника Данзаса, военный суд первой инстанции приговорил к повешению. Затем приговор смягчили: разжаловать в рядовые и отобрать наградное золотое оружие. Позже этот приговор был заменен двухмесячным заключением в крепости».

(Цит. по: Рябцев Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры. Художественная жизнь и быт XVIII–XIX вв. М.: Владос, 1998. С. 504)

И вот однажды по Санкт-Петербургу вдруг разнеслись слухи, что Дантес ухаживает за женой Александра Сергеевича.

«Слухи эти – пишет А.Н. Амосов, – долетели и до самого Александра Сергеевича, который перестал принимать Дантеса. Вслед за этим Пушкин получил несколько анонимных записок на французском языке; все они слово в слово были одинакового содержания, дерзкого, неблагопристойного.

Автором этих записок, по сходству почерка, Пушкин подозревал барона Геккерена-отца, и даже писал об этом графу Бенкендорфу. После смерти Пушкина многие в этом подозревали князя Гагарина; теперь же подозрение это осталось за жившим тогда вместе с ним князем Петром Владимировичем Долгоруковым.

Поводом к подозрению князя Гагарина в авторстве безымянных писем послужило то, что они были писаны на бумаге одинакового формата с бумагой князя Гагарина. Но, будучи уже

за границей, Гагарин признался, что записки действительно были писаны на его бумаге; но только не им […] [1]

Геккерен, между прочим, объявил Жуковскому, что если особенное внимание его сына к госпоже Пушкиной и было принято некоторыми за ухаживание, то все-таки тут не может быть места никакому подозрению, никакого повода к скандалу, потому что барон Дантес делал это с благородной целью, имея намерение просить руки сестры госпожи Пушкиной Катерины Николаевны Гончаровой.

Вследствие ли совета Жуковского или вследствие прежде предположенного им намерения, но Дантес на другой или даже в тот же день сделал предложение, и зимой в 1836 году была его свадьба с девицей Гончаровой [2] .

Во весь промежуток этого времени, несмотря на оскорбительные слухи и дерзкие анонимные записки, Пушкин, сколько известно, не изменил с женою самых нежных дружеских отношений, сохранил к ней прежнее доверие и не обвинял ее ни в чем. Он очень любил и уважал свою жену, и возведенная на нее гнусная клевета глубоко огорчила его: он возненавидел Дантеса и, несмотря на женитьбу его на Гончаровой*, не хотел с ним помириться. На свадебном обеде, данном графом Строгановым в честь новобрачных, Пушкин присутствовал, не зная настоящей цели этого обеда, заключавшейся в условленном заранее некоторыми лицами примирении его с Дантесом. Примирение это, однако же, не состоялось, и когда после обеда барон Геккерен-отец, подойдя к Пушкину, сказал ему, что теперь, когда поведение его сына совершенно объяснилось, он, вероятно, забудет все прошлое и изменит настоящие отношения свои к нему на более родственные. Пушкин отвечал сухо, что, невзирая на родство, он не желает иметь никаких отношений между его домом и господином Дантесом. Со свояченицей своей во все это время Пушкин был мил и любезен по-прежнему».

Как видим, ситуация складывалась нелепейшая, а главной причиной дуэли был исключительно дурной характер Пушкина.

Как отмечает Л.М. Аринштейн, друзья и родственники Пушкина, «как могли, пытались отговорить его от поединка. Особенно энергично действовали Жуковский и Е.И. Загряжская, тетка Натальи Николаевны. Жуковский, забросив все другие дела, по нескольку раз в день встречался с Пушкиным».

В результате в петербургском обществе подавляющее большинство было за Дантеса и барона Геккерена. Одним только этим, по словам Данзаса, и можно было объяснить тот факт, что дуэль не была остановлена полицией. Жандармы якобы были посланы в Екатерингоф, якобы власти думали, что дуэль должна

была происходить там, а она была совсем в другом месте…

А вот что пишет по этому поводу М.И. Веллер:

«Они с Пушкиным были весьма близкими родственниками. Они были женаты на сестрах. Ну, некоторые считают такую ситуацию доказательством того, что Дантес все-таки имел роман не с Натали, а с ее сестрой, на которой женился. Тем более что Дантес был красавец, Дантес был в свете, Дантес был, в сущности, юноша без средств […] И с чего бы ему было устраивать свои дела таким способом, чтобы ухаживать за Натали, а жениться на ее сестре?! Кстати, сестра была немногим богаче, чем Натали, как вы понимаете.

И вот сестры рыдали друг у друга на груди, не зная, как заставить Александра отказаться от дуэли! Потому что Дантес драться не хотел: во-первых, это его родственник, а во-вторых, Пушкин всю жизнь тренировался в стрельбе. Человек маленький, физически слабый, самолюбивый, преуспеть в фехтовании ему не светило, он укреплял руку – он то ходил с железной палкой, то занимался чем-то вроде гантелей, то брал уроки стрельбы, то тренировался в прицеливании. Короче, стрелял он действительно хорошо, по отзывам современников. А Дантес стрелял плохо. Понимаете, он был близорук, и руки у него дрожали […]

И престарелый отец Дантеса приезжал из Франции, и валялся у Пушкина в ногах, и умолял отказаться от дуэли […] И общие знакомые его и Дантеса делали все, чтобы хотя бы смягчить условия дуэли – и Пушкин категорически отказывался. Вот как дьявол какой-то тащил его на Черную речку под эту пулю!»

Что касается барона Геккерена, то он несколько раз писал Пушкину, встречался с ним.

У Л.М. Аринштейна читаем:

«Геккерен-старший, улучив момент, подошел к Пушкину и попробовал завести разговор, что вот-де теперь, когда они стали родственниками, Пушкин, как он надеется, забудет прошлое и изменит отношение к Дантесу».

Но в ответ он получил письмо совершенно недопустимого в общении между людьми благородного происхождения содержания:

«Поединка мне уже недостаточно […] и каков бы ни был его исход, я не почту себя достаточно отмщенным ни смертью вашего сына, ни его женитьбой […] Я хочу, чтобы вы дали себе труд самому найти основания, которые были бы достаточны, чтобы побудить меня не плюнуть вам в лицо».

Софья Карамзина, хорошая знакомая поэта и дочь выдающегося историка Н.М. Карамзина, в своем письме к брату писала:

«Пушкин скрежещет зубами и напускает на себя свое обычное выражение тигра».

Он, кстати сказать, не пожелал присутствовать на венчании Дантеса и Екатерины Гончаровой.

Л.М. Аринштейн делает вывод:

«Между Пушкиным и Дантесом накопилась такая масса отрицательной энергии, что отдельные фразы уже переставали иметь значение. Взрыв был неминуем».

При этом многие отказывались понимать, как сейчас говорят, «упертость» Пушкина. Даже император, которому, естественно, доложили о трагическом исходе дуэли, написал своему брату:

«С тех пор, как Дантес женился на сестре жены Пушкина […] надо было надеяться, что дело заглушено […] Но последний повод к дуэли […] никто его не постигает».

«Ну, а дальше, – пишет М.И. Веллер, – как известно, Дантес попал. Менее известно, что поскольку за Пушкиным оставалось право второго выстрела, то он устроился на земле поудобнее, прицелился и раздробил пулей Дантесу кисть правой руки, в которой он держал пистолет, каковой рукой с пистолетом прикрывал по праву дуэли этого времени свой правый бок, развернувшись боком к противнику, чтобы меньше пострадать. Всю свою остальную жизнь Дантес доживал с искалеченной рукой.

Далее не стремятся писать, хотя это совершенно известно, что суд чести офицеров кавалергардского полка рассматривал поведение поручика Дантеса и не нашел в нем чего бы то ни было порочащего честь офицера. Дантес полностью оправдан судом офицерской чести [3] . А председательствовал этим полковым судом полковник Ланской, ветеран 12-го года, человек репутации безупречной».

...

«Любая, а не только «неправильная» дуэль была в России уголовным преступлением. Каждая дуэль становилась в дальнейшем предметом судебного разбирательства. И противники, и

секунданты несли уголовную ответственность. Суд, следуя букве закона, приговаривал дуэлянтов к смертной казни, которая в дальнейшем для офицеров чаще всего заменялась разжалованием в солдаты с правом выслуги».

(Цит. по: Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 2009. С. 538)

Он мог бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, как зверь;
Он должен был обезоружить
Младое сердце. “Но теперь
Уж поздно; время улетело…
К тому ж – он мыслит – в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист…
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шепот, хохотня глупцов…”
И вот общественное мненье!
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!
(А.С. Пушкин.
«Евгений Онегин», глава 6, XI)

Александр Сергеевич был смертельно ранен в верхнюю часть бедра, причем пуля, пробив кость, глубоко засела у него в животе. Два дня он боролся со смертью в ужасных мучениях и, наконец, 29 января (10 февраля) 1837 года скончался в своей квартире на Мойке.

А еще через несколько лет, в 1844 году, тот самый П.П. Ланской, ставший уже генералом, женился на пушкинской вдове, оставшейся с четырьмя детьми на руках. У них родилось еще трое детей, и они дожили свой век в полном мире и согласии (Петр Петрович умер в 1877 году и был похоронен в Александро-Невской лавре в одной могиле с Натальей Николаевной) [4] .

Вся эта вкратце рассказанная история нужна была М.И. Веллеру для того, чтобы порассуждать о том, как выглядел реальный Александр Сергеевич Пушкин. Он пишет:

«И не было в нем ничего от того глянца, который на него навели позднее […] Был человек полный недостатков, полный

пороков, очень трудный в общежитии, с очень сомнительной, чтобы не сказать больше, репутацией; но, разумеется, чего никто никогда не отрицал – это пушкинского поэтического таланта, а многие даже полагали, что гения если не во всем, то во многом».

Но и это еще не все. В своих рассуждениях М.И. Веллер идет дальше и призывает «не пускать розовые слюни», когда речь идет о ком-то великом.

«Вещи надо видеть в их истинном свете», – пишет М.И. Веллер и призывает говорить не об «облико морале» гениальных людей, а о том, что они были за люди, что было за время, ибо невозможно понять их творения, «если вынуть их полностью из этой эпохи и отделить их полностью от этих личностей».

Как известно, нет в мире совершенства. Никто не идеал, и даже такое «наше все», как Пушкин, не составляет исключения.

Понятно, что создание кумиров – это один из моментов социального обобществления. Как совершенно справедливо отмечает М.И. Веллер, «раз мы люди, мы должны образовать из себя общество, и один из аспектов того, что мы из себя образуем общество – это мы договариваемся, кто у нас кумир».

Понятно также, что не стоит забывать и о том, что отнюдь не все, что делает кумир, является совершенством.

Тот же Пушкин написал слова, ставшие едва ли не прописной истиной: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Но вот так ли это на самом деле?

Прежде всего, что такое гений? Разных определений тут множество: это и высочайшее состояние души, и человек, великий собственным величием, и метеор, призванный сгореть, чтобы озарить свой век, и носитель интеллекта многих веков и целого мира и т.д. и т.п.

А что такое злодейство? Ведь это же не обязательно коварное убийство? Зло-действо… Злое действие… Действие во зло… Если трактовать это так, то злодейством является и ненависть, и зависть, и супружеская измена… Короче говоря – нарушение любой из христианских заповедей.

Принято считать, что гений не разрушает, а созидает, а зло, напротив, не созидает, а разрушает. Но вот, например, Наполеон – блестящий гений, столько всего насозидал, но сколько сотен тысяч людей он при этом погубил? А прародитель авиации – он, наверное, предполагал, что самолеты будут не только быстро доставлять людей из одного города в другой, но и уничтожать их? Получается, в любом гении при определенных обстоятельствах может проснуться особо опасный гений. В конце концов, «гений и злодейство – две вещи вполне совместные», – утверждала атомная бомба (ведь и ее изобретатель, хотя никого лично не убил,

наверное, понимал, что не кофемолку создает).

И еще один немаловажный аспект проблемы: гениальность – это способность мыслить, но не жить. В повседневной же жизни очень многие гении (как, впрочем, и большинство обычных людей) далеко не являются примерами для подражания.

Безусловно, М.И. Веллер в своей Туринской лекции затрагивал лишь русскую литературу (пример А.С. Пушкина просто выглядит наиболее характерным), но его выводы справедливы и для любой другой сферы человеческой деятельности. Гениев много, и их творения достаточно хорошо известны, но при этом «нужно себе представлять этих людей живьем»: но не то, что они все были плохие, а то, что они были живые, нормальные, и в них единственно возможным образом были собраны как доблести, так и пороки. В противном случае, они, наверное, ничего и не могли бы создать.

Как пишет М.И. Веллер, очень «полезно видеть изнанку классики, – ту бортовку, на которую посажен этот костюм, ту подкладку, которая прикрывает ее изнутри», и полезно это для того, чтобы понять, что же происходило, и куда сейчас мы все идем.

Очевидно, то, что у человека (пусть даже самого гениального) внутри, – это иногда выглядит совершенно неаппетитно. Но знать это все-таки нужно. Это, как утверждает М.И. Веллер, «все равно как врачу для изучения анатомии не надо ограничиваться знакомством с одетыми людьми, а люди нужны раздетые, и даже более того – люди отпрепарированные: чтобы можно было поглядеть, что у них внутри». Чтобы разбираться в медицине, это просто необходимо знать.

Точно так же и в любой другой области. Чтобы разбираться в литературе, нужно представлять себе, что такое есть писатель, которого читаешь. Чтобы лучше понимать музыку, нужно представлять себе, что такое есть композитор, ее написавший. Чтобы, интересуясь историей, оценивать, например, ход военной кампании, нужно представлять себе, кто кому в ней противостоял. Всех этих писателей, композиторов и полководцев при этом можно осуждать или, напротив, оправдывать, превозносить или ниспровергать, но знать правду об их жизни все-таки желательно, потому что только это знание помогает лучше понять, что они совершили на самом деле.

…

Моцарт *(27 января 1756,*

Зальцбург – 5 декабря 1791, Вена)

- *Полное имя – Иога́нн Хризосто́м Во́льфганг Теофи́л Мо́царт.*
- *Достижения – великий композитор, необыкновенное дарование с трех лет, одна из самых мифологизированных фигур в истории искусства.*
- *Особенности характера – тщеславный, строптивый, подвержен частым переменам настроения, неуравновешенный, подозрительный.*
- *Семейное положение – был женат на Констанце Вебер, дочери суфлера и переписчика нот из Мангеймского придворного театра.*
- *Дети – шесть детей, ранняя смерть четырех из них.*
- *Материальное положение – невысокое, умер практически в нищете.*
- *Оперы, которые сделали Моцарта знаменитым, – «Женитьба Фигаро», «Дон Жуан», «Волшебная флейта».*
- *Внешность – не отличалась особой красотой, он так и не достиг нормального роста, всю свою жизнь отличался слабым здоровьем, был худ и бледен.*
- *Злодейство – зависть, непомерные амбиции.*

Глава первая Правда о Моцарте и Сальери

«Музыка воодушевляет весь мир, снабжает душу крыльями, способствует полету воображения; музыка придает жизнь и веселье всему существующему… Ее можно назвать воплощением всего прекрасного и всего возвышенного».

(Платон)

Великий Йоганн-Хризостомус-Вольфганг-Готтлиб Моцарт, более известный как Вольфганг-Амадей Моцарт (по-итальянски Amadeo – «возлюбленный Богом», что эквивалентно значению имени Готтлиб), родился в Зальцбурге 27 января 1756 года.

А вот реальный Антонио Сальери, совершенно не похожий на печально известный персонаж трагедии А.С. Пушкина, появился на свет на пять с половиной лет раньше – 18 августа 1750 года. Если кто-то не знает, произошло это в итальянском местечке Леньяго, что близ Вероны.

Моцарт родился в семье плохого, но весьма упорного (он некоторое время играл четвертую скрипку в архиепископском оркестре и даже приобрел определенную известность) музыканта Леопольда Моцарта, а Сальери – в многодетной семье состоятельного торговца.

Естественно, Леопольд Моцарт сразу же начал музыкальное воспитание своего ребенка, и уже в четыре года тот умел играть на клавире менуэты и даже более сложные пьесы.

А вообще Моцарт-младший с трех лет обнаружил необыкновенные дарования: подходя сам к фортепьяно, он искал несколько нот, брал их своими маленькими пальчиками, и в получившихся звуках слышался аккорд. После он брал другой, третий, и так далее, и их последовательная стройность составляла гармонию. Ребенок все понимал, все схватывал с изумительной быстротой. Он легко выучился читать ноты, с охотой разучивал произведения, которые задавал ему отец, но все же больше любил играть то, что вдруг само приходило ему в голову.

А вот у Сальери все обстояло несколько иначе. Маленький Антонио тоже очень рано проявил способности и интерес к

музыке, но его учителем стал родной брат Франческо, ученик знаменитого в те времена скрипача Джузеппе Тартини.

...

По мнению величайшего скрипача Давида Ойстраха, «Тартини принадлежит к числу корифеев итальянской скрипичной школы XVII века, искусство которых сохраняет свое художественное значение и по сей день».

Франческо Сальери тоже был скрипачом, и ему часто приходилось играть для церковных торжеств в районе Леньяго. Однажды, когда Антонио было десять лет, Франческо уехал играть в соседнюю деревню и не взял его с собой. Но мальчик очень хотел послушать замечательную музыку, и, не спросив разрешения у родителей, он отправился за братом пешком. Естественно, родители были очень обеспокоены исчезновением сына, а когда он вернулся домой, отец запер его в комнате, пригрозив на неделю посадить лишь на хлеб и воду. Конечно, это была всего лишь угроза, отец так не поступил, но мальчик, очень любивший сахар, быстро заготовил запас сахара у себя в комнате.

А затем мальчик учился игре на клавесине у соборного органиста Джузеппе Симони, который, в свою очередь, был учеником знаменитого Джованни-Батиста Мартини, капельмейстера собора Сан-Франческо в Болонье.

...

(нем. Kapellmeister) – 1) в XVI–

XVII вв. – руководитель хоровых, инструментальных и вокально-инструментальных капелл. 2) С XIX в. дирижер театрального, военного, симфонического оркестров.

В это время, а именно в 1762 году, Моцарт с отцом и сестрой (она была на четыре года старше) уже отправился в Вену, где два маленьких виртуоза предстали перед императорским двором.

В 1763 году полный амбиций Леопольд Моцарт вообще вывез детей за пределы страны. Говоря сегодняшним языком, он отправился с ними на гастроли: в Мюнхен, Магнейм, Франкфурт, Кобленц, Кёльн, Аахен, Брюссель… В ноябре они достигли Парижа и пробыли там почти полгода. И везде маленький мальчик вынужден был играть, играть практически каждый вечер, удивляя слушателей своим мастерством и теша гипертрофированное самолюбие отца.

И, надо сказать, отец обожал сына, буквально сходя с ума от гордости и любви к нему. Семейство его было бедное, и отец смотрел на сына, как на сокровище, которое могло его обогатить.

Биограф Моцарта Марсель Брион по этому поводу пишет:

«Леопольда побуждало представить публике «вундеркинда», прежде всего, чувство гордости за своего гениального сына, а также менее похвальное и несколько рискованное желание заработать на этом выдающемся феномене деньги. Можно думать также, что, несмотря на свой относительный и совершенно «локальный» успех, он жаждал большего и перенес на сына свои несбывшиеся надежды».

Фридрих Вайсенштайнер, определяя роль Моцарта-старшего, называет его так: «он был для Вольфганга не просто советчиком, но выполнял функции осмотрительного, оборотистого менеджера».

А вот у Антонио Сальери в 1763 году умерла любимая мать, а вскоре за нею ушел в мир иной и его отец, потерявший к тому времени все состояние в результате сомнительных торговых махинаций. Таким образом, мальчик остался полным сиротой, и его приняла на воспитание семья друзей отца.

Надо сказать, что семья Мочениго была одной из самых богатых в Венеции. Ее глава, сеньор Джованни Мочениго, состоятельный меценат и любитель музыки, друг отца Антонио, по-видимому, собирался дать мальчику более серьезное музыкальное образование. Во всяком случае, в Венеции Антонио Сальери с 1766 года изучал basso continuo (упрощенный способ

записи гармоний) у вице-капельмейстера собора Святого Марка Джованни-Батиста Пескетти, а также учился пению у известного тенора Фердинандо Пачини.

Но вторым отцом Антонио стал не сеньор Моченигo, а совсем другой человек. Этим человеком был приехавший в это время по театральным делам в Венецию венский композитор Флориан-Леопольд Гассман.

Уроженец Богемии, Гассман имел весьма заметное положение в Вене. Он организовал первое в мире музыкальное общество Tonku#nstler-Sozieta#t, которое занималось поддержкой композиторов и организацией благотворительных концертов. А еще он был придворным композитором балетной и камерной музыки, капельмейстером и, что особенно важно, членом небольшой группы музыкантов, с которой император Иосиф II ежедневно музицировал.

Пораженный музыкальным даром (пением и игрой на рояле) Сальери, он предложил мальчику переехать в Вену.

* * *

Сальери – ему было тогда пятнадцать лет – охотно согласился с этим предложением.

Гассман и Сальери прибыли в Вену 15 июня 1766 года. С этого дня Вена стала его родным городом, где, за исключением нескольких творческих поездок, прошла вся его жизнь.

В Вене Сальери стал жить в доме Гассмана, ставшего для него не «оборотистым менеджером», а заботливым покровителем, учителем и фактически приемным отцом.

Флориан-Леопольд Гассман отметил талант Сальери, выделил его как самого способного своего ученика и даже стал считать его своим преемником. Благодаря Гассману началась музыкальная деятельность Сальери в качестве исполнителя.

А в это время Моцарты колесили по дорогам Европы, и кончилось все это тем, что Вольфганг заболел, причем весьма серьезно. Как тогда говорили, это была «злокачественная малярия». Несчастный ребенок, по словам Марселя Бриона, «похудел, обессилел, превратился в собственную тень». Не выдержала заданного отцом темпа и сестра Моцарта.

Биограф Моцарта Фридрих фон Шлихтегролль констатирует:

«В Гааге брат и сестра друг за другом перенесли смертельно опасную болезнь».

После этого Леопольд Моцарт решил поехать в Швейцарию, чтобы дети могли подышать целебным горным воздухом.

Впрочем, и там им пришлось выступать, но, как отмечает Марсель Брион, «большим успехом в Швейцарии юные виртуозы не пользовались».

…

Первый оперный театр для публичных представлений был открыт в 1637 году в Венеции; ранее опера служила только для придворных развлечений. Первой большой оперой можно считать «Дафну» Джакопо Пери, исполненную в 1597.

(из Википедии)

* * *

В 1769 году Сальери начал работать в театре в качестве ассистента Флориана-Леопольда Гассмана. А вскоре он уже имел должность клавесиниста-концертмейстера придворного оперного театра и за достаточно короткий срок сделал головокружительную карьеру.

Дело в том, что император Иосиф II очень любил Гассмана и его музыку. Узнав о том, что у его фаворита появился какой-то очень талантливый ученик, он изъявил желание его послушать. В результате Гассман привел Антонио Сальери во дворец, где ему предложили спеть и поиграть. Сначала Сальери сильно смущался, но потом мало-помалу разошелся, и его выступление очень понравилось императору, который, как это было принято в семействе Габсбургов, был прекрасным музыкантом.

Так началось императорское покровительство, сыгравшее важнейшую роль в дальнейшей карьере Антонио Сальери.

А дальше все происходило для Сальери, словно в сказке. Гассман поехал в Рим писать там заказную оперу для карнавала. Но тут выяснилось, что именно в это время Джованни Боккерини,

танцор Венской оперы и родной брат знаменитого итальянского композитора и виолончелиста Луиджи Боккерини, написал комическое либретто, к которому Гассман должен был создать музыку. Но придворный композитор был в Италии и никак не мог разорваться на две части. И тогда к работе над музыкой приступил девятнадцатилетний Сальери, который уже имел некоторый профессиональный опыт в композиции [5] .

Сальери взялся за новую работу с энтузиазмом. Он работал день и ночь, отрываясь только на сон и прием пищи, и написал необходимую музыку очень быстро. Так появилась на свет опера «Образованные женщины», первое произведение, которое сделало Сальери имя в австрийской столице.

Оперу действительно встретили весьма благосклонно, и она даже удостоилась похвалы жившего тогда в Вене знаменитого композитора Кристофа-Виллибальда фон Глюка, пожалуй, первого среди оперных композиторов XVIII века.

Успех окрылил Сальери, и он принялся работать с утроенной энергией. В результате в том же 1770 году появилась опера «Дон Кихот на свадьбе Гамачо» и, в сотрудничестве с тем же Джованни Боккерини, еще одна опера – «Невинная любовь».

Так началась карьера одного из самых успешных мастеров оперного жанра конца XVIII века.

Вернувшийся в Вену Флориан-Леопольд Гассман представил Сальери знаменитому поэту и либреттисту Пьетро Метастазио, в доме которого собирались столичные интеллектуалы и артисты. А живший по соседству Глюк так проникся работами молодого композитора, что стал вторым покровителем и учителем Антонио.

Еще через год Сальери была создана опера «Армида», обозначившая решающий прорыв в карьере со всеми любезного и остроумного молодого композитора.

«Армида» имела огромный успех: она была поставлена в Вене, Копенгагене, Санкт-Петербурге, Гамбурге, Майнце, Берлине и ряде других европейских городов.

А дальше – пошло-поехало.

Всего через полгода из-под пера Сальери вышла опера «Венецианская ярмарка», также имевшая повсеместный успех. Впервые она была представлена в Вене 29 января 1772 года, а потом ставилась с неизменным успехом по всей Европе (она имела более тридцати постановок при жизни автора).

Интересно отметить, что единственным, кто отозвался об этой опере весьма резко, был… Ну конечно же Леопольд Моцарт, отец Вольфганга-Амадея Моцарта, прослушавший ее в Зальцбурге в 1785 году.

Производительности Сальери можно только удивляться. В том же 1772 году появилась его опера «Похищенная бадья», в 1773 году – опера «Трактирщица».

...

«Бог дал нам музыку, чтобы мы прежде всего влеклись ею ввысь…»

(Ф. Ницше)

* * *

В 1773 году Сальери получил весьма почетное и выгодное приглашение от шведского короля Густава III, которое он, однако, отклонил, рассчитывая на более престижное покровительство австрийского императора. Будущее показало, что в этом нелегком решении Сальери оказался совершенно прав.

Дело в том, что летом 1773 года придворный композитор и первый капельмейстер императорской капеллы Флориан-Леопольд Гассман очень сильно заболел и оказался при смерти. Естественно, возник вопрос о преемственности. Тут же в Вену примчался из Зальцбурга молодой Моцарт. Его отец надеялся, что он получит хотя бы одну из должностей Гассмана, когда все они окажутся вакантными. Тщеславный и напористый (по определению Фридриха Вайсенштайнера) отец и его сын получили аудиенцию у императрицы Марии-Терезии. Об этой встрече Моцарт-отец потом написал:

«Императрица вела себя очень мило, но не более того».

Осознав, что шансов на получение какого-либо места нет, в октябре того же года Моцарты вернулись в свой Зальцбург.

А 22 января 1774 года в Вене в возрасте всего сорока пяти лет скончался Флориан-Леопольд Гассман.

После этого основное его место первого капельмейстера императорской капеллы получил шестидесятитрехлетний композитор итальянского происхождения Джузеппе Бонно, а двадцатичетырехлетнему Антонио Сальери досталась должность

придворного композитора камерной музыки. Кроме того, Иосиф II, сын Марии-Терезии (король Германии с 1764 года и император Священной Римской империи с 1765 года), назначил Сальери заместителем капельмейстера итальянской оперы в Вене.

А что же Моцарт? Его биограф Марсель Брион пишет:

«Расположение, которое Иосиф II выказывал Моцарту, не доходило до того, чтобы назначить его на официальную должность, позволяющую рассеять тягостную заботу о деньгах».

Неизвестно, встретился ли тогда Сальери с восемнадцатилетним Моцартом. Мы знаем только, что Моцарт присутствовал на представлениях опер Сальери «Венецианская ярмарка» и «Трактирщица».

Австрийский музыковед Леопольд Кантнер в своей статье «Сальери: соперник Моцарта или образец для подражания?» пишет об отношениях Моцарта и Сальери следующее:

«В чем состояли претензии Моцарта к Сальери? К примеру, он пишет, что в глазах императора Сальери имел большой вес, а сам он, Моцарт, никакого. Не надо, однако, думать при этом, будто дело обстояло так, что Сальери втерся в доверие к императору, оттеснив Моцарта. Было как раз наоборот. Это Моцарт пытался оттеснить Сальери, чего ему не удалось. От своего отца унаследовал Моцарт вот эту фобию – «итальяшки» – и все валил на «итальяшек». Действительно, итальянцы были очень влиятельны в Вене, и это ему представлялось препятствием для собственного успеха. Обстоятельство, не имеющее никакого отношения к качеству произведений Моцарта. Конечно, они заслуживают самой высокой оценки. И все же именно Моцарт пытался оттеснить от императора итальянцев, ради собственного преуспевания.

За свою игру на фортепиано Моцарт удостоился нескольких комплиментов от императора, которые он переоценил, однако в опере он еще не мог преуспеть. Ему было нечего показывать, кроме оперы «Идоменео». А «Идоменео» в Вене никто не знал. Поэтому дело обстояло совсем не так, как это представляет Моцарт: что итальянцы строили против него козни. Скорее, это он пытался делать карьеру за счет итальянцев. И это ему не удалось. Затем он переворачивает всю картину и представляет себя жертвой какой-то камарильи, которой, собственно говоря, и не было».

Биограф Моцарта Марсель Брион дополняет вышеизложенную картину следующими замечаниями: во-первых, Леопольд Моцарт, «страдавший некоторой манией преследования, которую отчасти унаследовал, к сожалению, и его сын», необоснованно обвинял в неудачах своего сына итальянцев;

во-вторых, и «французов Леопольд не любил и музыку их ценил не слишком высоко».

...

Марсель Брион (1895, Марсель – 1984, Париж) – французский публицист, литературный критик, писатель и историк.

Короче говоря, человеком Леопольд Моцарт показал себя не только «тщеславным и напористым», но и, как пишет Марсель Брион, обладающим весьма «желчным характером».

Не лучше обстояли дела и у его сына, в отношении которого Марсель Брион употребляет такие термины, как «недовольный», «подозрительный», «строптивый» и т.д.

Более того, Моцарт-сын находился под полным влиянием Моцарта-отца, и это дает право Марселю Бриону сделать следующий вывод:

«Этот педант продолжал манипулировать своим послушным ребенком ради того, что считал самым полезным и эффективным для его репутации и искусства».

Право же, лучше бы этот «оборотистый менеджер» оставил репутацию своего сына и искусство в покое…

...

«О музыка! Отзвук далекого гармоничного мира! Вздох ангела в нашей душе! Когда замирает слово, и объятие, и наполненный слезами глаз, когда наши немые сердца в одиночестве томятся за

решеткой нашей груди – о, тогда только благодаря тебе могут они послать друг другу отклик из своих тюрем, соединить в одной пустыне свои далекие стоны».

(Жан Поль)

* * *

А что же Сальери? Пока отец и сын Моцарты злобствовали, Сальери после смерти Флориана-Леопольда Гассмана принял на себя заботу о двух его малолетних дочерях и подготовил их к оперной карьере. Обе они навсегда сохранили признательность к своему воспитателю и педагогу.

Об этом периоде жизни Антонио Сальери один из его современных критиков с пренебрежением пишет:

«Итальянец, хваткий провинциал, с шестнадцати лет активно работавший в имперской столице Вене, он служил капельмейстером в Итальянском департаменте Венской оперы, не отказывался ни от каких спектаклей – и пользовался среди певцов репутацией «удобной подставки под голос»: всегда ждал, никогда не забегал вперед, чутко аккомпанировал и аккуратно разучивал чужие арии с капризными премьерами и примадоннами. Можно было спокойно заниматься этим всю жизнь, но тогда бы классический «трудоголик» Сальери в историю вообще не попал, даже с черного хода».

…

Венская государственная опера (нем. Wiener Staatsoper, до 1918 года Венская придворная опера) – крупнейший оперный театр в Австрии, центр музыкальной культуры.

Придворная опера в Вене возникла в середине XVII века,

спектакли оперы шли в различных театрах. В 1863 г. было начато строительство специального здания для Венской оперы по проекту венских архитекторов Августа Сикарда фон Сикардсбурга и Эдуарда ван дер Нюлля; здание было завершено к 1869 г. и открылось 25 мая оперой Вольфганга Амадея Моцарта «Дон Жуан».

(из Википедии)

С подобным мнением невозможно согласиться. «Удобная подставка под голос» стала не просто руководителем хора. Кстати сказать, именно так с немецкого языка переводится слово Kapellmeister (Kapelle – хор, Meister – руководитель). Чтобы иронии стало поменьше, подчеркнем, что в 1778 году Сальери стал первым императорским капельмейстером, а это была самая высокая в Вене музыкальная позиция, на которую случайные люди не попадали.

Мнение чешского музыковеда Камилы Халовой только подтверждает сказанное:

«Опера в XVIII веке была ведущим видом искусства и модным развлечением. Вполне естественно, что человек, которому было поручено сочинять оперы для императорского двора и который отвечал за представления в императорском театре, пользовался большим уважением и доверием высших представителей монархии».

…

O$пера (итал. opera – «дело, труд, работа», от лат. opera – «труд, изделие, произведение») – жанр музыкально-драматического искусства, в котором содержание воплощается средствами

музыкальной драматургии, главным образом посредством вокальной музыки. Литературная основа оперы – либретто.

(из Википедии)

Особую серьезность этому положению Сальери придавало то, что он был иностранцем, и было это в то время, когда австриец Моцарт об этой должности мог только мечтать. Как видим, оклад и чин, на который претендовали многие местные музыканты, достался, как сейчас принято говорить, «инородцу», человеку, говорившему по-немецки с заметным акцентом. Это было удивительно и вполне доказывает тот факт, что Сальери не был всего лишь «трудоголиком». Конечно, об этом более авторитетно могли бы рассказать такие ученики Сальери, как Бетховен, Лист или Шуберт, но к этому факту его биографии мы вернемся несколько позже.

* * *

В 1775 году Сальери женился на Терезии Хельферсторфер, с которой он познакомился за год до этого. Условием брака была возможность содержать семью. Сальери сказал, что получает 300 дукатов как капельмейстер итальянских опер, 100 дукатов как композитор и 300 дукатов за уроки (ежегодно). Ему ответили, что это мало. Когда император узнал об этом, он поднял ему зарплату со 100 до 300 дукатов.

Реальный Сальери описывается теми, кто его видел и говорил с ним, как человек маленького роста, с приветливой улыбкой. Он был большим педантом по части костюма, элегантным, подтянутым, в парике и всегда безупречно выбритым.

Он стал отменным семьянином, отцом семи дочерей и сына. Сразу скажем, что его жена скончалась в 1807 году, а пережили Антонио Сальери только его дочери Йозефа, Франциска-Ксаверия и Катарина.

Моцарт тоже женился, но значительно позже. Его избранницей стала Констанца Вебер, дочь Фридолина Вебера, суфлера и переписчика нот из Мангеймского придворного театра.

Рената Вельш в своей книге «Жена Моцарта» пишет:

«Констанца слишком хорошо знала, что это значит – сидеть без гроша и вздрагивать при каждом стуке в дверь, ожидая прихода кредиторов».

Они обвенчались 4 августа 1782 года в церкви Святого

Стефана.

У биографа Моцарта Фридриха фон Шлихтегролля по этому поводу читаем:

«В Вене Моцарт женился на Констанце Вебер и обрел в ее лице хорошую мать двоих детей и достойную жену, способную удержать его от многих излишеств и сумасбродств».

Леопольд Моцарт, естественно, был категорически против избранницы сына. Он и не думал скрывать свою антипатию к Констанце. Это и понятно, ведь его сын, в которого он столько вложил, связал свою судьбу с «дочерью нищего», а он мечтал о том, чтобы его гениальное чадо нашло себе приют «под крылышком какого-нибудь знатного вельможи».

Что касается «многих излишеств и сумасбродств», то это, применительно к молодому Моцарту, выглядит весьма важным замечанием. Его биограф Марсель Брион по этому поводу пишет:

«Сам Моцарт не Дон Жуан и не Казанова […] Он слишком занят музыкой, чтобы у него оставалось много времени на женщин, а завоевание женщины требует времени, и притом немалого».

При этом он же констатирует:

«Наряду с регулярной супружеской близостью, он не отказывался от редких увлечений, впрочем, совершенно несерьезных».

Эдуард Мёрике, автор весьма интересной новеллы о Моцарте, указывает на то, что молодожен «искал отдохновения вне стен своего дома».

А вот Рената Вельш в своей книге «Жена Моцарта» даже называет имена некоторых его «редких увлечений». Например, она говорит о некой Йозефе Душек. По словам Ренаты Вельш, Констанца «ревновала к ней Моцарта, и ревность эта была совсем не та, что к субреткам и горничным, с которыми Моцарт всегда не прочь был подурачиться».

А еще называют некоего Франца Хофдемеля, одного из кредиторов Моцарта. Его жена брала у Моцарта уроки музыки, но дело, похоже, не ограничивалось только этим. Во всяком случае, Рената Вельш излагает эту историю так:

«Вскоре после смерти Моцарта он покончил с собой, а перед тем тяжело ранил свою жену, беременную. Страшная история. Кое-кто поговаривал, будто бы отцом ребенка был Моцарт».

Несчастная Констанца! Она, как могла, старалась препятствовать этому, но, как пишет Марсель Брион, «они всегда были далеки друг от друга, несмотря на плотскую близость».

Фридрих Вайсенштайнер в своей книге «Жены гениев» объясняет брак Моцарта следующим образом:

«Ему нужен кто-то, кто был бы рядом, скрашивал будничные заботы, готовил ему еду, заботился о платье, стирал белье. Ему нужна жена. Даже гений – это человек с сексуальными потребностями».

Констанца готова была терпеть и терпеть. К сожалению, ее муж, как отмечает Фридрих фон Шлихтегролль, «так никогда и не научился полностью владеть собой, так и не усвоил правил […] надлежащего обращения с деньгами, умеренности и разумного выбора удовольствий».

В связи с этим Фридрих Вайсенштайнер делает вывод:

«За девять лет супружества Констанца дала жизнь шестерым детям […] Многочисленные беременности и ранняя смерть четверых детей подвергли физическое и душевное здоровье Констанцы серьезным испытаниям: надо думать, все это в немалой степени осложняло супружескую жизнь Моцартов. Жене великого композитора вряд ли можно позавидовать».

* * *

...

«Музыка показывает человеку те возможности величия, которые есть в его душе».

(У. Эмерсон)

Став музыкальным фаворитом Иосифа II, Сальери на протяжении длительного времени находился в центре музыкальной жизни австрийской столицы. Он не только осуществлял постановки и дирижировал спектаклями, но и управлял придворной певческой капеллой. Кроме того, в его обязанности входило наблюдение за музыкальным обучением в казенных учебных заведениях Вены.

Это была поистине головокружительная карьера! Но самое удивительное заключалось в том, что ее имел в Вене итальянец, а не австриец. В связи с этим можно смело утверждать, что Вена

стала для Антонио Сальери его второй родиной.

Между тем итальянский оперный театр в Вене переживал трудные времена и был весной 1776 года закрыт Иосифом II. Видимо, по этой причине творческая активность Сальери в 1776–1777 годах была невелика. А в 1778 году, по рекомендации Глюка, явно рассматривавшего молодого композитора в качестве своего преемника, Сальери уехал в Италию, получив там чрезвычайно почетный заказ написать оперу для открытия заново отстроенного после пожара оперного театра. Этот миланский театр, известный сейчас под названием «Ла Скала», был открыт 3 августа 1778 года великолепным представлением оперы Сальери «Узнанная Европа».

Из Милана композитор отправился в Венецию, где принялся за сочинение по заказу местного оперного театра одной из самых успешных своих опер. В последующие тридцать лет «Школа ревнивых» выдержала более шестидесяти постановок по всей Европе.

И другие крупнейшие итальянские театры заказывали оперы своему соотечественнику. Среди них – венецианский театр «Сан-Мойзе», римский театр «Балле». Три театра начали свою деятельность постановкой опер Сальери: помимо знаменитого театра «Ла Скала», это миланский театр «Каноббиана» и театр «Нуово» в Триесте.

Как видим, произведения Сальери обошли почти все оперные театры мира.

* * *

Кристоф-Виллибальд фон Глюк – композитор, осуществивший настоящую оперную реформу, был на тридцать шесть лет старше Сальери. Всего за свою жизнь он написал сорок шесть опер, шесть симфоний, множество псалмов и других произведений. Короче говоря, для Сальери это был непререкаемый авторитет.

А вот о том, насколько великий Глюк ценил молодого Сальери, свидетельствует такой эпизод. Глюк давно вел переговоры с Парижской оперой о сочинении новой оперы «Данаиды». Он даже подписал договор, но никак не мог в срок справиться с этим заказом: ему уже было под семьдесят, и состояние его здоровья радикально ухудшилось. И тогда он обратился к Сальери с предложением сочинить оперу вместо него, а потом поставить «Данаид» в Париже так, будто опера написана ими в соавторстве.

...

Кристоф Виллибальд Глюк (нем. Christoph Willibald Ritter von Gluck, 2 июля 1714 – 15 ноября 1787, Вена) – немецкий композитор. Франция считает его своим, потому что наиболее славная его деятельность связана с парижской оперной сценой, для которой он написал свои лучшие произведения на французские слова. Многочисленные оперы его: «Артаксеркс», «Демофонт», «Федра» и пр., были даны в Милане, Турине, Венеции, Кремоне.

Одновременно Глюк договорился с организаторами: вместо него в Париже будет находиться его доверенное лицо, молодой талантливый композитор Антонио Сальери, соавтор третьего действия, и именно он будет репетировать с музыкантами и дирижировать.

Первое представление «Данаид» состоялось в столице Франции 26 апреля 1784 года.

Успех оперы был огромен. Все восхваляли имя Глюка. Но каково же было изумление парижской публики, когда получило огласку письмо Глюка, в котором было сказано, что настоящий и единственный автор «Данаид» – Антонио Сальери.

Музыкальный обозреватель журнала «Меркюр де Франс» (Mercure de France) потом написал:

«Заявление Глюка сделало невозможное. Оно возвысило в общем мнении и без того всеми признанный талант господина Сальери. Его прекрасная опера свидетельствует о доподлинном знании нашего театра и позволяет надеяться на появление новых постановок, которых мы вправе от него ожидать».

Все это дало Сальери старт для феноменально успешной карьеры, где было все – от громовых триумфов до полного иконостаса всевозможных орденов. Ну а дирекция Парижской

оперы сделала Сальери еще два заказа (на оперы «Горации» и «Тарар»).

* * *

…

«Писать музыку не так уж трудно, труднее всего – зачеркивать лишние ноты».
(Брамс Иоганнес)

Успех Сальери затмил тогда только вставшего на ноги Моцарта, у которого не было еще сделавших его знаменитым «Женитьбы Фигаро», «Дона Жуана» и «Волшебной флейты».

Заметим, что материальное положение Моцарта было тогда не блестящим. Как отмечает в своей книге «Вена» Е.Н. Грицак, «родившийся в Зальцбурге Моцарт считался провинциалом, которому в старой Австрии трудно было рассчитывать на большее». Именно поэтому он, оставив место органиста в Зальцбурге, для обеспечения своей семьи вынужден был давать уроки, сочинять контрдансы, вальсы и даже пьесы для стенных часов с музыкой, а также чуть ли ни ежедневно играть на вечерах венской аристократии.

Все это дает музыковеду Леопольду Кантнеру полное право заявить:

«Для зависти к Моцарту у Сальери не было причин, у Сальери было вполне прочное положение».

Сказать то же самое о Моцарте невозможно. Причин для зависти у него тогда было предостаточно. Чего стоит, скажем, такой пример. В марте 1781 года, когда Моцарт окончательно поселился в Вене, у него произошло первое серьезное столкновение с Сальери, завершившееся для юного зальцбуржца полным поражением. В том году при дворе решался вопрос о музыкальном образовании молодой княгини Елизаветы Вюртембергской, младшей сестры будущей российской

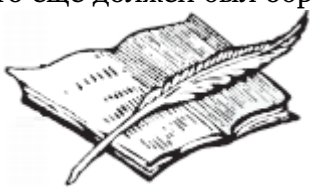
императрицы Марии Федоровны. Ей было тогда пятнадцать лет. На пост преподавателя было два кандидата – Моцарт и Сальери. Выбор, естественно, пал на Сальери. И произошло это не только потому, что Сальери считался тогда лучшим музыкантом и лучшим преподавателем. По словам Марио Корти, дело состояло еще и в том, «что у Моцарта была репутация легкомысленного и даже разнузданного молодого человека. Было опасение за честь и достоинство молодой княгини».

Разочарованный Моцарт написал тогда своему отцу:

«Я потерял все доброе расположение императора ко мне […] Для него существует только Сальери».

Леопольд Кантнер не может скрыть своего удивления:

«Что значит «потерял»? Разве он когда-нибудь пользовался расположением императора в такой степени, как Сальери? Сальери, Ригини [6] , Анфосси [7] чувствовали себя при венской опере, как дома. У них там были прочные позиции. А Моцарт свое место еще должен был обрести».



…

«Музыка, когда она совершенна, приводит сердце в точно такое же состояние, какое испытываешь, наслаждаясь присутствием любимого существа, то есть, что она дает, несомненно, самое яркое счастье, какое только возможно на земле».

(Стендаль)

А вот еще несколько высказываний Моцарта о Сальери из его корреспонденции.

Из письма от 31 августа 1782 года:

«Сальери не в состоянии преподавать фортепиано».

Из письма от 7 мая 1783 года:

«Да Понте [8] обещал написать новое либретто для меня. Но сдержит ли он слово. Господа итальянцы ведь очень милы лицом к лицу, а за спиной!.. Мы-то их хорошо знаем. Если Да Понте

сговорился с Сальери, либретто я никогда в жизни не получу, а я так хотел бы показать свое умение в области итальянской оперы».

По этому поводу Марио Корти не может удержаться от едкой ремарки:

«Замечу, что после этого Да Понте написал для Моцарта несколько либретто. Вся итальянская трилогия Моцарта написана Да Понте».

В мае 1790 года Моцарт написал следующее письмо эрцгерцогу Францу:

«Моя любовь к труду и сознание своего умения позволяют мне обратиться к Вам с просьбой о предоставлении мне положения капельмейстера, тем более, что Сальери, хотя и опытнейший капельмейстер, никогда не занимался церковной музыкой».

А вот выдержка из письма от 18 апреля 1786 года:

«Кто знает, как выйдет с постановкой «Свадьбы Фигаро» – у меня есть сведения, что готовится большая интрига. Сальери и его сообщники из кожи вон лезут».

* * *

А тем временем, в 1787 году, имела огромный успех опера «Тарар», созданная Сальери совместно с Пьером-Огюстеном Кароном де Бомарше, автором знаменитых пьес «Севильский цирюльник» (1775) и «Женитьба Фигаро» (1784), составила эпоху в истории французского театра.

...

Пьер-Огюстен Карон де Бомарше (фр. Pierre-Augustin Caron de Beaumarchais; 24 января 1732, Париж – 18 мая 1799, там же) – знаменитый французский драматург и публицист.

(из Википедиш)

У А.С. Пушкина есть несколько строк об этой опере, вложенные в уста Моцарта:

Да, Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него «Тарара» сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив…
Я все твержу его, когда я счастлив…

Бомарше, знавший толк в музыке, признавался в посвящении своего произведения (текста оперы) Сальери, что он считает за честь называть себя его либреттистом. Он писал:

«Если наш труд будет иметь успех, я буду обязан почти исключительно Вам. И хотя Ваша скромность заставляет Вас всюду говорить, что Вы только мой композитор, я горжусь тем, что я Ваш поэт, Ваш слуга и Ваш друг».

…

«Музыка, все музыка! В конце концов даже его женитьба, его недолгое семейное счастье – и то началось с музыки… Жена умерла, не оставила ему ничего, кроме его новой фамилии – Бомарше; так называлось принадлежавшее ей имение. Но теперь он присоединил к этой фамилии вожделенную частичку «де»: он купил себе дворянство! Дворянин, богач, любимец двора… Положительно, он – баловень судьбы».

(Цит. по: Читальный зал сайта Biografia.ru «Писатели Франции» Сост. Е. Эткинд Просвещение, М.: 1964. – Р. Зернова. ПЬЕР ОГЮСТЕН БОМАРШЕ (1732–1799))

Премьера оперы Сальери-Бомарше состоялась в Париже 8 июня 1787 года. Общественное мнение было возбуждено до самой невероятной степени. Для сдерживания толпы были возведены специальные ворота, и четыреста солдат патрулировали улицы вокруг здания Оперы.

Успех работы, в том числе и финансовый, был впечатляющим. В течение десятилетий «Тарар» оставался самым кассовым спектаклем в Парижской опере. В первые же девять месяцев опера была представлена тридцать три раза, принеся более четверти всей выручки театра за год.

* * *

…

«Любите и изучайте великое искусство музыки. Оно откроет вам целый мир высоких чувств, страстей, мыслей. Оно сделает вас духовно богаче. Благодаря музыке вы найдете в себе новые неведомые вам прежде силы. Вы увидите жизнь в новых тонах и красках».

(Д. Шостакович)

После успеха «Тарара» Сальери по праву мог рассчитывать на постоянный поток заказов от Парижской оперы. Но Великая французская революция смешала композитору все карты. С мечтами о продолжении карьеры одновременно в Париже и Вене пришлось расстаться, поэтому Сальери вернулся в Вену – и, как выяснилось позже, поступил правильно.

В Вене Сальери ожидала большая потеря: 15 ноября 1787 года скончался Глюк, его близкий друг, учитель и покровитель. Горе Сальери по этому поводу не поддается описанию…

А в январе 1788 года была поставлена новая опера Сальери,

получившая название «Аксур, царь Ормуза». В течение 80-х и 90-х годов XVIII века «Аксур» пользовался огромным успехом, причем не только в Вене, где лишь в придворных театрах он был поставлен более сотни раз. В различных переводах опера быстро приобрела общеевропейскую популярность.

После успеха «Аксура» авторитет Сальери в Вене стал непререкаемым. После этого император приказал уволить с сохранением жалования Джузеппе Бонно, занимавшего должность первого капельмейстера императорской капеллы в течение пятнадцати лет, и Сальери занял его место.

При этом Иосиф II дал такую оценку творчеству Сальери:

«Я полагаю, что, если ему не помешают интриги, этот молодой человек – ученик Глюка, написавший несколько превосходных партитур, – будет единственным, кто сможет заменить его».

Так Сальери, вернувшись из Парижа, стал центральной фигурой музыкальной Вены.

* * *

А что же Моцарт? Отметим, что искушенный в сочинении опер Сальери впервые непосредственно столкнулся с ним в середине 80-х годов XVIII века, когда имела место одна весьма курьезная премьера в Придворном венском театре.

…

«В 1781 году Моцарт поселился в Вене, где и прожил до конца своих дней. «Счастье мое начинается только теперь», – писал он отцу».

(Цит. по: Прохорова И. Музыкальная литература зарубежных стран. М.: Музыка, 2003. С. 40).

В то время популярны были поединки между композиторами, и вот 6 февраля 1786 года в Шёнбруннском дворце был проведен поединок между Моцартом и Сальери. Выглядело это так: в один вечер в одно и то же время шли два одноактных комических представления с музыкой. Для чистоты эксперимента оба они имели практически одинаковый сюжет. Действие происходило за кулисами театра, где две оперные примадонны отчаянно ссорились из-за распределения ролей в новой постановке. В обоих случаях их пытался примирить ловкий импресарио. Разница была только в том, что зингшпиль [9] «Директор театра» был сочинен Моцартом, а маленькая итальянская опера под названием «Сначала музыка, а потом слова!» – Сальери.

Заметим, что оба произведения были сочинены по заказу императора Иосифа II для представления по случаю приема генерал-губернатора австрийских Нидерландов Альберта, герцога Саксен-Тешен, и его супруги, сестры императора, Великой герцогини Марии-Кристины.

Итог специально организованного поединка оказался печальным для Моцарта. Опера Сальери была встречена аплодисментами восторженной публики, а зингшпиль Моцарта провалился.

Специально занимавшийся этим вопросом Марио Корти констатирует:

«Говорят, что причина успеха Сальери и провала Моцарта состояла в том, что у Сальери автором либретто был знаменитый поэт Джованни-Баттиста Касти, а у Моцарта – немец И.Г. Штефани. Это было не просто состязание между двумя композиторами, это было соревнование между двумя жанрами – итальянской оперой и немецким зингшпилем… Проиграл зингшпиль, и проиграл Моцарт».

Другие специалисты отмечали, что в произведении Сальери музыкальная часть была слабее, но зато вокальная часть – более качественна. Нашлись и такие, кто заявил, что причина провала Моцарта заключалась лишь в том, что «его соперник Сальери гораздо лучше умеет угождать вкусам публики».

Говорить можно все, что угодно, на факт остается фактом: успех Сальери был огромен, и Моцарт в очном поединке с ним потерпел сокрушительное поражение.

Биограф Моцарта Марсель Брион отмечает, что этот «провал немецкой оперы» совершенно «не являлся лишь следствием исключительно интриг итальянцев».

За свою работу Сальери получил сто дукатов, а Моцарт – вдвое меньше. И заметим, что это было не первое подобное фиаско Моцарта: 24 декабря 1781 года он проиграл аналогичный

поединок знаменитому виртуозу клавесина Муцио Клементи, который играл сонату собственного сочинения. То поражение, кстати, Моцарт перенес очень тяжело, и если Клементи был в восторге от игры Моцарта, то проигравший назвал Клементи «итальяшкой», «шарлатаном» и «просто механиком», заявив, что «вкуса у него ни на грош», а произведения его «незначительны». Удивительная невоспитанность и самомнение! И как после всего этого объяснить тот факт, что, несмотря на подобные нелицеприятные эпитеты, Моцарт использовал мотив из сонаты Клементи в увертюре к своей «Волшебной флейте»?

В Британской энциклопедии 1960 года написано:

«Можно по праву сказать, что Моцарт завершает старую школу фортепианной техники, тогда как Клементи основатель новой школы».

Такого же мнения придерживался американский пианист В.С. Горовиц, один из исполнителей музыки Клементи. В одном телевизионном интервью он, на примерах Моцарта и Клементи, подчеркнул новаторство последнего, противопоставляя его традиционализму Моцарта.

У Марио Корти читаем:

«Клементи ничего плохого Моцарту не сделал. О Моцарте он всегда отзывался в самом уважительном тоне, восхищался его искусством и сыграл важную роль в распространении музыки Моцарта. В отличие от Сальери, Клементи не занимал положения, на которое Моцарт мог как-то претендовать. Он был прославленным виртуозом, известным во всей Европе. Бетховен, к примеру, осознал значение Клементи и первые свои сонаты писал в его стиле».

И вот такого человека Моцарт пренебрежительно обзывал «механиком», «шарлатаном» и «итальяшкой»…

Впрочем, умение проигрывать и уважать своих коллег-музыкантов никогда не было сильной стороной очень высоко ценившего себя Моцарта. Что же касается Сальери и традиционно приписываемой ему зависти, то ему досталась лишь одна возможность – быть ее объектом со стороны Моцарта, которому постоянно не везло именно там, где везло Сальери.

…

«Музыка даже в самых ужасных драматических положениях должна всегда пленять слух, всегда оставаться музыкой».

(Моцарт)

* * *

Итак, с 1788 года Антонио Сальери, написавший к тому времени горы оперной продукции и известный всей Европе, получил в Вене пост первого капельмейстера императорского двора. Леопольд Моцарт, как обычно, начал интриговать против этого, но его усилия успеха не имели. Его сын получил должность императорского камерного музыканта, и не более того. Но, будучи пятью с лишним годами младше Сальери, Моцарт-младший страстно желал быстрее выдвинуться вперед. Но вот вопрос: а мог ли он этого тогда добиться? И если не мог, то была ли в этом хоть капля вины Антонио Сальери?

Как мы уже говорили, Иосиф II не очень любил Моцарта. Но он умер 20 февраля 1790 года, и его сменил на троне его брат, ставший императором Леопольдом II. Так вот, он относился к Моцарту еще хуже. Биограф Моцарта Марсель Брион по этому поводу пишет:

«На мой взгляд, Леопольд II проявлял такую подчеркнутую враждебность к Моцарту вовсе не из художественных соображений, а из-за его масонской деятельности».

Возможно, именно так все и обстояло. Но, как бы то ни было, материальное положение Моцарта так и осталось катастрофическим. Он даже стал подумывать об отъезде за границу, поскольку ни Германия, ни Австрия не проявляли желания обеспечить его средствами к существованию.

Но почему?

По всей видимости, главная причина крылась в особенностях характера отца и сына Моцартов. Фридрих Вайсенштайнер, например, характеризуя Моцарта-младшего, употребляет такие слова: «неуравновешенный», «подвижный, как ртуть», подверженный частым переменам настроения»… Более того, он утверждает, что Моцарт был «личностью с явными признаками маниакально-депрессивного психоза».

…

«Сразу после бога идет отец».
(Вольфганг Амадей Моцарт)

Сальери же, напротив, по словам Марселя Бриона, «был ярким представителем состоятельных композиторов».

Итак, характер у Моцарта был не из легких, и это не могло не настраивать людей против него. Он «взрывчат, как порох», а вот Сальери, напротив, «все превращал в шутку и был весьма любезным человеком, пользовавшимся большим уважением венского общества».

У Марселя Бриона читаем:

«Его непринужденный юмор, итальянская легкость натуры […] обеспечили ему признание […] венского общества. Уже само его итальянское происхождение не могло не расположить; моду диктовала Италия».

Умирая от зависти, Моцарт писал своему отцу Леопольду, что император «никем не интересуется, кроме Сальери». Это была неправда. На самом деле император признавал и ценил многих, ему лишь очень не нравились подозрительность Моцарта по отношению к итальянцам, а также интриги при дворе, где итальянские музыканты по праву доминировали уже в течение многих лет.

И еще один немаловажный момент, на который указывает Марсель Брион:

«Моцарт не делал ничего, чтобы подлаживаться под вкусы общества, задававшего тон и создававшего или разрушавшего репутации артистов».

В добряке же Сальери никто и никогда не замечал зависти. Да и могла ли она возникнуть у него? Особенно к Моцарту? У преуспевающего Сальери уже была такая слава, о которой Моцарту оставалось только мечтать. Грудь Сальери украшали и золотая императорская медаль, и французский орден. Ему не в тягость было помогать своим собратьям по профессии. Кстати, именно Сальери помог Моцарту возобновить в 1779 году постановку его «Свадьбы Фигаро», получить новые заказы. Вопрос: были ли у него хоть какие-нибудь основания завидовать человеку, который жил в жестокой нужде, не имея практически ничего?

...

С 1786 года начинается необычайно плодовитая и неустанная деятельность Моцарта, которая была главной причиной расстройства его здоровья. Примером невероятной быстроты сочинения может служить опера «Женитьба Фигаро», написанная в 1786 году в 6 недель и тем не менее поражающая мастерством формы, совершенством музыкальной характеристики, неиссякаемым вдохновением. В Вене «Женитьба Фигаро» прошла почти незамеченной, но в Праге она вызвала необычайный восторг. Не успел соавтор Моцарта Лоренцо да Понте закончить либретто «Женитьбы Фигаро», как ему пришлось по требованию композитора спешить с либретто «Дон-Жуана», которого Моцарт писал для Праги. Это великое произведение, не имеющее аналогов в музыкальном искусстве, увидело свет в 1787 году в Праге и имело еще больший успех, чем «Женитьба Фигаро».

(из Википедии)

...

«Поставленная впервые в Вене в 1786 году, опера «Свадьба

Фигаро» вскоре завоевала мировое признание. В России опера Моцарта впервые прозвучала в 1815 году. Исполнялась она на итальянском языке, в том виде, как написал ее композитор. В 1875 году Петр Ильич Чайковский, преклонявшийся перед музыкой Моцарта, перевел текст оперы на русский язык».

(Цит. по: Прохорова И. Музыкальная литература зарубежных стран. М.: Музыка, 2003. С. 52).

Естественно, в жизни тесной дружбы между этими композиторами не существовало, но это-то как раз было связано с подозрительностью Моцарта, который относился к Сальери весьма неприязненно, обвиняя его во всевозможных кознях. Но, как пишет в своей биографии Моцарта Марсель Брион, «личные отношения двух композиторов вовсе не носили характера воинственной враждебности».

С другой стороны, престиж более счастливого соперника, покровительство императора, которым пользовался этот самый соперник, – все это не могло не мешать успеху Моцарта.

А со временем их отношения вообще даже смягчились. В письме к жене Констанце от 14 октября 1791 года, то есть за полтора месяца до смерти, Моцарт написал, что по его приглашению Сальери посетил спектакль «Волшебная флейта», очень внимательно прослушал оперу – «и не было ни одного номера, от увертюры до последнего хора, который бы не вызвал его «браво». Кстати сказать, это были последние слова Моцарта о Сальери.

* * *

...

«Не знаю, в самом ли деле ангелы в присутствии Бога играют лишь Баха; но я уверен, что в своем домашнем кругу они играют Моцарта».

(Барт Карл)

Как известно, Моцарт заболел 20 ноября 1791 года. Сначала у него сильно опухли руки и ноги, затем все тело. Появился жар и сыпь на теле…

Умер Моцарт в ночь с 4 на 5 декабря. Лечащие врачи, Томас Клоссет и Маттиас фон Саллаба, поставили диагноз – просянка [10] . Впоследствии диагноз уточнили – «ревматическая воспалительная лихорадка».

И что же дальше? Моцарт неожиданно умер в возрасте всего тридцати пяти лет, а вот Сальери долго еще оставался императорским и королевским придворным капельмейстером, и ему еще долго сопутствовал успех.

На похоронную службу друзья Моцарта собрались в церкви Святого Петра. Был среди присутствовавших и Сальери…

К тому времени, когда похоронная процессия двинулась от церкви, погода настолько испортилась, что ни у кого не хватило отваги дойти до кладбища. Таким образом, при погребении Моцарта никто не присутствовал, и никто толком не знал, где находится могила. Когда потом его жена Констанца решила поставить на могиле скромный крест, как пишет Марсель Брион, «ни один могильщик не смог вспомнить, где похоронили Моцарта. Это неизвестно и по сей день».

Фридрих фон Шлихтегролль констатирует:

«Из-за несдержанности и бесхозяйственности он не оставил в наследство семье ничего, кроме славы своего имени».

Франц-Ксавер Нимечек уточняет:

«Говорили, что он оставил после себя долгов на 30 000 гульденов».

Он же подводит своеобразный итог жизни Моцарта:

«Исследователя человеческой натуры не смутит факт, что этот редкостный художник не был столь великим в иных жизненных обстоятельствах».

* * *

...

«Любое искусство стремится к тому, чтобы стать музыкой».
(Пейтер Уолтер)

А что же Сальери? А он воспитал целое поколение музыкантов – певцов и композиторов.

Удивительно, но как же все-таки прилипчиво клеймо, повешенное когда-то А.С. Пушкиным на Сальери! Даже тот факт, что он был учителем великого Бетховена, можно, оказывается, интерпретировать чуть ли не как доказательство того, что он отравил Моцарта. Вот, например, что пишет некий Б.Г. Кремнев в своей книге «Франц Шуберт», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 1964 году:

«Зависть к Моцарту порядком отравила жизнь Сальери. Правда, он, если даже не подсыпал сопернику яда, как утверждала вздорная молва, достаточно потрудился над тем, чтобы отравить Моцарту жизнь. И вероятно, не зря вскоре после смерти Моцарта Сальери оборвал все связи с театром и навсегда перестал писать светскую музыку. Композитор в зените славы и расцвете творческих сил стал сочинять только музыку для церкви. Содеявший зло в молодости стремится к добру под старость. Вот уже два десятилетия Сальери отдавал свой досуг молодежи. Бескорыстно и безвозмездно этот сухощавый, угрюмый старик с крупным, хищно выгнутым носом, тонкими, плотно поджатыми губами и острым взглядом стальных глаз, из которых нет-нет да выглянут боль и тоска, не считаясь ни со временем, ни с трудом, занимался с молодыми композиторами. Встретив талант, он самозабвенно и бескорыстно пестовал его. Среди учеников Сальери был и юный Бетховен, бедный провинциальный музыкант, только что приехавший в Вену. Впоследствии, много лет спустя, он, уже знаменитый композитор, продолжал называть себя учеником Сальери. Однажды, придя к бывшему учителю и не застав его дома, Бетховен оставил записку с подписью: «Ваш ученик Бетховен». Сальери же он посвятил три свои сонаты для скрипки и фортепьяно, опус 12. Это не помешало своенравному и

мстительному старику после того, как Бетховен пошел своим, революционным путем, поносить его музыку и даже плести против него интриги».

Потрясающе! Не будем даже говорить о том, что приведенная цитата полна фактических ошибок. В частности, не будем говорить о том, что после 1791 года Сальери написал как минимум двенадцать опер (этот факт очень легко проверить, было бы желание). Для биографа Шуберта, зацикленного на том, что Сальери – сугубо отрицательный персонаж, это совершенно неважно. Оказывается, даже из того факта, что благодарный Бетховен с неизменной гордостью повторял, что он является учеником Сальери, можно сделать вывод о том, что его учитель был «мстительным стариком» и «интриганом с хищно выгнутым носом и плотно поджатыми губами».

...

«Подлинный художник лишен тщеславия, он слишком хорошо понимает, что искусство неисчерпаемо».

(Людвиг ван Бетховен)

Нелепость подобной постановки вопроса особо поражает, если вспомнить, что Сальери занимался с Бетховеном совершенно бесплатно в течение десяти лет (имеются подлинники инструментальных произведений Бетховена с правкой, сделанной рукой Сальери). И давал Сальери свои уроки бесплатно не потому, что «содеявший зло в молодости, стремится к добру под старость», а потому, что он никогда не забывал о той неоценимой помощи, которую сам получил в юности, в частности от Флориана-Леопольда Гассмана.

К сожалению, опусы таких вот Кремневых у нас в стране в свое время издавались огромными тиражами, и именно по ним читатели создавали свое мнение о тех или иных исторических персонажах. Это как в старых советских фильмах: положительный герой всегда был белокур и голубоглаз, а отрицательный – всегда имел узкие губы, усики и низкий лоб, закрытый темными

волосами. И если положительный, то положительный во всем, а если отрицательный, то и отрицательный тоже во всем. А в результате «наша» история была полна персонажей-штампов, не имевших ничего общего с реальными людьми, которые, как лишь потом выяснилось, всегда очень и очень разные. Вот и в данном случае «мстительный старик» Сальери, при ближайшем рассмотрении, тоже оказался превосходным педагогом, которого ученики, среди которых достаточно было бы назвать лишь одного Бетховена, просто боготворили и называли не иначе, как «отцом композиторов».

* * *

А ведь у Сальери учились еще и Франц Шуберт с Ференцем Листом. У него учились пианист-виртуоз и дирижер Иоганн-Непомук Гуммель, автор десяти опер Франц-Ксавер Зюссмайр (после смерти Моцарта именно он закончил по его эскизам «Реквием»), пианист и композитор Ансельм Хюттенбреннер, будущий профессор Лейпцигской консерватории Игнац Мошелес, один из лучших виолончелистов XVIII века Йозеф-Франц Вайгль, композитор и дирижер Карл-Готлиб Райсигер, автор тридцати опер и десяти симфоний Петер фон Винтер, органист и композитор Игнац Асмайер и многие-многие другие.

Всего же у так называемого «завистливого интригана» было около шестидесяти учеников-композиторов. Кроме того, уроки пения у него брали Катарина Кавальери (в нее Сальери был влюблен, но хранил верность жене, памятуя об обете, данном Богу), Анна Мильдер-Хаунтман, Анна Краус-Враницки, Катарина Вальбах-Канци, Фортуната Франкетти, Амалия Хенель и многие другие вокалисты.

...

ВЕНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА (нем. Wiener Klassik) – художественное направление в европейской музыкальной культуре 2-й половины 18 – начала 19 вв.

Представители – Й. Гайдн, В.А. Моцарт, Л. Бетховен. Художественные принципы Венской классической школы представлены в музыке 80-х гг. 18 в. – 10-х гг. 19 в., т.к. в раннем творчестве Гайдна и Моцарта они только складывались, а в поздних сочинениях Бетховена ощутима близость романтизму. Деятельность композиторов В. к. ш. подготовлена художественным опытом их предшественников и современников, включая итальянскую и французскую оперу и инструментальную культуру, достижения немецкой музыки (Г.Ф. Гендель, И.С. Бах и его сыновья, мангеймская школа). Огромную роль в становлении В. к. ш. сыграли музыкальный быт Вены – крупнейшего музыкального центра, музыкальный фольклор многонациональной Австрии. В творчестве венских классиков выражено динамическое понимание жизненных процессов, нашедшее наиболее полное воплощение в сонатной форме и обусловившее симфонизм многих их сочинений.

(Источник: Музыкальный энциклопедический словарь, 1990)

А еще у Сальери брал уроки… сын покойного Моцарта, Франц-Ксавер, которому маэстро лично выдал рекомендательные письма другим учителям как человеку, вполне способному достичь в искусстве сочинения музыки тех же высот, до которых дошел его отец.

И, что характерно, ни в одном из блестящих талантов, воспитание которых ему было доверено, Сальери не видел угрозы для себя и своей карьеры.

Более того, как пишет Марио Корти, Сальери оказал значительное влияние и на самого Моцарта, ведь, слушая музыку Сальери, «он получил четкое представление о вкусах венской

публики». Да дело тут не только в этом. Моцарт ведь не появился из ниоткуда, и его творчество является сублимацией целой музыкальной эпохи. В самом деле, если быть до конца честным, музыка Сальери и музыка Моцарта «стилистически настолько похожи, что только эксперт способен их различить».

...

Марио Корти (итал. Mario Corti; 9 января 1882, Гвасталла – 18 февраля 1957, Рим) – итальянский скрипач. Автор ряда сочинений, упражнений и транскрипций для скрипки. В 1914 г. опубликовал сборник неизданных скрипичных сочинений итальянских композиторов XVIII века.

(из Википедии)

* * *

Многие годы Сальери руководил учрежденным его учителем Флорианом-Леопольдом Гассманом Обществом музыкантов и подчиненным этому обществу пенсионным фондом для вдов и сирот венских музыкантов. С 1788 года он числился президентом общества, а в 1795 году, когда этот пост занял один из высших придворных чиновников, Сальери стал именоваться вице-президентом, хотя фактически оставался художественным руководителем общества.

С 1813 года Сальери возглавлял также хоровое училище венского Общества друзей музыки, а с 1817 года был первым директором Венской консерватории, основанной этим обществом.

В 1823 году маэстро Сальери находился на вершине славы и почета. Ему было семьдесят три года, но он еще продолжал работать, доводя до совершенства композиционные правила венской классической музыкальной школы.

В это невозможно поверить, но именно в этом году Сальери вдруг неожиданно для всех порезал себе вены бритвой, и только чистая случайность спасла его от смерти вследствие чрезмерной кровопотери.

Что это было? Говорят, на старости лет маэстро Сальери стал

часто впадать в депрессии, и в этом отношении 1823 год был для него особенно тяжелым. Весной именно этого года ему изменило зрение, он начал ощущать слабость в ногах. Однажды во время прогулки он упал и получил травму головы. В другой раз на него чуть не наехал извозчик.

В конце концов, дочери решили принудительно госпитализировать отца в загородную клинику. Ему оформили персональную пенсию с полным сохранением его бывшего придворного жалованья и поместили в особую палату, под присмотр опытных врачей и санитаров. Когда он вдруг порезал себя бритвой, никто так и не получил вразумительных объяснений о причинах произошедшего. Прямых свидетельств очевидцев тех событий нет. Рассказывали, что санитары застали Сальери, когда он держал в руках неизвестно откуда взявшуюся бритву. Он был весь в крови и не мог сказать ничего членораздельного.

Тогда все сочли это за результат старческого слабоумия, ведь семьдесят три года по тем временам это был весьма и весьма преклонный возраст. Больного перевязали, напоили успокоительными лекарствами и усилили за ним наблюдение. Так маэстро Сальери стал «персональным пенсионером в смирительной рубашке».

Племянник великого композитора Бетховена Карл Бетховен тогда написал:

«Сальери перерезал себе горло, но еще жив».

Перерезал себе горло? Что за чушь! И откуда вообще берутся подобные «свидетельства»?

* * *

...

«Без музыки жизнь была бы ошибкой».

(Фридрих Ницше)

К сожалению, именно так и рождаются «исторические факты». Кстати, именно в это время и появились спекуляции о том, что Сальери якобы убил Моцарта. Все констатировали, что разум маэстро помутился, и временами он говорил несусветную чушь. Так вот, вроде бы во время одного из таких приступов он и заявил, что отравил Моцарта. Однако, придя в сознание, он узнал о своем «признании», страшно удивился и стал отказываться от сказанного. После этого, вплоть до самой смерти, в редкие минуты просветления он не прекращал повторять:

– Во всем могу сознаться, но я не убивал Моцарта.

Все это происходило (если, конечно, происходило!) через тридцать два года после кончины Моцарта. Естественно, тогда, в 1823 году, старика сочли невменяемым, а его «признание» – не заслуживающим доверия бредом. Власти постарались замять это дело, однако падкая до сенсаций молва подхватила версию о причастности Сальери к смерти Моцарта и быстро разнеслась по самым широким кругам венской общественности, а потом и по свету.

В принципе, все это выглядит просто смешно и дико. Да, действительно, некоторые газеты той эпохи написали, что Сальери, когда он находился в больнице для душевнобольных, будто бы сам кому-то признался в совершенном преступлении.

Но кому? Такого человека найти не удалось. Кто лично это видел или слышал? Таковых тоже не нашлось.

В лондонском «Ежеквартальном музыкальном журнале» (Quarterly Musical Magazine) за 1826 год друг Сальери композитор Сигизмунд Нойкомм писал:

«Когда распространяются необоснованные сведения, оскверняющие память знаменитого художника, то долг любого честного человека доложить о том, что ему известно. Отношения между Моцартом и Сальери отличались взаимным уважением. Не будучи задушевными друзьями, каждый из них признавал заслуги другого. Никто не может обвинять Сальери в том, что он ревновал таланту Моцарта, и те, кто, как я, находился с ним в близких отношениях, не может не согласиться с тем, что пятьдесят восемь лет он вел безупречный образ жизни, исключительно занимаясь своим искусством, и всегда готов был делать добро своим ближним. Такой человек, человек, который тридцать четыре года – столько лет прошло со смерти Моцарта – сохранил удивительное спокойствие духа, не может быть убийцей».

Таких опровержений было много в тогдашней печати.

В 1823 году известный музыкант Игнац Мошелес, ученик Сальери, уже в четырнадцать лет игравший концерты собственного сочинения, навестил старого и больного маэстро в

загородной клинике. Речь тому давалась ценой мучительных усилий. Короткими отрывочными фразами композитор отверг какую-либо свою причастность к смерти коллеги:

– В этом абсурдном слухе нет ни слова правды, клянусь честью… Передайте миру, что старый Сальери, который скоро умрет, сказал вам это.

…

Ученик Сальери, известный пианист и композитор Мошелес (Moscheles, Ignaz, 1794–1870) уже в 1858 году вспоминал: «Мне не приходилось встречать Шуберта у Сальери, не припоминаю такого, но я хорошо помню то интересное обстоятельство, что однажды видел в доме Сальери лист бумаги, на котором огромными бетховенскими буквами было написано "Ученик Бетховен был здесь!"».

(Thayer, Life of Beethoven. – Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1970, стр. 399).

Но поползли слухи, а слово, как известно, не воробей. И чем абсурднее заявление, тем труднее его опровергнуть… Слух о том, что Сальери признался в убийстве Моцарта, каким-то непонятным образом словно обрел крылья. Сплетня эта стала распространяться с невероятной быстротой. Правда, в защиту чести Сальери выступили многие видные музыканты. Бетховен, например, не верил сплетне. Россини заявил, что это – «подлое обвинение». Но ком наветов все рос и рос. Нашлись, например, свидетели, видевшие, как Сальери угощал Моцарта конфетами, пусть и задолго до смерти. Казалось бы, ну и что? Но тут же припомнили, что вскрытия не было. А не случилось этого потому, что венские врачи были уверены в «отравительном» диагнозе…

Сейчас не составило бы труда по останкам установить

причину смерти Моцарта. Но великий композитор умирал в нужде и потому был похоронен в общей могиле. И хотя в одном из австрийских музеев по сей день хранится череп Моцарта, никто не уверен, что это действительно его череп: он был извлечен из общей могилы через десять лет после захоронения.

* * *

В октябре 1824 года у Сальери стали проявляться симптомы паралича ног, и его мысли стали путанней, но конкретных указаний на отчетливое слабоумие или душевное заболевание не было.

Совершенно подавленный слухами об отравлении Моцарта, Сальери умер 7 мая 1825 года в восемь часов вечера. Похороны были торжественными. Вот что писал по этому поводу его биограф и близкий друг Игнац фон Мозель:

«За гробом шел весь персонал императорской капеллы во главе с директором, графом Мориц фон Дитрихштейном, а также все присутствующие в Вене капельмейстеры и композиторы, толпа музыкантов и множество уважаемых любителей музыки. Не меньшее количество людей присутствовало на панихиде, состоявшейся через несколько дней в итальянском костеле, во время которой исполнен был, согласно желанию композитора, великий «Реквием», который Сальери сочинил для себя. Исполнен «Реквием» был его учениками, ученицами и многими другими музыкантами».

* * *

Посмертный позор Сальери, к которому в огромной степени приложил руку А.С. Пушкин, растянулся на два века. В результате, когда в 1850 году наступил столетний юбилей выдающегося итальянского композитора, сама мысль отмечать его показалась кощунственной. Предпочли промолчать и в двухсотлетие «отравителя». Чуть позже, в 60-х годах XX века, в Зальцбурге, на одной из сессий Института моцартоведения, специалисты все же пришли к выводу, что никакого отравления из зависти не было и скончался Моцарт от неизлечимой в то время болезни.

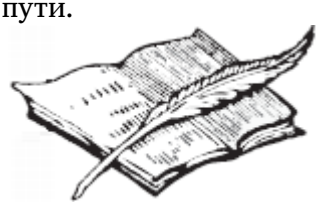
К великому сожалению, для очень многих людей имя Сальери до сих пор связано с нелепой легендой об отравлении Моцарта. Однако этот, с позволения сказать, «факт» так и не нашел

подтверждения. Итальянский историк музыки Андреа Делла Корте, разбирая вопрос о взаимоотношениях Сальери и Моцарта, высказывает следующее мнение:

«Свою долю в то, чтобы испортить отношения между двумя музыкантами, могли внести сплетники».

Несомненно, отношения между обоими композиторами были не блестящими, хотя внешне и вполне корректными. Да, была обоюдная настороженность, но это не помешало Сальери включить в программу двух весенних концертов 1791 года «большую симфонию сочинения господина Моцарта». Более того, Сальери лично дирижировал ее исполнением.

Чему мог завидовать Сальери? Гению Моцарта? Возможно. Впрочем, этого (то есть факта зависти) так никто и не доказал. Положению Моцарта? Но Сальери в этом отношении преуспел гораздо больше. Во всяком случае, Моцарт никогда не стоял на его пути.



...

«Сальери был членом Шведской академии наук, почетным членом Миланской консерватории. Наполеон назначил его иностранным членом Французской Академии. В 1815 году уже при вернувшихся Бурбонах он был награжден Орденом Почетного Легиона».

(Цит. по: Б. Кушнер, статья «В защиту Антонио Сальери», оригинал статьи находится по адресу www.vestnik.com/issues/1999/0706/koi/kushner.htm и далее по ссылкам)

* * *

А.С. Пушкин написал своего «Моцарта и Сальери» в 1830 году, но замысел трагедии (а может быть, и частичное осуществление его) относится к 1826 году. Впервые это произведение было напечатано в 1831 году, то есть через шесть лет после смерти Сальери.

Мы не будем здесь углубляться в литературоведческие дебри и рассуждать о качественной стороне этого произведения. Это было уже сделано много раз, и это не является нашей целью. Совершенно очевидно, что эта трагедия А.С. Пушкина занимает особое место не только в русской, но и во всей мировой литературе.

К сожалению, в этом-то и состоит главная проблема. Да, А.С. Пушкин – это гений. «Пушкин есть явление чрезвычайное», как говорил о нем Н.В. Гоголь. Но он гениальный поэт, а это совершенно не значит, что он был гениальным историком. Хорошо, когда каждый занимается своим делом: поэты пишут поэмы, а историки – исторические произведения. Если плохой историк написал плохо – это полбеды. А вот если плохой историк написал гениально – это уже беда. Почему? Да потому, что миллионы читателей не являются историками и не могут самостоятельно отличить историческую правду, которая обязана быть главной целью пишущего о реально существовавших персонах и событиях, от художественного вымысла гения, озабоченного исключительно проблемой «зависти, способной довести охваченного ею человека до страшного преступления».

Если историк основывается в своих рассуждениях на субъективных источниках (например, мемуарах), то он должен сопоставлять мнения различных людей, и чем их больше, тем объективнее будет картина. Поэту же это делать совершенно необязательно. У него есть цель, и он имеет право идти к ней так, как ему хочется. Но при одном условии… Если он не затрагивает реально живших на этом свете людей.

Возьмем в качестве примера Л.Н. Толстого. Тоже ведь не самый последний из писателей! Но когда он пишет, например, о войне 1812 года, он специально вводит в повествование вымышленные персонажи, чтобы иметь возможность для художественного вымысла. В данном же случае А.С. Пушкин почему-то не сделал этого. В основу своего сюжета он положил слухи о том, что Сальери из зависти отравил гениального Моцарта. Для рассуждений на эту тему ему были нужны масштабные личности, и он «назначил» злодеем ни в чем не повинного Сальери.

Опровержений слухам об отравлении было множество в тогдашней печати – и в немецкой, и во французской, и в

английской. Читал ли их А.С. Пушкин? Да какая разница! Совершенно неважно – читал или не читал. Ему просто понравился сюжет.

Допустим, художник создает собственный мир. Но имеет ли он при этом право вольно обращаться с историческими фактами? Французский биограф Моцарта, Кастиль-Блаз (кстати сказать, современник Пушкина) рассказывает такой эпизод. К нему обратился известный писатель Альфред де Виньи с вопросом: сможет ли он доказать, что Сальери отравил Моцарта. Получив отрицательный ответ, граф де Виньи прокомментировал это так:

– А жаль, был бы интересный сюжет.

И драму не написал. А вот Александр Сергеевич взял и написал.

Марио Корти, ссылаясь на литературоведа С.А. Фомичева, утверждает:

«Его интересовала не истина, а интересный поворот событий!»

Он же пишет:

«Иногда человек способен закрывать на все глаза ради красивой теории, красного словца или сюжета».

...

«Очевидным недостатком мифа о том, что Сальери отравил Моцарта, было явное отсутствие мотивов у Сальери. Собственно говоря, с какой стати, с какой целью Сальери совершил бы такое страшное злодеяние? Никаких видимых оснований при жизни Моцарта для зависти со стороны Сальери не было. Композиторы не были соперниками в области инструментальной музыки (Сальери почти не сочинял таковой), что же касается оперы, то Моцарт отнюдь не рассматривался современниками

как оперный композитор номер один».

(Цит. по: Б. Кушнер, статья «В защиту Антонио Сальери», оригинал статьи находится по адресу www.vestnik.com/issues/1999/0706/koi/kushner.htm и далее по ссылкам)

А.С. Пушкин считал факт отравления Моцарта Сальери психологически вполне вероятным. В заметке о Сальери, датированной 1833 годом, он написал:

«В первое представление «Дон-Жуана», в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист – все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы – в бешенстве, снедаемый завистью […] Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении – в отравлении великого Моцарта. Завистник, который мог освистать «Дон-Жуана», мог отравить его творца».

Великий поэт рисует нам зависть как страсть, охватившую человека, который привык к всеобщему уважению и сам считает себя благородным.

Нет! никогда я зависти не знал…
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным?
. . . . . .
Никто! А ныне – сам скажу – я ныне завистник…

Пушкинский Сальери уверяет себя, что его ненависть к Моцарту была спровоцирована тем, что этот гениальный композитор своим легкомысленным отношением к искусству оскорблял это самое искусство. Сальери негодует на судьбу за то, что мелкий, ничтожный человек, «безумец, гуляка праздный», одарен священным даром, бессмертной гениальностью. Сальери негодует на Моцарта за его легкое отношение к своему творчеству, за его способность шутить над своими произведениями, за то, что он, будучи гениальным творцом, живет в то же время полноценной человеческой жизнью…

Все это великолепно! Но это – пушкинский Сальери. А теперь

вопрос: имеет ли это хоть какое-то отношение к реальной личности Антонио Сальери, который вот уже почти два столетия, благодаря А.С. Пушкину, носит на себе клеймо завистливого злодея?

Не имеет ровным счетом никакого отношения! И в этом, на наш взгляд, состоит главное… злодейство (почему бы не употребить этот термин?) А.С. Пушкина. Ведь он – авторитет («наше всё»), а с авторитетов спрос особый. Авторитетам безоговорочно верят, на них ссылаются. Слова авторитетов многие поколения изучают в школах. Никому и в голову не придет, что Пушкин может заблуждаться, и именно так его заблуждение, основанное на нелепом слухе, приумножаясь в головах миллионов людей, постепенно превращается в общепризнанный факт, то есть в истину. И об эту стену разбиваются все (даже самые обоснованные) доводы людей менее авторитетных.

Марио Корти по этому поводу выражается предельно четко и категорично:

«Художники благословили сплетню своим авторитетом. Пушкин придал ей поэтическую форму, Римский-Корсаков положил на музыку, Шеффер инсценировал, Форман экранизировал…

Клевещи смело, всегда что-нибудь да останется.

Осталось».

* * *

…

«Моцарт – одна из самых мифологизированных фигур в истории искусства. Центральный моцартовский миф говорит о чуде-ребенке, триумфально покорившем Европу, затем о молодом музыканте на службе у злобного феодала, далее о гениальном

артисте, свободном художнике в бурлящей жизнью и музыкой Вене, сначала имевшем огромный успех, но затем оставленном косной знатью и буржуазией, неумолимо погружавшемся в бедность, даже в нищету, умершем в нищете, и похороненном, как нищий, в общей могиле… Этот центральный миф распадается на множество отдельных мифов, вроде Моцарт и Архиепископ Зальцбургский, Моцарт и Иосиф Второй, необыкновенная легкость композиционного процесса у Моцарта, Моцарт и его жена Констанца, Моцарт и масоны, Моцарт и Сальери, Реквием, болезнь, смерть и похороны Моцарта… Все эти мотивы наполнили бесчисленные романтические биографии, начиная с XVIII века и вплоть до наших дней».

(Цит. по: Б. Кушнер, статья «В защиту Антонио Сальери», оригинал статьи находится по адресу www.vestnik.com/issues/1999/0706/koi/kushner.htm и далее по ссылкам)

На самом деле существует как минимум шесть различных версий причин смерти Моцарта. Большинство из них – плод воображения романтиков. Таких романтиков было немало среди биографов композитора. Но ведь не зря же говорят, что романтики – это люди, которым приснилась жизнь. Для них совершенно очевидно, что Моцарт был отравлен. Но кем? Кому это было нужно? Кому выгодно?

Попробуем разобраться, и не нужно говорить, что через столько лет уже ничего невозможно доказать. Как написал Эрнст-Вильгельм Гейне, автор эссе «Кто убил Моцарта?», «законам логики нет границ – ни временных, ни пространственных. Мы точно знаем материальную структуру звезд, отдаленных от нас на множество световых лет. Мы знаем о повадках существ, вымерших сотни тысяч лет назад. Нет, законы логики не знают границ!»

Версия первая («классическая»): отравление, Сальери

Моцарт неожиданно умер в возрасте тридцати пяти лет после недолгой болезни. Каких свидетелей его смерти мы имеем? Софи Гейбль, младшая сестра Констанцы (жены Моцарта), много-много лет спустя излагала свои воспоминания об этом так: в первое воскресенье декабря 1791 года она на кухне готовила кофе для матери; ожидая, пока кофе закипит, она задумчиво смотрела на яркое пламя лампады и думала о занемогшем муже сестры; внезапно пламя погасло, «полностью, словно лампа никогда не горела».

«На фитиле не осталось ни искорки, – писала она, – хотя не было ни малейшего сквозняка – за это я могу поручиться».

Охваченная ужасным предчувствием, она бросилась к матери, которая посоветовала ей немедленно бежать в дом Моцартов. Там Моцарт якобы сказал ей:

– Ах, дорогая Софи, как я рад, что ты пришла. Останься сегодня с нами, чтобы присутствовать при моей смерти.

По словам Эрнста-Вильгельма Гейне, это свидетельство «не имеет никакой ценности. Его ценность не выше блаженных воспоминаний семидесятилетней вдовы о покойном супруге, почившем, когда ей было тридцать четыре».

Вызвали врача, который велел прикладывать к пылавшему лбу больного ледяные компрессы. Примерно за час до полуночи Моцарт потерял сознание и вскоре умер.

Постоянно испытывая нужду в деньгах, Моцарт последнее время лихорадочно работал над завершением важных заказов. Друзьям и родным он казался нервным и изнуренным бесконечной работой. Тем не менее, когда он слег, никому и в голову не пришло, что эта болезнь окажется смертельной. Второй муж Констанцы Георг Ниссен перечислил следующие симптомы недуга в биографии композитора, опубликованной в 1828 году:

«Все началось с отеков кистей рук и ступней и почти полной невозможности двигаться, затем последовала рвота. Это называют острой сыпной лихорадкой».

Считается, что сам Моцарт подозревал, что дело нечисто. Он якобы даже решил, что «Реквием», недавно заказанный ему таинственным незнакомцем, предназначен для его собственных похорон.

…

«Когда есть отравление, должен быть и отравитель. Для живучести мифа необходимо, чтобы отравитель был, с одной стороны, лицом значительным, а с другой – достаточно беззащитным. Лучше всего подходит сильный соперник отравленного, персонаж с блестящим прошлым, однако, угасшим и потускневшим ко времени завершения мифа. И если лицо, избранное на зловещую роль, страдает душевным расстройством, тем лучше. Видимо, именно поэтому понадобилось около 30 лет со дня смерти Моцарта для того, чтобы в мифе об отравлении австрийского гения появился Сальери. Уже не блестящий композитор, любимец публики в Вене и по всей Европе, способный призвать к ответу клеветников, а угасающий бессильный полупарализованный старик с очевидными старческими расстройствами психики. И, что важно, слава этого старика тоже поблекла и иссякла, как и сам он. Другой стороной дела было итальянское происхождение Сальери. Напряжение между итальянской и немецкой музыкальными культурами, между итальянскими и немецкими

музыкантами было фактом жизни».

(Цит. по: Б. Кушнер, статья «В защиту Антонио Сальери», оригинал статьи находится по адресу www.vestnik.com/issues/1999/0706/ koi/kushner.htm и далее по ссылкам)

12 декабря, через неделю после смерти Моцарта, в берлинском «Музыкальном еженедельном листке» (Musikalische Wochenblatt) появилось сообщение. В нем говорилось:

«Поскольку его тело распухло после смерти, некоторые подумали даже, что он был отравлен».

Кто были эти «некоторые», не уточнялось. В записи без даты старший сын Моцарта Карл-Томас указал на то, что тело его отца так вздулось, и запах разложения был так силен, что вскрытие не производилось. В отличие от большинства трупов, которые холодеют и теряют гибкость, тело Моцарта оставалось мягким и эластичным, как у отравленных.

Двадцать восемь лет спустя автор вышеупомянутого сообщения Георг Сиверс добавил, что, по слухам, Моцарт стал жертвой неких «итальянцев». Кого он имел в виду? Видимо, итальянских композиторов, успешно работавших в Вене при жизни Моцарта.

И лишь потом гипотеза отравления Моцарта Сальери была впервые зафиксирована в «документах»: в 1825 году в разговорных тетрадях Карла Бетховена была сделана запись якобы о признании Сальери:

«Сальери опять очень плохо. Он в полном бреду и беспрерывно твердит, что виновен в смерти Моцарта».

Правда, потом выяснилось, что эта запись была сделана другом и секретарем Бетховена, венским юристом и распорядителем его наследства Антоном Шиндлером. Но присутствовал ли автор этой записи при подобном признании? Слышал ли он сам, что «беспрерывно твердит» Сальери? Очевидно, что нет. Значит, он передавал это с чьих-то слов. Но, во-первых, сам Антон Шиндлер известен как фальсификатор и источник информации с крайне сомнительной репутацией, а во-вторых, до сих пор никому не удалось установить, кому, собственно, Сальери признался в убийстве Моцарта. Во всяком случае, санитары больницы, где находился Сальери в конце своей жизни, категорически отрицали этот эпизод. Вот их показания:

…

Мы, нижеподписавшиеся санитары, заявляем перед ликом Бога и перед всем человечеством, что с начала длительной болезни кавалера Сальери […] ни разу его не оставляли наедине […] Мы также свидетельствуем, что из-за его слабого здоровья никому, даже членам его семьи, не разрешалось навещать его […] В связи с этим на поставленный вопрос, соответствует ли действительности, что вышеупомянутый кавалер Сальери говорил во время болезни, что он отравил знаменитого композитора Моцарта, клянемся честью, что никогда не слышали от Сальери таких слов.

Джорджо Розенберг, санитар.

Амедео Порше, санитар при господине
Сальери, придворном капельмейстере.

Вена, 5 июня 1825 года.

Заявление это завершается постскриптумом такого содержания:

…

Доктор Рерик, лечащий врач Сальери, подтверждает свидетельство двух санитаров.

Однако прошло еще несколько лет, и в 1830 году в далекой России А.С. Пушкин все же написал свою «маленькую трагедию» о Моцарте и Сальери.

По словам Марио Корти, «очень скоро большинство исследователей убедилось, что слухи об отравлении Моцарта капельмейстером Сальери не имеют под собой основания. Но многим все же очень хотелось верить в то, что Моцарт был отравлен».

Одним из таких «многих» оказался, например, доктор искусствоведения И.Ф. Бэлза, который в своей статье «Моцарт и

Сальери (об исторической достоверности трагедии Пушкина)» пишет:

«Встречающееся иногда в литературе утверждение, что версия об отравлении Моцарта возникла только после этих признаний, глубоко ошибочна, ибо первое сообщение прессы о том, что Моцарт был отравлен, датировано 12 декабря 1791 года. Как известно, незадолго до смерти Моцарт сам сказал жене, что его отравили, и, судя по письму Констанцы, датированному 25 августа 1837 года, она не сомневалась в этом, считая, что убийцей ее мужа был завистник.

Первоначальная редакция пушкинской трагедии (одно время поэт предполагал дать ей название «Зависть») или, во всяком случае, ее набросок относится еще к 1826 году. Следовательно, замысел пьесы возник вскоре после смерти Сальери, в годы, когда его признания в совершенном преступлении стали достоянием широких кругов европейской общественности».

При этом, правда, уважаемый музыковед делает оговорку:

«Мы не можем перечислить все источники, которые были доступны Пушкину, и вряд ли когда-нибудь будем в состоянии сделать это».

Потрясающе! Оказывается, вывод о виновности Сальери делается только на основании его собственных «признаний», сделанных неизвестно кому, да к тому же никем не подтвержденных. Аргументация, прямо скажем, «весьма серьезная»…

Чтобы раз и навсегда покончить с этой нелепой версией, надо еще раз повторить, что у Сальери просто не было причин для убийства Моцарта. Конечно, в музыкальных кругах таланту Моцарта и при его жизни отдавали должное, но широкая публика многие его произведения, сегодня считающиеся шедеврами, встречала весьма прохладно. Так что для Сальери, увенчанного всеми возможными символами славы, Моцарт был величиной, практически ничего не значившей. Он ну просто никак не мог завидовать зальцбуржцу. Просто потому, что завидовать было нечему. Все было с точностью наоборот: страдавший от вечной нехватки денег Моцарт страшно завидовал преуспевавшему «итальяшке», чего он и не скрывал от своих родственников и знакомых.

Видимо, слова композитора о том, что его отравили (если таковые вообще были когда-либо сказаны!), следует понимать в иносказательном смысле. Например, так: к безвременной смерти Моцарта привело безуспешное стремление добиться такого же успеха, как у Сальери, успешная судьба которого сильнее любого яда отравляла жизнь Вольфганга Амадея…

Версия вторая: ревнивый муж Франц Хофдемель

Делопроизводитель верховного суда Франц Хофдемель был собратом Моцарта по масонской ложе, а его очаровательная молодая жена Магдалена – одной из последних учениц, бравших у Моцарта фортепьянные уроки. Говорят, что она имела с ним роман. В связи с этим и возникла такая версия: Моцарт умер от инсульта, когда лежал больным в постели после палочных ударов, нанесенных ему ревнивцем Хофдемелем.

Есть и такая разновидность этой версии: Хофдемель якобы отравил Моцарта, и подтолкнули его к этому масоны, ловко использовав роман Моцарта с Магдаленой Хофдемель.

Известно, что Моцарт занимал у Хофдемеля деньги. Вся история любви Моцарта с Магдаленой Хофдемель тщательно затушевана его биографами. Достоверно известно лишь то, что через несколько дней после смерти Моцарта Франц Хофдемель набросился на свою беременную жену с бритвой в руке, нанес ей раны на шее, лице, груди, руках, и только крики Магдалены спасли ей жизнь. Услышав шум, прибежали соседи Хофдемелей. Тем временем Франц Хофдемель заперся у себя в спальне и покончил с собой. По утверждению Марио Корти, «по распоряжению властей, газеты, сообщив об этом лишь через неделю, указали фальшивую дату 10 декабря, чтобы не проводилась связь между смертью Моцарта и этим трагическим происшествием». Несчастная Магдалена выжила и через пять месяцев родила мальчика, которого многие считали сыном Моцарта. Всю оставшуюся жизнь она носила шрамы на лице и на теле.

Откуда взялась эта достаточно сомнительная версия? Тут есть несколько источников. В частности, старшая сестра Моцарта Мария-Анна однажды заметила, что ее брат давал уроки молодым женщинам только тогда, когда был в них влюблен. А щепетильный Людвиг ван Бетховен через много лет после смерти Моцарта отказался играть в присутствии Магдалены, потому что «между нею и Моцартом существовала слишком тесная близость».

Все это выглядит не совсем серьезно с доказательной точки зрения. К тому же в этом деле есть и еще один весьма странный факт: после самоубийства мужа изуродованная Магдалена получила разрешение похоронить его, как нормального усопшего, в отдельной могиле, тогда как самоубийц всегда хоронили в общей могиле.

Версия третья: отравление, Констанца Моцарт и Зюсмайр

Суть этой версии: Моцарт был отравлен своим учеником Францом-Ксавером Зюсмайром [11] и своей женой Констанцей, которые были любовниками. Эта версия основана на том, что Зюсмайр, отличавшийся чрезмерными амбициями, тяжело переживал насмешки Моцарта.

Констанца Моцарт (урожденная Вебер) была замужем за Моцартом девять лет и пережила его на полсотни лет (она умерла в Зальцбурге в 1842 году). Сам Моцарт так описывал ее своему отцу:

«Она не безобразна, но и не красавица».

Это явно не была любовь с первого взгляда с обеих сторон, и Моцарт сам называл одной из причин их брака желание иметь заштопанные носки и чистое белье. Но, по словам Эрнста-Вильгельма Гейне, Констанца «не была женщиной, которая из всепоглощающей страсти к другому отравляет своего мужа». Исключается и мотив денег: Моцарт имел множество долгов, и его смерть не принесла Констанце ничего, кроме убытков и ненужных проблем.

К тому же известно, что она рассорилась с Зюсмайром и старательно вымарывала его имя из документального наследия мужа. Умер Зюсмайр 17 сентября 1803 года, в возрасте всего 37 лет, при весьма странных и таинственных обстоятельствах. До этого он успел достаточно нагреть руки на близости к Моцарту. В 1794 году, например, он дебютировал оперой «Зеркало из Аркадии», имевшей большой успех. Так вот – либретто ее до чрезвычайности похоже на «Волшебную флейту» Моцарта. Как говорят, Зюсмайр стал модным композитором, выдавая неоконченные или неопубликованные работы Моцарта за свои. Его даже назначили капельмейстером Венского оперного театра, что было недостижимым пределом мечтаний для Моцарта.

...

«Помимо Сальери, Стадлера и ван Свитена, еще два лица эпизодически упоминались как возможные отравители Моцарта. Я имею в виду чиновника, собрата Моцарта по ложе, заимодавца Хофдемеля (Hofdemel, Franz) и все ту же трагическую фигуру – Зюсмайера. В обоих случаях оправдывалась мудрая французская пословица "Ищите женщину!". В доме Хофдемеля на следующий день после смерти Моцарта произошла трагедия: Хофдемель атаковал с бритвой в руке свою беременную жену, ученицу Моцарта по фортепиано, затем совершил самоубийство, перерезав себе горло. Супруга его выжила, но всегда отказывалась комментировать случившееся. Молва приписывала Моцарту отцовство ребенка. В случае с Зюсмайером ситуация была прямо противоположной: некоторые энтузиасты предполагали, что он был любовником Констанцы и настоящим отцом ее младшего сына, получившего, кстати, имена Франц Ксавер, те же, что и у Зюсмайера».

(Цит. по: Б. Кушнер, статья «В защиту Антонио Сальери», оригинал статьи находится по адресу www.vestnik.com/issues/1999/0706/koi/kushner.htm и далее по ссылкам)

Фридрих Вайсенштайнер в своей книге «Жены гениев» пишет:

«Некоторые исследователи утверждают: именно Зюсмайр был отцом последнего ребенка Констанцы».

Возможно, так оно и было. Учитывая роман Зюсмайра с Констанцей, его близость к Сальери и его карьерные устремления, сочетающиеся с завышенной самооценкой, некоторые исследователи полагают, что он мог быть причастен к

отравлению скорее в роли непосредственного исполнителя, поскольку жил в семье композитора. Наиболее ревностные противники Сальери даже утверждают, что, будучи человеком предусмотрительным, он вряд ли решился бы лично устранить Моцарта и постарался поручить «грязную работу» другому. Возможно, и Констанца узнала о том, что ее муж получает яд. Это во многом объясняет ее дальнейшее поведение (как известно, она не потребовала вскрытия, которое могло точно установить причину смерти мужа, и не присутствовала при его погребении).

Существует и такой вариант этой версии: Констанца была важнейшей целью «агентурной» работы злоумышленников. Сначала Зюсмайр подружился с ней, затем вступил в любовную связь, одновременно вживаясь в стиль своего мнимого друга Моцарта. К примеру, их почерки были так похожи, что даже современные графологи не всегда могут отличить один от другого. В этот период Констанца, наверное, была очень раздражена своим мужем и вполне могла считать его неудачником, который заманил ее в брак, не имея ни денег, ни положения.

Версия четвертая: отравление, масоны

Эта версия связана с тем, что опера Моцарта «Волшебная флейта» – чисто масонское произведение. В нем отражена борьба масонства с христианством. Однако Моцарт сам сомневался в масонских ценностях, и это, по словам Марио Корти, «чувствуется в «Волшебной флейте». У Моцарта даже возник план создания соперничающей с масонством организации под названием «Пещера». Об этом он якобы по секрету рассказал своему другу и собрату по ложе кларнетисту Антону Штадлеру.

По одному из вариантов этой версии, Штадлер донес об этом масонам и получил от них задание отравить Моцарта.

...

Волшебник носит имя «Зарастро» – итальянизированная форма имени Зороастра, которого масоны почитают как древнего мудреца, философа, мага и астролога. Также, согласно поздним вавилонским легендам, дошедшим до нас в греческом изложении, Зороастр, по-видимому, был одним из первых каменщиков и строителем знаменитой Вавилонской башни – образ, особенно близкий «вольным каменщикам»-масонам.

Через всю оперу проходит символика числа три (три феи, три гения, три храма, три мальчика и т.д.) Три храма с выгравированными на стенах названиями символизируют на

самом деле этическую триаду зороастрийской религии: благомыслие, благословие, благодеяние – эти слова обычно писали на стенах зороастрийских храмов. В них жрецы под верховенством мага Зарастро осуществляют богослужения Исиде и Осирису. Этот символ «3» есть и в музыке – тройной аккорд в увертюре повторяется три раза. Ну и конечно, основная тема оперы – выход из духовной тьмы в свет через посвящение – является ключевой идеей вольных каменщиков.

(из Википедии, статья «Волшебная флейта»)

Еще одна вариация масонской темы была разработана немецкими авторами Йоханнесом Дальховом, Гюнтером Дуда и Дитером Кернером в книге «Смерть Моцарта: 1791–1971», опубликованной в 1971 году. Своей «Волшебной флейтой», в которой он раскрывает тайны масонских обрядов, Моцарт якобы обидел масонов, и они решили принести композитора в жертву по случаю освящения своего нового храма. Именно масоны заказали Моцарту «Реквием», тем самым предупреждая его, что он избран в качестве жертвы.

Все в вышеназванной книге вращается вокруг числа восемнадцать. Восемнадцать в масонстве символизирует жертву. В опере «Волшебная флейта» было восемнадцать жрецов, восемнадцать выступлений Зарастро, восемнадцать партий духовых инструментов. Рукопись последнего законченного сочинения Моцарта – масонской кантаты – состоит из восемнадцати страниц, первое ее исполнение состоялось восемнадцатого ноября, умер Моцарт через восемнадцать дней после этого в возрасте тридцати шести лет, а если умножить три на шесть, получится восемнадцать. Моцарта отравили в 1791-м, один плюс семь плюс девять плюс один – опять же восемнадцать…

Марио Корти называет подобную нумерологию «спекуляциями сторонников масонских или антимасонских теорий».

С другой стороны, бесспорно то, что «Волшебная флейта» –

это масонское произведение. Сюжет этой оперы таков. Дочь Царицы ночи Памину похитил волшебник Зарастро. Царица посылает принца Тамино спасти девушку и дает ему волшебный атрибут – флейту, которая поможет ему одолеть зло. Принц проходит все испытания и получает любовь Памины. Власть Царицы ночи исчезает, мрак рассеивается, и все славят доброту и разум Зарастро.

Автор либретто Эмануэль Шиканедер [12] почерпнул этот сюжет в сказке Кристофа-Мартина Виланда «Лулу» из сборника фантастических поэм «Джиннистан, или Избранные сказки про фей и духов» с дополнением из его же поэмы «Оберон». Среди вдохновителей сюжета оперы называют и работу Игнаца фон Борна (Великого мастера главной венской масонской ложи «Истинное согласие») «О мистериях египтян». Кстати сказать, именно фон Борну, скончавшемуся незадолго до написания оперы, либретто и было посвящено, и именно он стал прообразом для одного из главных персонажей оперы волшебника Зарастро.

И Моцарт, и Шиканедер – оба были членами ордена «вольных каменщиков». В этом нет ничего удивительного: в то время масонами были многие люди искусства, в том числе Гёте, Гейне, Вольтер, Гайдн, Паганини, Лист, Сибелиус, Россини и Пуччини.

Джаспер Ридли в своей книге «Фримасоны» отмечает, что Мария-Терезия преследовала масонов, а вот ее супруг, император Франц, был масоном. Соответственно, в Вене, столице империи, масонство становилось все более популярным, причем не только среди интеллектуалов, но и в высших светских кругах.

У этого автора мы читаем:

«Масонские фартуки и эмблемы стали частью мужского туалета, вошли в моду белые перчатки. Впервые за много лет вздохнув свободно, масонство расцвело буйным цветом. Особенной популярностью масонское братство пользовалось среди музыкантов. Наиболее прославленный композитор империи Франц-Йозеф Гайдн, которого называли «папа Гайдн», был масоном. Он принадлежал не к ведущей венской масонской ложе «Zur Wohlta#tigkeit» («Во имя благотворительности»), а к более скромной ложе «Zur Wahren Eintracht» («К истинному единодушию»). Именно Гайдн убедил своего юного коллегу Вольфганга Амадея Моцарта стать масоном и присоединиться не к ложе «Zur Wohlta#tigkeit», а к ложе «Zur Wahren Eintracht». Моцарт приехал в Вену в 1783 году и был посвящен в братство в ложе Гайдна в следующем году. В число выдающихся братьев этой ложи входили философы Райхфельд и Игнац фон Борн».

...

«Йозеф Гайдн – великий австрийский композитор. Гайдна называют отцом симфонии и квартета. До Гайдна немало было написано и сонат, и симфоний, и квартетов. Но только в творчестве Гайдна эти жанры становятся классическими. А поскольку жизнь Гайдна прошла близ Вены и в Вене, Гайдна называют венским классиком. Это же высокое право называться венскими классиками получили и два великих младших современника Гайдна – Моцарт и Бетховен».

(Цит. по: Прохорова И. Музыкальная литература зарубежных стран. М.: Музыка, 2003. С. 19).

Естественно, масонство увлекло Моцарта так же, как Гайдна, и с братством связаны восемь его кантат. Однако по важности все эти сочинения, без всякого сомнения, превосходит опера «Волшебная флейта».

Как видим, среди композиторов и музыкантов масонство было не только не предосудительным, но даже модным. Правда, к 1791 году, когда опера была написана, в положении масонов в Вене многое переменилось.

Иосиф II, сын императора Франца и Марии-Терезии, был авторитарным правителем, но проводил либеральные реформы. В частности, он расширил доступ населения к образованию и обеспечил определенную свободу прессе. Что касается масонства, то по отношению к ним политика Иосифа II была вполне терпимой. Он отклонил приглашение стать Гроссмейстером, но заметил при этом, что деятельность масонов одобряет.

Джаспер Ридли по этому поводу пишет:

«Император ничего не имел против бесед, которые вели в масонских ложах аристократы и образованные интеллектуалы, однако его министр внутренних дел и глава полиции весьма подозрительно относились к посещавшим собрания тайного общества журналистам из среднего класса и ремесленникам-пролетариям. В Австрийской империи, как и во Франции, правительство проводило в отношении масонов противоречивую политику».

Проблема обострилась, когда в Баварии появилось тайное общество – Орден иллюминатов. Это общество пробуждало в народе не только любопытство, но и мистический страх. Основателем его был Адам Вейсгаупт, ставший профессором канонического права католического Ингольштадтского университета в Баварии. В историю он вошел под псевдонимом «Спартак», а его главной идеей была мировая революция, свержение всех королей и епископов, а затем установление на Земле (естественно, под властью иллюминатов) режима свободомыслия и веротерпимости. Деятельность иллюминатов и их лидера навлекла на себя недовольство баварских властей.

А потом, в 1789 году, грянула Великая французская революция, и тут же нашлись люди, обвинившие во всем иллюминатов и масонов.

В результате именно иллюминаты оказали влияние и на политику Иосифа II в отношении масонов. Сам он, в отличие от отца, к братству не примыкал, но масоны все же имели основания надеяться на то, что он будет относиться к ним лояльно, и, когда Иосиф II отменил антимасонские законы Марии-Терезии, все решили, что надежды братства оправдались. Однако новый император отлично умел соизмерять идеалы с политической реальностью. Особенно это касалось ситуаций, когда возникала пусть даже потенциальная угроза его собственной власти. Игнорировать доклады начальника полиции, из которых следовало, что собрания масонов опасны, Иосиф II не мог и не желал. Итогом стал написанный императором 11 декабря 1785 года указ, в котором говорилось, что деятельность масонов была благотворна, однако существование тайной организации таит в себе определенные угрозы, поскольку некоторые из масонских лож используются в качестве прикрытия для революционеров и мятежников. А раз так, император повелевает закрыть все масонские ложи на территории империи, кроме одной на каждую провинцию. Исключение было сделано лишь для Вены, Будапешта и Праги, в каждой из которых дозволено было действовать трем ложам.

В 1790 году Иосиф II умер. В это время революция во

Франции уже свершилась, и после этого все правительства стали смотреть на масонов весьма враждебно. После смерти Иосифа трон унаследовал его брат Леопольд II. По словам Джаспера Ридли, «масоны не знали, чего ждать от нового правителя. Унаследовав от своего отца Франца I титул Великого герцога Тосканского, он во время правления старшего брата проводил во Флоренции либеральные реформы и относился к масонам терпимо. Теперь, после французской революции, от Леопольда II со всех сторон требовали положить конец либеральным реформам. Обойтись с масонами жестко императору советовали не только католическая церковь и глава полиции, но и его сестра Мария-Антуанетта, жившая на положении пленницы в своем парижском дворце Тюильри при правительстве Мирабо и масона Лафайетта, совершившем переворот во Франции».

В тайной переписке Мария-Антуанетта поделилась с Леопольдом своими опасениями, полагая, что худшее ждет ее впереди. В письме от 17 августа 1790 года она написала:

«В своих владениях будьте осторожнее с любой организацией масонов. Необходимо предупредить вас о том, что именно через них действуют все чудовища, намеревающиеся повсеместно достичь одной и той же цели. Господи, храни мою страну и вас от подобных несчастий».

Считается, что под «моей страной» Мария-Антуанетта имела в виду не Францию, которой она правила, а Австрию, в которой родилась.

Масоны решили ответить ударом на удар. Коронация Леопольда и его восшествие на трон Богемии должны были состояться в Праге 6 сентября 1791 года. По этому случаю оперному театру непременно полагалось поставить новую оперу. И выбор пал на «Волшебную флейту» Моцарта по либретто Эмануэля Шиканедера, который тоже был масоном.

В постановке «Волшебной флейты» сразу были замечены таинственность и мистическая символика, связанные с идеями и ритуалами общества масонов.

Основная тема оперы – выход из духовной тьмы в свет, а это всегда было ключевой идеей «вольных каменщиков». Силы зла в опере олицетворяет Царица ночи, а силы добра и божественную мудрость – волшебник Зарастро. Испытания, которые проходит принц в течение оперы, также весьма напоминают элементы масонских испытаний и церемоний посвящения. Одно из них, кстати, проходит внутри пирамиды, а пирамида – это традиционный масонский символ.

Сразу после смерти Моцарта появился слух: композитор заслужил кару за то, что раскрыл в своей опере некоторые

секреты масонов. Премьера «Волшебной флейты» состоялась в Вене 30 сентября 1791 года. Дирижировал сам Моцарт, и опера имела огромный успех у критиков и публики (в течение октября оперу играли двадцать четыре раза, и всякий раз зрители были в восторге).

Версия убийства «непокорного брата» представляется весьма сомнительной. Да, Моцарт был членом масонской ложи и имел достаточно высокий уровень посвящения. Да, масонское сообщество, обычно оказывающее помощь собратьям, не пришло проводить Моцарта в последний путь, а специальное заседание ложи, посвященное его кончине, состоялось лишь через несколько месяцев. Возможно, определенную роль в этом сыграло то, что в 1791 году мировоззренческие расхождения между композитором и масонами достигли своего накала. Да, в опере была широко использована масонская символика, раскрыты многие строго оберегаемые ритуалы, которые положено было знать лишь посвященным. И это не могло пройти незамеченным. Но все это не является доказательством того, что Моцарт именно за это поплатился своей жизнью. Безусловно, масонам было запрещено говорить посторонним о масонских тайнах, и они приносили клятву о неразглашении на Библии. Но тут возникает естественный вопрос, почему пострадал именно Моцарт? Ведь либретто оперы было написано не им. Он же написал только музыку, то есть не мог ничего разгласить. Но при этом Шиканедер умер четверть века спустя после Моцарта в возрасте шестидесяти одного года, и никто никогда не посягал на его жизнь.

К тому же «Волшебная флейта» не высмеивает масонство, а воспевает его. В результате венские франкмасоны не только не обиделись на оперу, но и заказали Моцарту еще одну кантату, которую он набросал за несколько дней между премьерой «Волшебной флейты» и своей смертельной болезнью. Некоторые масоны, в частности сам Шиканедер, на премьере оперы исполняли часть ролей, и их никто за это не покарал. А в 1792 году масоны организовали постановку заказанной Моцарту кантаты в пользу его вдовы и детей.

В связи с этим Эрнст-Вильгельм Гейне пишет:

«Становится несомненным: масоны не имеют ничего общего со смертью Моцарта. Нет мотива».

А Джаспер Ридли делает окончательный вывод, с которым трудно не согласиться:

«Первым подозреваемым в убийстве Моцарта стал его соперник, итальянский композитор Антонио Сальери. Когда эта теория была благополучно опровергнута, стали говорить, что

Моцарта убили его супруга и ее любовник, а то и муж его любовницы. Разумеется, в скором времени пошли слухи о том, что Моцарта убили масоны за то, что он выдал их тайны в «Волшебной флейте». Это одна из самых нелепых теорий, выдуманных противниками масонов. «Волшебная флейта» не открывает никаких масонских тайн, зато мистический ореол вокруг этой оперы, как и было задумано, немало способствует популярности масонства».

Версия пятая: самоотравление, сифилис, ртуть

Суть этой версии: в результате «многих излишеств и сумасбродств» Моцарт страдал сифилисом, он сам себя лечил ртутью и тем самым сам отравил себя. По другому варианту этой версии, лечил Моцарта его друг и покровитель Готфрид ван Свитен.

Эта версия маловероятна. Прежде всего потому, что нет веских оснований предполагать у Моцарта наличие сифилиса. Кроме того, эта болезнь имеет иную клиническую картину. И еще – жена и двое сыновей Моцарта (младший родился за пять месяцев до его смерти) были в этом смысле вполне здоровы, что исключается при больном муже и отце.

...

«В качестве еще одного отравителя назывался… сам Моцарт. Согласно этой теории, Моцарт передозировал ртутные препараты, пытаясь избавиться от сифилиса. Горячие моцартолюбы даже знали, что композитор обзавелся болезнью в процессе репетиций “Волшебной флейты”. Никаких оснований для этой теории нет.

(Цит. по: Б. Кушнер, статья «В защиту Антонио Сальери», оригинал статьи находится по адресу www.vestnik.com/issues/1999/0706/koi/kushner.htm и далее по ссылкам)

Версия шестая: смерть от болезни, неправильное лечение

Конечно, эта версия выглядит не столь романтической, как предыдущие, но зато она, похоже, наиболее близка к реальной действительности. Во внезапной смерти Моцарта решающую роль, скорее всего, сыграли три совпадающих фактора: врожденный дефект мочевого или почечного тракта; заражение эпидемической болезнью, так называемой ревматически-воспалительной лихорадкой, а также чрезмерное кровопускание, произведенное лечащими врачами.

В своей книге «Легенды вокруг Моцарта», опубликованной в Мюнхене в 1986 году, биограф Моцарта Алоис Грайтер пишет:

«В 1981 году американский патолог Раппопорт […] на основании многочисленных статистических данных указал на корреляцию между определенными внутренними и внешними [физиологическими] дефектами. Подобные совпадения между дефектом одной из раковин наружного уха и врожденными дефектами урогенитального аппарата обнаруживаются с достаточной регулярностью».

О каких дефектах говорит доктор Раппопорт? Дело в том, что у Моцарта раковина левого уха была развита ненормально, и он всегда скрывал это париком. Откуда это известно? В 1828 году вдова Моцарта решила опубликовать биографию композитора, написанную ее вторым мужем, датским дипломатом Георгом Ниссеном. На 586-й странице она поместила рисунок, выполненный специалистом по анатомии: уши Моцарта – левое и правое. Констанца это сделала, чтобы положить конец слухам о том, что ее младший сын – сын не Моцарта, а Зюсмайра. Доказательством ее невиновности стало то, что характерная форма левого уха Моцарта была унаследована ее младшим сыном.

А вот что говорил Артур Раппопорт в своем докладе, представленном в 1981 году, в Вене, на международном конгрессе по клинической химии:

«Как практикующий патолог я наблюдал случаи […] различных генетических синдромов, в которых анатомические деформации уха и части мочевого тракта, а также функциональные расстройства, биохимические изменения и прочие генетически коррелируются […] Помимо корреляции ушей и почек, при получении некоторых сведений о дедах, отцах и детях выявлены другие структурные характеристики,

наблюдаемые у Моцарта: убегающий книзу подбородок, близорукость, живой ум […] На основании моих исследований последних двух десятилетий […] мы теперь в состоянии поставить окончательный диагноз почечной болезни Моцарта или, говоря шире, его мочевого тракта. К такой уверенности меня привело изучение […] в биографии Ниссена таблицы, помещенной напротив страницы 586, на которой изображены уши Моцарта – дефектное и нормальное […] Ниссен утверждает, что черты лица и уши сына были похожими на отцовские. Я обратил особое внимание на структуру уха Моцарта, очень отличающуюся от нормы и унаследованную только младшим сыном Моцарта».

Таким образом, медицинские статистические данные, собранные в XX веке, и рисунки ушей Моцарта позволили американскому врачу поставить диагноз – почечная болезнь. Как пишет Марио Корти, «иными словами, не будь молвы о любовных отношениях жены Моцарта с Зюсмайром и о незаконнорожденном ребенке, побудивших ее опубликовать рисунки ушей Моцарта, мы бы никогда не узнали о (возможно) подлинных причинах смерти Моцарта. Если эта теория верна, то мы имеем дело с одним из тех парадоксальных случаев, когда непроверенные слухи помогают восстанавливать правду».

В процитированной выше книге Алоис Грайтер подтверждает теорию Раппопорта:

«К концу ноября 1791 года вялотекущая почечная недостаточность после долгих лет кажущегося здоровья и в результате легкой болезни достигла финальной стадии. Решительный толчок […] дала эпидемия, получившая название «ревматическая воспалительная лихорадка».

Специалисты добавляют, что смерть Моцарта ускорило чрезмерное кровопускание, произведенное врачами. В заключение своего доклада Раппопорт говорит:

«Надеюсь, я предоставил сильный аргумент тем, кто убежден в том, что Моцарта не отравили, не убили, не лишили жизни насильственным способом».

А в 1966 году швейцарский врач Карл Бэр назвал поставленный современниками Моцарта диагноз «острой сыпной лихорадки» любительским и непрофессиональным. На основании фактов, собранных врачом Моцарта Томасом-Францем Клоссе, Бэр предположил, что у него был суставный ревматизм, острое неинфекционное заболевание, сопровождающееся болезненным воспалением суставов.

В 80-е годы другой врач, Питер Дж. Дэвис, опубликовал еще более тщательный анализ истории болезни Моцарта и его последнего недуга. В 1762 году, когда шестилетний музыкант-

вундеркинд начал давать концерты и сочинять музыку, он заразился стрептококковой инфекцией верхних дыхательных путей. Последствия такой инфекции могут проявиться через месяцы и даже годы. В дальнейшем мальчик страдал приступами тонзиллита, болел тифом, ветрянкой, бронхитом и желтухой, или гепатитом А. В 1784 году, через три года после приезда в Вену, композитор слег. Симптомы очередной болезни включали в себя тяжелую рвоту и острый суставный ревматизм.

Доктор Дэвис заканчивает анализ болезней Моцарта выводом о том, что причиной смерти стало сочетание стрептококковой инфекции, подхваченной в период эпидемии, почечной недостаточности, вызванной повышенной аллергической чувствительностью, известной как синдром Шенлейна-Геноха, а также кровоизлияния в мозг и смертельной бронхопневмонии. Доктор Дэвис отмечает, что признаки почечной недостаточности включают в себя депрессию, изменение личности и бредовые состояния. Этим может объясняться убеждение Моцарта в том, что его отравили и что незаконченный «Реквием» предназначен для его похорон.

В конце 80-х годов в мировой прессе промелькнула заметка о том, что якобы найден череп Моцарта и что он может быть подвергнут экспертизе с целью обнаружения в нем следов отравляющих веществ. Однако новых сообщений на эту тему не последовало. Зато один фармацевт из лондонского королевского госпиталя в 1991 году выдвинул предположение, что причина смерти композитора – лекарства. Известно, что Моцарта мучили малярийная лихорадка и болезнь, называвшаяся в те времена «меланхолией» (то есть депрессия). В качестве лекарств против них употребляли сурьму и ртуть – то есть именно те вещества, которые с успехом применялись и в качестве ядов. Побочный эффект действия сурьмы – болезнь, похожая на пневмонию, которая может быть смертельной. По мнению Джеймса, в могилу Моцарта свела именно пневмония, вызванная действием сурьмы.

В своем недавнем исследовании Дитер Кернер утверждает:

«Рассматривая фактические данные, дошедшие до нас, нельзя ни в коей мере сомневаться в том, что Моцарт пал жертвой отравления двухлористой ртутью (сулема), которая систематически вводилась в его организм с лета 1791 года, пока, наконец, во второй половине ноября он не получил последнюю и смертельную дозу, в результате чего начали опухать руки и ноги».

«Личный врач Моцарта Клоссетт (Closset, Tomas Franz), как и приглашенный для консультации доктор Саллаба (Sallaba, Mathias von), считались одними из лучших практикующих врачей Вены. Для нас существенно, что доктор Саллаба был видным специалистом в токсикологии и одним из основателей австрийской судебной медицины. За полгода до смерти Моцарта он подал петицию об учреждении кафедры судебной медицины. Он соглашался возглавить такую кафедру даже и без жалованья. Доктор Клоссет, со своей стороны, был автором специального исследования по передозировкам препаратов ртути. Две главные группы ядов, рассматривавшиеся в связи с гипотетическим отравлением Моцарта, – ртутные препараты и яды мышьяковой группы (например, знаменитая acqua toffana, смесь мышьяка, сурьмы и свинца) давали ясно выраженные и хорошо знакомые лечащим врачам Моцарта симптомы. То, что два таких специалиста даже и не рассматривали возможность отравления, говорит о многом».

(Цит. по: Б. Кушнер, статья «В защиту Антонио Сальери», оригинал статьи находится по адресу www.vestnik.com/issues/1999/0706/koi/kushner.htm и далее по ссылкам)

Впрочем, есть соблазн пойти еще дальше. Можно, например, заявить, что Моцарт умер… от СПИДа, ведь пневмония – один из характерных признаков заболевания СПИДом. Несомненно, найдутся сторонники и у этой версии.

* * *

Сейчас можно с полной уверенностью говорить: Сальери к смерти Моцарта не имеет ни малейшего отношения. На самом деле последний умер так рано от поразившей его тяжкой болезни. Как говорится, не повезло…

Один из доводов в защиту Сальери (помимо всех прочих, обозначенных выше) звучит так: будь маэстро патологическим завистником, мир бы прежде времени лишился и других великих композиторов, кстати, его учеников: Бетховена, Листа и Шуберта, гений которых, наверное, не меньшего масштаба, чем у Моцарта. Почему же он не заставил замолчать и их? Почему же все обстояло с точностью до наоборот: Сальери усердно передавал им секреты музыкального мастерства, более того, прославлял их творчество?

Итак, через двести с лишним лет Антонио Сальери оказался оправдан «за отсутствием состава преступления». Но, увы, имя его уже успело стать нарицательным, а для многих – кануло в Лету.

* * *

И все же. В 2005 году в Вене была отреставрирована могила композитора Антонио Сальери. Как сообщили в секретариате советника по культуре Вены Андреаса Майлата-Покорни, долгое время могила Сальери на венском Центральном кладбище была бесхозной, и надгробие начало разрушаться. Магистрат выделил средства, и могила Сальери приобрела первоначальный вид.

Эта могила, правда, расположена вне знаменитой «Аллеи композиторов» венского кладбища, где похоронены Бетховен, Брамс и Штраус, а также сооружен памятник на символической могиле Моцарта. Сам Моцарт, как известно, был похоронен в общей могиле для бедняков в пригороде Вены, и его предполагаемые останки были лишь значительно позднее перенесены на венское Центральное кладбище. Бетховен и Шуберт также не сразу нашли вечный покой на этом кладбище (сначала они были похоронены на кладбище венского района Вэринг, что в северо-западной части города).

«Практически все погребения совершались в общие могилы на пять-шесть покойных. Отдельные могилы были редкими исключениями, роскошью для очень богатых и знати. В начальной версии Иосифовых правил тело должно было быть опущено в могилу в полотняном мешке и присыпано известью для быстрейшего разложения. Впоследствии император, уступая протестам, разрешил захоронения в гробах. Никакие памятные знаки, надгробия и т.д. на могилах не позволялись (с целью экономии места), все эти знаки внимания можно было устанавливать вдоль ограды кладбища и на самой ограде. Каждые 7–8 лет могилы перекапывались и использовались снова. Таким образом, в похоронах Моцарта ничего необычного для того времени не было. Это определенно не были «похороны нищего». Именно такая процедура применялась к 85% умерших из достаточных классов общества. Впечатляющие (хотя и по второму разряду) похороны Бетховена в 1827 году проходили уже в другой эпохе и, кроме того, отражали резко возросший социальный статус музыкантов, за что всю жизнь боролся сам Моцарт.

(Цит. по: Б. Кушнер, статья «В защиту Антонио Сальери», оригинал статьи находится по адресу www.vestnik.com/issues/1999/0706/koi/kushner.htm и далее по ссылкам)

Интересно, что при наличии улицы Сальери в

фешенебельном районе австрийской столицы Веринге улицы Моцарта в Вене долгое время вообще не было.

Е.Н. Грицак констатирует:

«О памятнике своему гению «благодарная» Вена вспомнила лишь в середине XIX века: бронзовая статуя заняла место фонтана на маленькой площади (ныне Моцартплац), от которой начиналась улица, вскоре названная Моцартштрассе. Еще один монумент, уже в мраморе, имеется на Альбрехтплац, площади, названной в честь эрцгерцога Альбрехта, давшего имя здешнему фонтану, возведенному на остатках крепости и украшенному мраморными аллегориями Дуная и его притоков».

…

Наполеон *(15 августа 1769, Аяччо, Корсика – 5 мая 1821, Лонгвуд, остров Святой Елены)*

• Полное имя – Наполеон Бонапарт.

• Достижения – император французов в 1804–1815 годах, французский полководец и государственный деятель.

• Особенности характера – деспотизм, презрение к людям, необузданное властолюбие, решительность, упорство.

• Внешность – маленького роста, полный.

• Семейное положение – 1-я жена: (с 9 марта 1796, Париж) Жозефина де Богарне, императрица французов. Детей не имели. В разводе с 16 декабря 1809 года. 2-я жена: (с 1 апреля 1810, Сен-Клу) Мария-Луиза Габсбург-Лотарингская, эрцгерцогиня Австрийская, императрица французов. Имели одного сына: Наполеон II Бонапарт.

• Злодейство – чрезмерное тщеславие, гордыня, манипулирование другими людьми, запрет брату жениться по любви.

Глава вторая Жестокие капризы Наполеона Бонапарта

А вот еще один бесспорный гений – Наполеон Бонапарт. Шатобриан говорил о нем:

«Бонапарт был поэтом действия, великим военным гением, человеком неутомимого ума, опытным и здравомыслящим администратором, трудолюбивым и мудрым законодателем».

Но что характерно, безнравственных поступков в своей жизни этот человек насовершал великое множество. Он, например, бросал на произвол судьбы свои армии, обрекая их на погибель. Он ввел в повседневную практику грабеж соседних государств. Он регулярно фальсифицировал документы. Он обвинял верных ему людей в том, чего они не совершали, делая их «козлами отпущения» и вынуждая расплачиваться за свои собственные ошибки, и при этом без малейших колебаний присваивал себе заслуги других людей.

…

«Я случаюсь то лисой, то львом. Весь секрет управления заключается в том, дабы знать, как скоро надлежит быть тем либо иным».

(Наполеон Бонапарт)

И вот слова все того же Шатобриана:

«При жизни Наполеона особенную ненависть навлекла на него страсть принижать всё и вся. Ему нравилось попирать достоинство тех, над кем он одержал победу; в особенности же стремился он смешать с грязью и больнее ранить тех, кто осмеливался оказать ему сопротивление. Надменность его равнялась его удачливости; он полагал, что чем сильнее унизит других, тем выше поднимется сам. Ревнуя к успехам своих генералов, он бранил их за свои собственные ошибки, ибо себя

считал непогрешимым. Хулитель чужих достоинств, он сурово упрекал помощников за каждый неверный шаг […]

Жизнь Бонапарта – бесспорная истина, которую взялась описывать ложь.

Мало было лгать, лаская его слух, следовало радовать и его взор: на одной гравюре Бонапарт обнажает голову перед ранеными австрийцами, на другой останавливается, чтобы расспросить какого-то служивого, на третьей посещает чумной барак в Яффе, куда на самом деле даже не заглядывал, на четвертой в пургу одолевает на резвом скакуне перевал Сен-Бернар, где на самом деле стояла в ту пору прекраснейшая в мире погода.

Император вмешивался во все; ум его не знал отдыха; мысли его находились, можно сказать, в постоянном возбуждении. Бурная его натура не позволяла ему действовать естественно и последовательно; он двигался вперед рывками, скачками, он набрасывался на мир и сотрясал его.

Он приучил общество к безвольному подчинению и развратил его нравственность; по его вине люди так исподличались, что невозможно сказать, когда в сердцах вновь проснутся великодушные порывы».

И ведь Франсуа-Рене де Шатобриан – знаменитый член Французской академии, дипломат и писатель – отлично знал, о чем он говорил. При Наполеоне он служил секретарем французского посольства в Риме, но после отвратительного убийства герцога Энгиенского, потрясшего всю Европу, он подал в отставку и перешел в оппозицию к императору.

Перечень безнравственных поступков Наполеона можно было бы продолжать до бесконечности. Он, в конце концов, не любил никого, а единственной женщине (Жозефине), в которую он якобы был по-настоящему влюблен, регулярно изменял.

Но и это еще не все. Главной женщиной в жизни любого нормального человека, безусловно, является его мать. Это и понятно, ведь сердце матери – это вселенская бездна любви, заботы и всепрощения. А также понимания и поддержки. И все это – бескорыстно и независимо от обстоятельств. Но Наполеон и тут показал себя «во всей красе» своего злого гения – он умудрился довести отношения с матерью – гордой корсиканкой Летицией Рамолино – до такой степени неприятия, что она даже отказалась присутствовать на церемонии его коронации, имевшей место 2 декабря 1804 года. И знаменитая картина Жака-Луи Давида в этом смысле никого не должна вводить в заблуждение. На этой картине мадам Летиция изображена строго по центру. Она сидит в окружении придворных и умильно смотрит на

величайший триумф в жизни своего сына. Картину эту (или ее репродукцию) видели миллионы людей, и все теперь уверены, что так оно и было на самом деле. Иначе же просто и быть не могло…

…

«Став императором в 1804 году, НАПОЛЕОН I (1769–1821) к тому времени уже несколько лет был единоличным правителем Франции. Менее чем за десять лет он дослужился от нижнего артиллерийского чина до бригадного генерала, при этом никогда не был в стороне от политики. Он всегда стремился к тому, чтобы Франция стала первой державой в Европе. Созданная за годы Директории и Консульства мощная армия стала превосходным орудием для воплощения его замыслов».

(Цит. по: Гизо Генриетта. История Франции для юных. М.: Б.С.Г.– Пресс, 2008. С. 372).

В реальной же действительности мать Наполеона отказалась в тот день прийти в Собор Парижской Богоматери. Она даже не приехала в Париж. Почему? Так она выразила свое категорическое несогласие с целым рядом действий своего сына, смириться с которыми она не сочла для себя возможным.

А что же картина Давида? Да ничего. Просто она была написана придворным художником по заказу императора Наполеона, и тот лично распорядился, чтобы его мать была изображена на ней. Как говорится, для потомков. Чтобы все выглядело прилично и не вызывало ненужных для его имиджа вопросов…

Наполеон, в данном случае, просто не посчитался со своей матерью. А что, тот, кто надругался над сотнями тысяч чужих

матерей, может надругаться и над своей собственной.

* * *

Деспотизм и презрение к людям – характерные черты Наполеона. Его жизненный принцип – принижать всё и вся. И проявлялось это, как видим, не только в государственных делах, но и в вопросах сугубо внутрисемейных.

...

«В ранце любого солдата лежит жезл маршала».
(Наполеон Бонапарт)

Маршал Мармон, отлично знавший Наполеона, в своих «Мемуарах» написал о нем:

«С точки зрения физической и моральной в нем сочетались два человека.

Первый был худым, непритязательным, необыкновенно активным, равнодушным к лишениям, презирающим благополучие и материальные блага, предусмотрительным, осторожным, умеющим отдаваться на волю судьбы, решительным и упорным в своих намерениях, знающим людей и их нравы, что играло огромную роль на войне, добрым, справедливым, способным к настоящим чувствам и благородным к врагам.

Второй был толстым и тяжелым, чувственным и настолько занятым своими удовольствиями, что считал их своим важнейшим делом. Он был беспечным и боящимся усталости, пресыщенным всем, не верящим ни во что, если это не совпадало с его страстями, интересами и капризами, ни в грош не считавшимся с интересами человечества, презиравшим на войне элементарные правила осторожности, во всем полагающимся на свою удачу, на то, что он назвал своей звездой».

Чтобы наглядно проиллюстрировать мысль о чудовищных капризах и деспотизме Наполеона, приведем лишь один весьма характерный пример – печально известную историю с первым

браком Жерома Бонапарта.

Как известно, Жироламо (по-французски – Жером) Бонапарт был самым младшим из братьев Наполеона. В 1802 году ему исполнилось семнадцать. Это был красивый молодой человек с румяным лицом и густыми черными кудрями, любимец и капризный баловень всего семейства Бонапартов. До поры до времени Наполеон (а он тогда был первым консулом) тоже потакал всем прихотям Жерома, оплачивая его счета и покрывая в многочисленных «делишках», которыми увлекался молодой человек и его многочисленные друзья-приятели. Все изменилось после того, как младший из Бонапартов, приписанный к кавалерии консульской гвардии, по пустяковому поводу подрался на дуэли с другим офицером и получил от того пулю в грудь. После затянувшегося выздоровления Жером был самым категорическим образом направлен на флот.

Наполеон надеялся, что служба на боевом корабле вдали от Парижа пойдет на пользу избалованному мальчишке и сделает из него «просоленного морского волка». Жером подчинился, но его «служба» более походила на морской круиз, ибо ни один из настоящих морских офицеров не смел не только требовать что-то от брата первого консула, но и даже поручать ему что-либо мало-мальски серьезное. В результате восемь месяцев Жером находился на флагманском корабле адмирала Гантома в качестве гардемарина, а потом за одно лишь присутствие при захвате одного британского корабля его поспешно произвели в корабельные лейтенанты.

После этого Жером был направлен Наполеоном на Карибские острова с депешами для генерала Леклерка, мужа их сестры Полины, возглавлявшего экспедицию к острову Сан-Доминго.

На Мартинике капитан корабля, на котором находился Жером, неожиданно заболел, и брат Наполеона принял на себя командование. Он вышел в море, но в ноябре 1802 года вынужден был возвратиться из-за свалившей и его болезни. Однако приказы первого консула адмиралу Вильнёву, командовавшему эскадрой, были строги и конкретны: Жером должен плавать, а не прохлаждаться на берегу. И он снова вышел в море 12 января 1803 года, пойдя в направлении Гваделупы. Там Жером Бонапарт, ненавидевший морскую службу, отправил свой фрегат «Ястреб» во Францию, а сам пересел с парой своих друзей на американское судно. Фактически это было дезертирство с военного корабля, и любой другой офицер был бы сурово наказан за подобный поступок. Любой, но не Жером Бонапарт. Более того, в адмиралтействе началась паника: не дай Бог, брат первого консула еще попадет в плен к англичанам…

А тем временем Жером высадился в Норфолке (штат Вирджиния). Произошло это 20 июля 1803 года, а 27-го он прибыл в Вашингтон, где его принял сам президент Томас Джефферсон, знаменитый создатель демократической партии США. Он принял Жерома по-отечески, а потом пригласил его отужинать в непринужденной обстановке.

Затем Жером потребовал к себе французского посланника в Вашингтоне Луи-Андре Пишона. Приказам брата самого Наполеона не противятся, и Пишон вынужден был повиноваться. Жером информировал его о том, что решил зафрахтовать новое судно за счет французского консула в Филадельфии. Пишон быстро подсчитал, что это обойдется в десять тысяч долларов, но, к счастью для него, Жером быстро изменил свои намерения. В это время он связался с неким господином Барне, бывшим офицером французского флота, а ныне владельцем одного из лучших отелей в Вашингтоне, и отбыл вместе с ним в Балтимор (штат Мэриленд). И напрасно Луи-Андре Пишон убеждал Жерома, что общение с подобными людьми ни до чего хорошего не доведет, тот лишь сердился и отвечал, что никому не позволит вмешиваться в свои дела.

...

«Видно было, что уже давно для Наполеона в его убеждении не существовало возможности ошибок и что в его понятии все то, что он делал, было хорошо не потому, что оно сходилось с представлением того, что хорошо и дурно, но потому, что он делал это».

(Л.Н. Толстой «Война и мир», том III, часть I, глава VII)

* * *

В Балтиморе Жером находился до конца октября 1803 года. Там он вел активную светскую жизнь, посещая приемы и тратя деньги (не свои, конечно) налево и направо. В это время в порт зашел французский фрегат «Преследующий», вопреки своему названию, едва сумевший ускользнуть от английского наблюдения. Для посланника Пишона это был счастливый случай, чтобы попытаться отправить беспокойного и слишком уж дорогостоящего Жерома во Францию. По словам историка Десмонда Сьюарда, страсть Жерома к удовольствиям «стала притчей во языцех в Соединенных Штатах».

Но к тому времени простодушный Жером уже был влюблен и собирался жениться!

Случилось так, что в Балтиморе на одном из балов он познакомился с прелестной семнадцатилетней американкой Элизабет Паттерсон, дочерью ирландского иммигранта, а ныне богатого балтиморского предпринимателя Уильяма Паттерсона. Его милая Бэтси родилась 6 февраля 1785 года и была, пожалуй, самой красивой невестой во всем городе. У нее была прекрасная фигура, нежный цвет лица и чудесные карие глаза. Она неплохо говорила по-французски, в то время как Жером не знал по-английски ни слова. Удар молнии! Жером влюбился в нее с первого взгляда, да и у нее одна мысль о возможном браке с братом того, кто правил теперь Францией, воспламенила разум и затмила все на свете. Бэтси, как сказали бы сейчас, была весьма «продвинутой девушкой», увлекалась трудами французских философов и ненавидела скучный, как ей казалось, провинциальный Балтимор.

Десмонд Сьюард пишет о ней:

«Она до такой степени ненавидела Балтимор, что даже всерьез подумывала о самоубийстве, и позднее признавалась, что вышла бы замуж даже за дьявола, лишь бы сбежать оттуда. В Жероме она увидела не только шанс к богатству – наверняка его пустота не ускользнула от ее взгляда с самого начала. Брак с ним означал для нее брак с братом самого могущественного человека в мире, то есть прибыльное приобретение на будущее. К тому же, если учесть ее природный ум и другие качества, она вполне могла бы стать ценным приобретением для Бонапартов, а кроме того, связующим звеном между ними и Новым Светом».

Ее отец Уильям Паттерсон по линии жены находился в родственных связях с генералом Смитом, сенатором и человеком весьма влиятельным. Жером и Бэтси так любили друг друга, что балтиморское общество не могло нарадоваться, глядя на них. Все родственники Бэтси не скрывали своей гордости от будущего блестящего, как им казалось, союза, а генерал Смит даже успел

построить на базе этого брака целую политическую комбинацию: породнившись с первым консулом, он решил добиться поста посла США во Франции, а Жерома он хотел сделать послом Франции в Вашингтоне.

В свою очередь, Жером, как мы понимаем, был не из тех людей, кто долго обдумывает свои поступки и их последствия. Быстро отметили помолвку, а на 7 ноября была назначена свадьба.

При этом он написал Луи-Андре Пишону:

«Господин генеральный консул, 7 ноября я собираюсь жениться в Балтиморе на мадемуазель Паттерсон. Я приглашаю вас, равно как и мадам Пишон, присутствовать на моей свадьбе и подписать брачный договор».

Но господин Пишон быстро понял, какой риск он взял бы на себя, если бы принял это приглашение. Дело в том, что такой брак без формального согласия Наполеона мог быть признан недействительным, так как французский закон запрещал французам в возрасте до двадцати пяти лет жениться без согласия отца или матери. Гражданину Жерому Бонапарту было меньше двадцати пяти, и у него не было согласия мадам Летиции Бонапарт (его отец к этому времени уже давно умер) на этот брак, следовательно, его брак, заключенный на территории США, перед лицом закона был бы недействительным на территории Франции.

В своих «Мемуарах» граф д'Оссонвилль пишет:

«Господин Пишон, понявший всю опасность подобного решения брата первого консула, составил три протеста: один из них был адресован Жерому, второй – господину Паттерсону, третий – представителю консульства в Балтиморе».

Эти три документа содержали следующую ссылку на вышеупомянутый закон от 20 сентября 1792 года и напоминали о том, что Жерому было всего девятнадцать лет.

Отец невесты, наживший огромный капитал на торговле оружием во время войны за независимость, получил протест Пишона, и свадьба была перенесена на 25 ноября. А 22-го Жером сообщил, что он разрывает свой еще не состоявшийся брак. Отец Элизабет, считавшийся, по словам Десмонда Сьюарда, «вторым по богатству человеком Америки», обеспокоенный сложившимся положением, отослал свою дочь в штат Вирджиния. Жером же, утопая в долгах, уехал в Нью-Йорк. Разумеется, сделал он это за счет посланника Пишона, который, впрочем, был счастлив, полагая, что удачно покончил с этим пренеприятнейшим делом.

Что происходило в эти дни в Балтиморе, никто точно не знает, но можно предположить, что страсти там кипели немалые…

...

«Желая укрепиться в монарших правах, в 1809 году он [Наполеон] расторг брак с Жозефиной де Богарне и в 1810 году женился на дочери австрийского императора Франца I Марии Луизе. Достигнув беспримерного могущества, он заставлял считаться со своей волей всех европейских монархов».

(Цит. по: Гизо Генриетта. История Франции для юных. М.: Б.С.Г.– Пресс, 2008. С. 372).

* * *

А закончилось все тем, что 25 декабря 1803 года господин Пишон вдруг получил открытку от некоего Александра Лекамю, приятеля Жерома, со следующим сообщением:

«Месье, я имею честь вам сообщить от имени господина Жерома Бонапарта, что его свадьба с мадемуазель Паттерсон состоялась вчера вечером. Он также поручил мне сообщить вам, что с нетерпением ожидает перевода четырех тысяч долларов, который вы должны были ему сделать. Это ваше обязательство становится неотложным, так как он начинает испытывать нужду. Таким образом, он просит вас передать ему названную сумму как можно быстрее».

Как потом выяснилось, накануне, 24 декабря 1803 года, был подписан брачный договор, где, в частности, Жером брал на себя обязательство дать этому союзу всю форму и значимость совершенного брака согласно законам штата Мэриленд и Французской Республики. Совершил таинство венчания (гражданского брака в то время в Соединенных Штатах еще не существовало) первый католический архиепископ Балтиморский преподобный отец Джон Кэролл.

Вместе с Александром Лекамю, фаворитом будущего короля Вестфалии, на свадьбе присутствовал и другой француз, бывший министр полиции Директории Пьер Сотэн де Куандриер, бывший посол в Генуе, который ныне был комиссаром по торговым делам в Балтиморе. Этот его поступок будет стоить ему (как, впрочем, и ни в чем не повинному Луи-Андре Пишону) поста…

Фактически Лекамю и Сотэн были единственными французами, присутствовавшими на свадьбе Жерома и Бэтси. И очень скоро стало ясно, что скандала не избежать. Информация даже во времена парусных кораблей распространялась довольно быстро, и уже через две-три недели Наполеон узнал о том, что брат посмел его ослушаться.

А пока же молодые предприняли свадебное путешествие на север страны, в Нью-Йорк, где они провели самые счастливые пятнадцать дней своей жизни.

…

«Любовь для праздного человека – занятие, для воина – отдых, для государя – подводный камень».

(Наполеон Бонапарт)

* * *

На их беду уже в конце января 1804 года в США было послано сообщение, в котором от имени Наполеона говорилось, что Жером обязан срочно вернуться во Францию и не иначе, чем на французском военном корабле.

18 февраля 1804 года популярная газета «Журналь дэ деба» (Le Journal des débats) сообщила своим читателям следующее:

«Можно прочитать в некоторых английский газетах, что Жером Бонапарт, брат первого консула, женился в Балтиморе на мадемуазель Элизабет Паттерсон, старшей дочери господина Уильяма Паттерсона, богатого торговца этого города. Эти

неверные новости о Жероме Бонапарте появились год назад, что позволяет сомневаться в их правдивости».

На самом деле, узнав о несанкционированной женитьбе своего младшего брата Жерома, Наполеон пришел в неописуемый гнев, хотя всего несколькими годами ранее, когда он был простым генералом без работы и особых перспектив, он наверняка счел бы подобный брак неслыханной удачей.

Результат: Жерому было приказано немедленно вернуться во Францию. Но приказы старшего брата пока не действовали на Жерома, как на него, впрочем, не действовали и никакие другие приказы. Возвращаться во Францию он явно не торопился. Фрегат «Преследующий» в марте 1804 года отправился в Европу без него, а сам он ответил министру иностранных дел Шарлю-Морису де Талейран-Перигору письмом следующего содержания:

«Я очень сожалею, что не узнал раньше о намерениях моего брата, так как я должен был воспользовался фрегатом «Преследующий», который отбыл за несколько дней до получения вашего письма!»

А потом он написал своей матери:

«Мои письма, в которых я сообщал вам о своей женитьбе, до вас, несомненно, дошли, моя дорогая мамочка. Эта новость должна была вас удивить, но, когда вы узнаете мою жену, я надеюсь, вы одобрите мой выбор».

Однако влюбленный Жером напрасно думал, что легко отделался, и очень скоро до него дошло, что его брак не пришелся по вкусу Наполеону. А дошло вот почему – в июне его «ходячий кошелек» Луи-Андре Пишон получил от Наполеона приказ прекратить всякое финансирование новобрачных. Более того, он приказал своему морскому министру Декре, чтобы было запрещено «всем капитанам французских судов принимать на борт молодую особу, с которой соединился браком гражданин Жером, таким образом, чтобы она никак не смогла прибыть во Францию, а если и прибудет, то чтобы она не смогла высадиться, а была бы немедленно отослана назад в Соединенные Штаты».

* * *

«Не потому великие люди стали велики, что им служило счастье. Нет, счастье им служило потому, что они были великие люди и умели овладевать счастьем».

(Наполеон Бонапарт)

А 18 мая 1804 года Наполеон принял на себя предложенный ему титул императора французов, и, таким образом, результатом Великой французской революции стала наследственная монархия, то есть то самое, с чем она боролась. Для Жерома это означало, что он перестал быть гражданином Бонапартом, а превратился в «принца крови». Но, к сожалению, это ничего не изменило в отношении его брата к его жене. Более того, это-то все и усугубило.

Горе Жерома не поддается описанию, но он решил продолжать борьбу за свое счастье. Впрочем, борьба – это, пожалуй, слишком громкое слово. Жером был по натуре слабым и избалованным человеком, просто не умевшим отстаивать свое мнение, которого очень часто он и не имел. Где ему было тягаться с Великим Наполеоном…

Сходя с ума от любви, Жером еще какое-то время продолжал прибегать к уверткам. Но новости из Франции тем временем становились все более и более угрожающими. В начале августа прибыло сообщение о готовящейся коронации Наполеона и о возможном исключении Жерома из всех возможных списков по линии наследства. Кроме того, Талейран открытым текстом сообщил ему:

«Господин Жером Бонапарт, заключив брак, противоположный законам Франции, гражданином которой он является, не может надеяться, что этот брак будет рассматриваться как действительный».

12 октября 1804 года Наполеон «вбил последний гвоздь», поместив в газетах следующее объявление:

«Американские газеты часто говорят о супруге господина Жерома Бонапарта. Возможно, что господин Жером Бонапарт, молодой человек, которому нет и двадцати лет, имеет любовницу, но совершенно невозможно, чтобы у него была жена, так как законы Франции таковы, что молодой человек, не достигший двадцати и даже двадцати пяти лет, не может жениться без согласия своих родителей и не выполнив во

Франции предписанные этому формальности. Господин Жером Бонапарт родился лишь в декабре 1784 года, а уже более года американские газеты выдают его за жениха».

* * *

Для разрешения всех накопившихся вопросов пора уже было ехать во Францию. Избегая французские суда, которые не имели права принять его дорогую Элизабет на борт, 25 октября 1804 года Жером зафрахтовал бриг «Филадельфия». Но эта попытка отъезда провалилась из-за страшного шторма и неблагоприятных ветров. Бриг получил повреждения, и находившимся на нем лишь чудом удалось спастись.

А 22 февраля 1805 года в Париже Наполеон вынудил свою мать огласить в присутствии нотариуса торжественный протест против любого брака, заключенного ее сыном Жеромом Бонапартом за границей без ее согласия и вопреки закону. Такова официальная версия, но выглядит маловероятным, чтобы мадам Летиция действительно поступила подобным образом. Еще более укрепляет в этом мнении тот факт, что нотариуса звали господин Рагидо, а это был тот самый нотариус, который в свое время сфальсифицировал брачные документы самого Наполеона и Жозефины (в них возраст Наполеона был завышен, а возраст Жозефины, напротив, занижен). Таким образом, вполне можно допустить, что и на сей раз заявление матери Наполеона и Жерома было изготовлено вопреки ее желанию.

А вот 2 марта 1805 года вышел уже вполне официальный декрет Наполеона, запрещавший всем гражданским служащим империи включать в их регистры запись акта о «так называемом браке», который Жером Бонапарт заключил за границей.

...

«Природой брак не предусмотрен».

(Наполеон Бонапарт)

В своих «Мемуарах» граф д'Оссонвилль дает нам следующее разъяснение:

«Если бы Жером был простым частным лицом, декларация об аннулировании не представляла бы никакой проблемы […] но, начиная с мая 1804 года, Жером перешел под действие особого права, так как вся семья императора попадала теперь под юрисдикцию главы государства. Таким образом, Жером по вопросу о действительности своего брака перешел из-под простого трибунала под юрисдикцию лично Наполеона I».

А лично Наполеон I был настроен в этом вопросе весьма решительно.

И все же, игнорируя все эти обстоятельства, 3 марта 1805 года Жером погрузился с Бэтси, ее братом Уильямом и всей своей свитой на борт брига «Эрен», принадлежавшего господину Паттерсону. 8 апреля они уже были в Лиссабоне. Там генеральный консул Франции господин Серрюрье, кстати, сын знаменитого маршала, сообщил им, что мадемуазель Паттерсон никак не может прибыть во Францию.

– Передайте своему повелителю, – гордо ответила уколотая в самое больное место Элизабет, – что теперь я – госпожа Бонапарт, и я требую признания своих прав в качестве члена императорской семьи.

Ответом на это стало решительное «нет», подкрепленное соответствующим документом, полученным от императора.

И тогда Жером, полный решимости отстаивать права своей любимой жены, решил ехать один. Балтиморская же красавица, которой запретили высаживаться на португальский берег, поплыла кружным путем в Голландию, где она должна была остановиться в Амстердаме и ждать вызова к императорскому двору.

Наполеон в это время находился в Италии, занимаясь там вопросами своей коронации. В результате Жером в сопровождении Александра Лекамю двинулся через территорию Испании в сторону приграничного французского Перпиньяна.

* * *

В районе Трухильо в ста с лишним километрах от португальской границы Жером неожиданно повстречал генерала Жюно с супругой, ехавших в Лиссабон с посольской миссией.

Пикантность ситуации заключалась в том, что супруги Жюно давно знали, что Наполеон категорически не одобрил выбор и решение своего младшего брата. Императора раздражало то, что

решение о женитьбе было принято без согласования с ним. Этот брак он считал позором для своей семьи, а Элизабет он называл не иначе как «никудышной женщиной» и грозился полностью отказаться от брата в случае дальнейшего непослушания. Влюбленный Жером был в отчаянии.

Жан-Андош Жюно, добрая душа, глубоко переживал за этого парня и пригласил его на завтрак, но они с Лорой были расстроены, обнаружив, что принимают человека, совершенно отличного от того молодого весельчака, которого они знали еще ребенком. Некогда живое выражение лица Жерома сменило отражение печальной меланхолии, в нем явно происходила страшная внутренняя борьба.

Когда же Жюно стал убеждать его оставить «американскую девицу» и заключить мир с императором, Жером вспылил:

– Даже если я признаю, что совершил ошибку, на чью же голову падет наказание? На голову моей бедной, невинной жены! Надеюсь, что мой брат не станет приводить в ярость одну из наиболее уважаемых семей в Америке!

Затем он показал миниатюрный портрет Элизабет, и Жюно, который еще совсем недавно был влюблен в Полину Бонапарт, сделал замечание о схожести этой девушки с сестрами Жерома.

– Я лишь хотел бы, чтобы мой брат согласился повидать ее, – сказал Жером. – Если он это сделает, то, по моему убеждению, ее триумф станет полным. Конечно же она ему понравится.

Жюно ничего не ответил на это, сознавая, что перспектива приведения в ярость уважаемой в какой-то там Америке семьи никогда не удержала бы императора от неприятия своей новой невестки, которая сразу, по одному ему ведомой причине, не понравилась ему.

И будущий герцог д'Абрантес оказался прав. У Жерома действительно не оставалось никаких других вариантов, кроме подчинения воле могущественного брата. В противном случае он был бы проклят, сослан и, возможно, даже арестован как самый последний дезертир. Да-да! Добиваясь своего, Великий Наполеон не гнушался и такими методами!

* * *

Жером чувствовал, что вынужден бороться против гораздо более сильной личности, чем он сам. Тем не менее 24 апреля 1805 года он приехал в Турин. Там он попытался вести переговоры и хоть как-то смягчить своего венценосного брата. Все было напрасно, и 5 мая Жером вынужден был подчиниться. На

следующий день Наполеон написал:

«Мой брат, в твоем поведении нет таких ошибок, которые бы не сглаживали в моих глазах твое искреннее раскаяние. Ваш союз с мадемуазель Паттерсон ничего собой не представляет ни в глазах религии, ни по закону. Напиши же ей и скажи, чтобы она возвращалась в Америку. Я предоставлю ей пенсию в шестьдесят тысяч франков пожизненно при условии, что она ни в коем случае не будет носить моего имени, на которое у нее нет никаких прав».

...

«Принц Евгений Богарне, вице-король Италии, получил руку принцессы Баварской, а Жером Бонапарт, успевший жениться в Америке на мисс Патерсон, должен был вскоре заключить брачный союз с принцессой Вюртембергской. Она прежде была невестой курфюрста Баденского, но тот, смущенный и встревоженный, отказался от мысли об этом союзе и согласился женить сына на племяннице императрицы Жозефины, мадемуазель Стефании Богарне, которую Наполеон провозгласил имперской принцессой».

(Цит. по: Гизо Генриетта. История Франции для юных. М.:Б.С.Г.– Пресс, 2008. С. 373).

* * *

Обливаясь слезами, несчастный Жером написал любимой жене письмо, в котором просил ее уехать обратно в Балтимор.

Право же, ситуация выглядит ужасной, отвратительной, как и

любой отказ от любви ради каких-то сугубо материальных соображений. Ведь, как писал Шекспир, «лишь та любовь – любовь, которая чуждается расчета». В самом деле, любят же обычно не за что-то, а скорее, вопреки. Конечно, благоразумие и любовь не созданы друг для друга, и по мере того, как растет любовь, уменьшается благоразумие. Но в данном случае речь для Жерома шла и не о благоразумии даже, а о самосохранении. На самом деле, что ему оставалось делать? И что было бы, если бы он посмел ослушаться своего могущественного брата? Ответы на эти вопросы дает судьба еще одного брата Наполеона – Люсьена Бонапарта.

Люсьен был старше Жерома, но младше Наполеона: он родился в 1775 году. В мае 1794 года он женился на простой трактирщице Кристине Бойе, которая, ко всему прочему, была еще и на четыре года старше его. Через год Люсьен уже был военным комиссаром Рейнской армии, а в апреле 1798 года ему удалось быть избранным депутатом в Совет пятисот (так называлась нижняя палата французского Законодательного собрания), и там он вскоре сделался человеком очень популярным. Годом позже Люсьен сыграл очень важную роль в подготовке и проведении государственного переворота, приведшего Наполеона к власти.

...

«Совет пятисот (фр. Conseil des Cinq-Cents) – одна из палат французского законодательного собрания в период 1795–1799 годов. Нижняя палата по французской конституции III года республики (1795 года); состоял, как показывает само название, из 500 членов, выбиравшихся департаментскими избирательными собраниями на три года, из лиц, достигших 30-летнего возраста. Совет пятисот возобновлялся ежегодно по

третям; один раз допускалось переизбрание вслед за окончанием выборного срока, но в третий раз то же лицо могло быть избрано лишь по прошествии двухгодичного срока. Совет пятисот избирал президента и секретаря не более как на месячный срок. Заседания его были публичны, члены получали жалованье. Исключительно ему принадлежало по конституции право предложения новых законов. Предложения, одобренные Советом пятисот, назывались résolutions и, чтобы стать законом, нуждались в утверждении Советом старейшин».

(из Википедии, статья «Совет пятисот»)

Произошло следующее. Когда готовился переворот, планировалось, что режим Директории будет свергнут, а власть в стране будет передана временному правительству, за которое должны были бы проголосовать Совет старейшин и Совет пятисот. Первая стадия заговора прошла четко по плану, и Совет старейшин проявил полную сговорчивость в вопросе пересмотра конституции. Однако Совет пятисот вдруг продемонстрировал явно враждебное отношение к Наполеону, и его появление в нем вызвало бурю возмущения, что чуть было не сорвало планы заговорщиков. Вот тут-то в дело и вмешался Люсьен Бонапарт, который к тому времени уже был председателем Совета пятисот, грозившего объявить его брата-генерала вне закона. Люсьен сказал гренадерам, охранявшим зал заседаний, что депутаты угрожают убить генерала. Более того, он приставил шпагу к груди брата и поклялся убить его собственной рукой, если тот позволит себе ограничить общественные свободы. В результате гренадеры, убежденные в том, что они спасают не Бонапарта, а саму Францию, ворвались в зал заседаний Совета пятисот и разогнали всех там находившихся. После этого Люсьен поспешил в Совет Старейшин, где рассказал о «заговоре депутатов против республики». Испуганные старейшины тут же приняли декрет об упразднении Директории и провозглашении временного правительства во главе с Наполеоном.

После этого Люсьен по праву занял пост министра

внутренних дел Франции.

На свою беду, Люсьен оказался человеком редких способностей и амбиций. Его заветным желанием было захватить в свои руки все гражданское управление в стране, оставив своему брату-генералу лишь управление военное. Однако Наполеон не захотел делить с кем-либо свою власть, и в результате Люсьен был освобожден от министерских обязанностей и отправлен в почетное изгнание (он был назначен Наполеоном французским посланником в Испании).

В 1800 году умерла Кристина Бойе, жена Люсьена Бонапарта, а в 1802 году он вернулся в Париж, где Наполеон дал ему место сенатора. Однако Люсьен, считая это слишком малым вознаграждением за свои услуги, начал открыто демонстрировать республиканские замашки и выступать против могущественного брата.

Попытки Наполеона женить овдовевшего брата на своей падчерице Гортензии де Богарне не увенчались успехом: Люсьен предпочел жениться на некоей Александрине Жубертон (урожденной де Блешан, вдове банкира Ипполита Жубертона), что вызвало крайнее неудовольствие Наполеона, заявившего, что он никогда не признает этот не согласованный с ним брак законным.

Историк Жан-Батист Капфиг рассказывает:

«Люсьен из духа противоречия торопил свой брак с мадам Жубертон. Свадьба была отпразднована тайно, но выглядело это, как некая бравада. Бонапарт был взбешен».

Усугубило ситуацию еще и то, что Наполеон в приступе гнева крикнул:

– Как тебе не стыдно! Ты же женился на шлюхе!

В ответ на это оскорбление Люсьен спокойно ответил ему:

– Ну и что! Она, по крайней мере, молода и красива…

Это был явный намек на возраст Жозефины, жены Наполеона, которая была на шесть лет его старше, и этого простить будущий император не мог.

Как видим, ситуация складывалась весьма похожая на ситуацию с браком Жерома Бонапарта. Но Люсьен был сильной личностью, и он не подчинился авторитаризму Наполеона. В результате в апреле 1804 года, не уверенный в своей безопасности, он вместе с женой уехал в Рим, где стал жить частной жизнью, пользуясь расположением папы Пия VII.

Также в Рим после этого уехала и мать Наполеона, вставшая на сторону Люсьена. С тех пор отношения между двумя братьями окончательно испортились. По некоторым данным, Наполеон несколько раз предлагал Люсьену корону при условии

расторжения брака, но после личного с ним свидания в Мантуе, в очередной раз получив решительный отказ, запретил ему пребывание в Италии. В 1810 году Люсьен с семьей уехал в Соединенные Штаты, но по дороге был захвачен англичанами и препровожден на Мальту, а оттуда – в Плимут. Лишь в августе 1814 года он возвратился в Италию, где папа Пий VII, ненавидевший Наполеона и осуждавший его как «грабителя наследства Святого Петра», даровал ему титул принца де Канино.

Жан-Батист Капфиг оценивает поступок Наполеона следующим образом:

«В приступе ярости Бонапарт приказал вывести Люсьена из системы наследования, и дело потом было передано в Сенат, что выглядело крайне недостойно, словно корсиканская вендетта, направленная против своего родного брата».

Это выглядит удивительно, но после всего произошедшего Люсьен (а у него к тому времени уже было двое детей от первого брака и шестеро от второго), забыв обиды, поддержал свергнутого Наполеона. Он всеми силами содействовал возвращению его с острова Эльба, а после поражения при Ватерлоо пытался побудить его произвести новый государственный переворот.

В своих «Мемуарах» граф д'Оссонвилль пишет:

«Отношения императора со своими братьями представляются в самом отвратительном свете. Наполеон говорил, что Люсьен способен его убить […] Он произносил следующие слова, достойные тирана из мелодрамы: «Вам нечего меня бояться, я не деспот в своей собственной семье. Я никогда не совершу преступления».

…

«Есть два рычага, коими возможно двигать людей, – испуг и индивидуальный интерес».

(Наполеон Бонапарт)

* * *

Я никогда не совершу преступления… А чем же тогда является то, что Великий Наполеон сделал со своим братом Жеромом?

На свою беду, Жером не был таким сильным и уверенным в себе человеком, как Люсьен, и он ничего не мог противопоставить железной воле старшего брата. Наполеон сломал его, подавил, подмял под себя, повинуясь одному лишь капризу. В дальнейшем подобное обращение с близкими людьми станет типичным для Наполеона. Ведь это подумать только! В 1802–1805 гг. он совершил множество великих дел: подписал столь необходимый Франции Амьенский мир с англичанами, короновал себя во Франции и в Италии, ввел в стране знаменитый Гражданский кодекс, создал Великую армию, которая очень скоро одержит блестящую победу при Аустерлице… И между всем этим он находил время на то, чтобы планомерно уничтожать семейное счастье своего младшего брата лишь по той причине, что тот посмел (!) сам выбрать себе жену…

…

«Войско баранов, возглавляемое львом, практически постоянно одержит победу над войском львов, возглавляемых бараном».

(Наполеон Бонапарт)

Жан-Батист Капфиг пишет:

«Жером Бонапарт был почти ребенком, и его преступление было похоже на то, что совершил Люсьен: в немилость он попал из-за женитьбы […] по любви на дочери богатого американского торговца по имени Паттерсон. Бонапарт, находясь в расцвете славы, опьяненный богатством, считал себя главой семьи, имевшим право готовить браки своих братьев; он рассматривал брак Жерома как дурь, как безумство молодого человека, ибо что могла представлять собой для новой династии дочь какого-то там республиканца из Соединенных Штатов».

Как говорил сам Наполеон, от великого до смешного – один шаг. И он не раз совершал этот шаг. К сожалению, слишком часто

за тем, что выглядит смешным, льются чьи-то невидимые миру слезы…

Свою любимую Бэтси, которой не было позволено высадиться и в Голландии, Жером увидит вновь лишь один раз в жизни во Флоренции, уже будучи повторно женатым на принцессе Вюртембергской, дочери короля Фридриха.

А пока же, полная отчаяния, Элизабет вместе со своим братом обосновалась в Англии. От ее непродолжительного брака с Жеромом, со средневековой жестокостью разрушенного Наполеоном, 5 июля 1805 года в Кэмберуэлле (Лондон) у нее родился сын, которому довелось стать родоначальником ветви американских Бонапартов.

Убитый горем Жером по приказу императора вернулся на флот, где получил командование небольшой эскадрой в Генуе. Вскоре он предпринял экспедицию в Алжир, откуда вернулся с двумя сотнями выкупленных из рабства французов и итальянцев, за что получил восторженную хвалу французских газет и повышение в чине. Жером стал контрадмиралом! По словам Рональда Делдерфилда, «Жером был, вероятно, единственным моряком в военно-морской истории, который получил такой ранг до своего двадцать второго дня рождения».

А что же несчастная Элизабет? По возвращении в Америку она, став предметом всеобщей жалости и сочувствия, крестила сына как Жерома-Наполеона Бонапарта. Некоторое время ее Жером еще писал ей, но через год письма перестали приходить. При этом Наполеон продолжал выплачивать ей обещанную пенсию в 60 000 франков, и так продолжалось до 1815 года.

Адвокат Фуасси в своей книге «Семья Бонапартов» утверждает, что Жером «так никогда и не забыл свою мадемуазель Паттерсон, что он сохранил о ней самые нежные воспоминания и издалека наблюдал за своим сыном».

Когда в августе 1807 года Жером стал королем Вестфалии, он еще раз написал Элизабет письмо с предложением отдать ему сына в обмен на княжество. Но она гордо отказала своему бывшему мужу. Еще бы, ведь она презирала слабохарактерного Жерома и всей душой ненавидела Наполеона.

* * *

Жорж д'Эйлли пишет:

«Первая супруга Жерома не пожелала оставить фамилию своего мужа и в течение жизни считала себя его законной женой. Это была женщина большой гордости и благородства чувств, что

делало ее достойной того высокого брака, который был ею заключен.

Журнал «American Register» публикует по этому поводу весьма курьезные сведения, из которых мы позволим себе процитировать следующее: «Когда Жером, уже женившись на Екатерине Вюртембергской, предложил Элизабет владение Смалканд с доходом в 40 000 долларов, она ему ответила, что Вестфалия, без сомнения, большое королевство, но недостаточное для двух королев. Подобное высказывание сильно позабавило Наполеона, который поручил своему послу в Вашингтоне узнать, чем он мог бы быть ей полезен.

Он ответила: «Передайте императору, что я амбициозна: я хочу, чтобы меня сделали герцогиней Франции!»

Император пообещал дать ей то, что она просит; а пока же он подарил ей 20 000 долларов и пожизненную ренту в 12 000 долларов. Она согласилась при условии, что получателем будет Элизабет Бонапарт. Наполеон согласился, что могло трактоваться как виртуальное признание брака […] Мадам Бонапарт получала свою ренту до смерти Наполеона. Жером живо возмущался тем, что она приняла помощь от императора, отказавшись от того, что предлагал ей он сам. Она ему резко ответила, что предпочитает укрыться под крылом орла, чем сидеть под боком у гуся».

* * *

Февральская революция 1848 года во Франции дала Бонапартам долгожданный шанс. В июне 1848 года Шарль-Луи-Наполеон Бонапарт, родившийся в 1808 году [13] , был избран в Законодательное собрание, а в декабре он стал президентом республики. В декабре 1851 года он совершил государственный переворот и распустил Законодательное собрание, а еще через год народный плебисцит провозгласил его Наполеоном III, императором Франции.

…

«Революция 1848 года во Франции (фр. Révolution française

de 1848) – буржуазно-демократическая революция во Франции, одна из европейских революций 1848–1849 гг. Задачами революции было установление гражданских прав и свобод. Вылилась 24 февраля 1848 в отречение от престола некогда либерального короля Луи-Филиппа I и провозглашение Второй республики. В президенты нового государства был избран в дальнейшем ходе революции, после подавления социал-революционного восстания в июне 1848, племянник Наполеона Бонапарта Луи-Наполеон Бонапарт».

(из Википедии)

1 января 1853 года Жером-Наполеон Бонапарт-Паттерсон написал своему коронованному родственнику поздравительное письмо из Балтимора. Новоявленный император ответил ему, и через шесть месяцев господин Бонапарт-Паттерсон отправился во Францию вместе со своим сыном Жеромом-Наполеоном-младшим [14] .

Согласно Конституции Второй Империи, если бы у Наполеона III не было прямых наследников, на их место должны были бы вступить потомки Жерома Бонапарта от его брака с принцессой Вюртембергской.

В тот момент, когда Жером-Наполеон Бонапарт-Паттерсон прибыл во Францию, по линии Жерома Бонапарта имелось лишь два принца крови, способных стать наследниками престола: принц Жером-Наполеон-Шарль, родившийся в 1814 году, и принц Наполеон-Жозеф, родившийся в 1820 году. У самого же Наполеона III был лишь один сын – Наполеон-Эжен-Луи, но он появился на свет лишь в 1856 году. Все остальные родственники императора Наполеона не имели права наследовать корону Франции.

Когда Жером-Наполеон Бонапарт-Паттерсон объявился во Франции, принца Наполеона-Жозефа не было на месте (он командовал дивизией, воевавшей в Крыму). Император и принц Жером-Наполеон-Шарль хорошо приняли приехавших из США родственников, совершенно не думая о том, как далеко могут простираться их амбиции. А они, благодаря Элизабет Паттерсон,

простирались очень далеко…

Однако очень скоро стало ясно, что потомство Жерома Бонапарта от первого брака ставит его потомство от второго брака в весьма щекотливое положение. Ведь если сын и внук Элизабет Паттерсон тоже носят фамилию Бонапарт, то и они могут претендовать на роль наследников престола. Или не могут?

Опасность подобной неопределенности была очевидна, а посему император предложил американцам поменять фамилию Бонапарт на высокий титул герцогов де Сартэн.

Жером-Наполеон Бонапарт-Паттерсон не принял этого предложения ни для себя, ни для своего сына. После этого весьма щекотливое положение стало еще более щекотливым.

Принц Жером-Наполеон-Шарль умер в 1847 году, а принц Наполеон-Жозеф и принцесса Матильда (оставшиеся в живых дети Жерома Бонапарта от второго брака) потребовали срочного созыва семейного совета, который должен был решить два вопроса: легитимно ли потомство госпожи Паттерсон и имеет ли право ее сын Жером-Наполеон носить фамилию Бонапарт?

…

«Представитель сильного пола, допускающий, дабы им помыкала барышня, – не представитель сильного пола и не барышня, а просто ничто».

(Наполеон Бонапарт)

Дебаты и консультации длились очень долго, и, наконец, в июле 1856 года было принято следующее решение:

1. Жером-Наполеон Бонапарт-Паттерсон продолжит носить фамилию Бонапарт, так как он всегда был известен именно под этой фамилией.

2. Брак Жерома Бонапарта и Элизабет Паттерсон был незаконен, что подтверждено соответствующим декретом императора Наполеона.

3. Жером-Наполеон Бонапарт-Паттерсон нелегитимен, так как брак его отца и его матери не был признан законным.

Надо сказать, что решение это было принято весьма вовремя, ибо Жером Бонапарт, младший брат Наполеона, умер 24 июня 1860 года в возрасте семидесяти пяти лет.

Через три дня после этого Элизабет Паттерсон и ее сын Жером-Наполеон Бонапарт-Паттерсон направили запрос президенту Государственного Совета. А принц Наполеон-Жозеф и принцесса Матильда потребовали нового созыва семейного совета. К делу были подключены все: министр юстиции, президент Сената и президент Государственного Совета…

В результате Паттерсоны (а как же иначе) проиграли и вынуждены были уехать обратно в Соединенные Штаты.

Жорж д'Эйлли отмечает интересный факт:

«Любопытно отметить, что мадам Бонапарт-Паттерсон, которая не захотела отказаться от знаменитой фамилии принца Жерома при жизни, своим завещанием потребовала, чтобы на ее могиле не было и его следа; на ней были выгравированы лишь следующие слова:

ЭЛИЗАБЕТ ПАТТЕРСОН

Родилась 6 февраля 1785 года

Умерла 4 апреля 1879 года».

Незадолго до смерти в одном из писем она констатировала:

«Он выбросил меня обратно в то, что я ненавидела больше всего на свете, в мою балтиморскую безвестность […] Но я все-таки побыла императрицей Бонапарт».

Там же, в Балтиморе, но еще раньше, 17 июня 1870 года, умер ее сын Жером-Наполеон Бонапарт-Паттерсон.

* * *

…

«Император Наполеон страдал таким необузданным властолюбием и так долго упивался абсолютной властью, что это довело великого завоевателя до грани

сумасшествия».

(Цит. по: Гизо Генриетта. История Франции для юных. М.: Б.С.Г.– Пресс, 2008. С. 408)

Обо всей этой неприглядной истории Рональд Делдерфилд пишет следующее:

«На протяжении ста сорока лет обличители Наполеона искали доказательства его исключительной жестокости и суровости мышления. Они ссылались на то, как он покинул жертвы чумы в Яффе, и на убийство герцога Энгиенского, используя и то и другое в качестве примеров его аморальности. Эти инциденты, вместе со многими другими, отмеченные тем же клеймом беспощадности, все же в какой-то степени могут быть оправданы военной или политической необходимостью, но нет никакого оправдания его обращению с Элизабет Паттерсон. Это брак, хотя и, несомненно, нелепый, тем не менее, был законным. Жером получил разрешение от своего старшего брата и от своей матери, правда, только по совершении его. И, как отмечал папа, когда он отклонял притязания Наполеона, религиозные аспекты брака были совершенно правильными и осуществленными епископом Балтимора. Трудно даже понять, почему Наполеон вел себя с такой нетерпимостью в отношении молодой пары. Одобрение брака, по крайней мере, обеспечило бы ему расположение в Штатах и означало бы удар по династической традиции, которая ослабляла кровь каждого царствующего дома в Европе. Конечно, следует признать, что Паттерсоны были выходцами из буржуазии, но были ли они в большей степени буржуазны, чем мыловар Клари из Марселя или выращивавшие оливки Бонапарты с Корсики? В последующей жизни Наполеон часто обсуждал женитьбу Жерома, но никогда ему не удавалось оправдать свое безжалостное отношение к ней в то время, и сохранялось впечатление, что не сам этот брак вызвал у него такой приступ ярости, а тот факт, что он произошел во время дезертирства его брата из флота. Но даже если все было и так, его поступок был произволен и несправедлив. При всем том именно Жером выходит из этого жалкого дела с самым большим бесчестием, и его последующее поведение в качестве короля показывает, что Наполеону следовало бы позволить ему остаться в Америке, лишенным собственности и зависимым в средствах от щедрости семьи своей жены. Возможно, Паттерсонов стоило бы поздравить с их избавлением от Жерома. Жизнь с ним, получившим отказ в доступе к французским фондам, могла бы повергнуть в банкротство Уильяма и его сыновей».

Герцен *(25 марта (6 апреля) 1812(18120406), Москва – 9 (21) января 1870, Париж)*

• Полное имя – Александр Иванович Герцен.

• Достижения – писатель, публицист, философ, революционер.

• Особенности характера – тонкий, чувствительный человек, великий мыслитель и боец.

• Семейное положение – брак с Натальей Александровной Захарьиной, неофициальные отношения с Натальей Алексеевной Тучковой-Огаревой.

• Дети – от первой жены: Александр, Наталья (Тата), Ольга, трое детей от Тучковой (официально считались детьми Огарева): Лиза, близнецы Елена и Алексей.

• Общественная деятельность – выпускал альманах «Полярная звезда» газету «Колокол».

• Сочинения – роман «Кто виноват?» (1846), повесть «Доктор Крупов» (1847), повесть «Сорока-воровка» (1848), публицистика «Былое и думы» (1856–1869).

• Злодейство – безвозвратный отъезд из России, неофициальные отношения со второй женой Огарева.

Огарев *(24 ноября (6 декабря) 1813, Петербург – 31 мая (12 июня) 1877, Гринвич)*

• Полное имя – Николай Платонович Огарев.

• Достижения – поэт, публицист, русский революционер.

• Особенности характера – меланхоличный, застенчивый, немногословный, преданный, человек чести.

• Семейное положение – первая жена Мария Львовна (урожденная Рославлева), вторая жена Наталья Алексеевна Тучкова-Огарева, неофициальные отношения с англичанкой Мэри Сезерлэнд.

• Дети – воспитывал Генри, сына Мэри Сезерлэнд и незаконного сына Саши Герцена, первого внука Герцена, по прозвищу Тутс.

• Общественно значимая деятельность – вместе с Герценом возглавил Вольную русскую типографию. Был одним из инициаторов и соредактором еженедельника «Колокол». Разработал социально-экономическую программу уничтожения крепостного права посредством крестьянской революции.

• Злодейство – бросил первую жену ради Натальи Тучковой-Огаревой.

Глава третья Эти странные господа Герцен и Огарев

А вот, например, Александр Иванович Герцен. Конечно, не масштаб Наполеона или Моцарта, но все же… И что мы сейчас помним об этом выдающемся человеке, кроме того, что в Москве до недавних пор была улица Герцена и это имя носят Институт русской литературы да весьма неплохой пансионат в ближнем Подмосковье? Ну, разве что – ленинскую сентенцию о том, что в русской революции действовали три поколения, причем сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Это на всю жизнь запомнил каждый, кто учился в советской школе: «Узок был круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию».

Возможно (но это уже самые «продвинутые»), кто-то знает, что тот, кого «разбудили декабристы», родился в Москве в 1812 году в семье богатого помещика Ивана Алексеевича Яковлева. Кстати сказать, ставшую известной фамилию Герцен (от немецкого herz – «сердце») придумал сыну отец, и связано это было с тем, что его брак с матерью Александра Ивановича – немкой Генриеттой-Вильгельминой-Луизой Гааг – официально так и не был оформлен.

Известно также, что в 1847 году, вскоре после смерти отца, Герцен навсегда уехал за границу. Там он сблизился с основателем анархизма Пьером-Жозефом Прудоном, Джузеппе Гарибальди и другими выдающимися деятелями европейского радикализма. Потом, вынужденный по требованию полиции оставить Францию, он переехал в Швейцарию. Там он натурализовался, а затем некоторое время жил в Ницце, после чего, около десяти лет, – в Лондоне, где им была основана русская типография для печатания всевозможных запрещенных изданий. Известно также, что с 1857 по 1867 год. Герцен вместе со своим другом и соратником Огаревым издавал еженедельную бесцензурную газету «Колокол», которую не без оснований называли «голосом и совестью эпохи».

Умер Александр Иванович в январе 1870 года в Париже, однако впоследствии его прах был перенесен с парижского кладбища Пер-Лашез в Ниццу.

...

«Анархия – мать порядка».
(Пьер-Жозеф Прудон)

Вот, собственно, и все, что можно прочитать об этом человеке, канонизированном в советское время, в любой уважающей себя энциклопедии. О его бурной жизни в эмиграции известно гораздо меньше. А вот о почти невероятных событиях, произошедших в его личной жизни, знает только узкий круг специалистов – историков и литературоведов.

* * *

Начнем с того, что Герцен прибыл во Францию в 1847 году, то есть накануне революции 1848 года, и его тут же охватил восторг от возможности наконец-то задышать полной грудью. Прибыв в Париж, Александр Иванович полностью погрузился в открывшуюся перед ним новую жизнь.

Русский литератор П.В. Анненков, живший в то время за границей, вспоминает:

«Дом Герцена сделался подобием Дионисиева уха, где ясно отражался весь шум Парижа, малейшие движения и волнения, пробегавшие на поверхности его уличной и интеллектуальной жизни».

Однако сквозь внешние декорации этой «красивой жизни» Герцен очень скоро разглядел и ее теневые стороны. Уже 15 сентября 1847 года он заметил:

«Франция ни в какое время не падала так глубоко в нравственном отношении, как теперь».

Весь уклад французской жизни, весь мещанский быт этой вечно кичащейся уникальностью своей истории и культуры страны возбуждал в его душе все более и более глубокую антипатию. Тогда Герцен весьма метко подметил:

«Разврат проник всюду: в семью, в законодательный корпус, литературу, прессу. Он настолько обыкновенен, что его никто не

замечает, да и замечать не хочет. И это разврат не широкий, не рыцарский, а мелкий, бездушный, скаредный. Это разврат торгаша».

Удивительно, но под этими словами, сказанными более полутора веков тому назад, так и хочется подписаться и сейчас…

Что же касается вождей тогдашнего французского общественного движения, то и тут первые восторги от бесед с ними быстро сменились у Герцена скептическим к ним отношением, о чем свидетельствуют следующие его слова:

«У меня все опыты идолопоклонства и кумиров не держатся и очень скоро уступают место полнейшему отрицанию».

В результате Герцена потянуло в Италию, где в то время освободительное движение шло иным, как ему казалось, руслом. Свои впечатления об этой стране он выразил так:

«Я нравственно выздоровел, переступив границы Франции; я обязан Италии обновлением веры в свои силы и в силы других; многие упования снова воскресли в душе; я увидел одушевленные лица, слезы, я услышал горячие слова… Вся Италия просыпалась на моих глазах. Я видел неаполитанского короля, сделанного ручным, и папу, смиренно просящего милостыню народной любви».

Но вскоре весть о революции, произошедшей во Франции, и о провозглашении там республики опять привела Герцена в Париж. Бурные парижские события захватили его, однако первое впечатление, которое произвела на него Франция, нисколько не изменилось и теперь. Все яснее и яснее Александр Иванович видел, что революции опереться не на что и что Париж неизбежно катится к катастрофе. И катастрофа эта произошла, произведя на писателя страшное впечатление.

В своих знаменитых воспоминаниях, известных под названием «Былое и думы», Герцен написал:

«Вечером 26 июня мы услышали […] правильные залпы с небольшими расстановками […] Мы все взглянули друг на друга, у всех лица были зеленые […] «Ведь это расстреливают», – сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна. За такие минуты ненавидят десять лет, мстят всю жизнь. Горе тем, кто прощают такие минуты!

После бойни, продолжавшейся четверо суток, наступила тишина и мир осадного положения; улицы были еще оцеплены, редко, редко где-нибудь встречался экипаж; надменная Национальная гвардия, со свирепой и тупой злобой на лице, берегла свои лавки, грозя штыком и прикладом; ликующие толпы […] ходили по бульварам, распевая «Mourir pour la patrie», мальчишки шестнадцати-семнадцати лет хвастали кровью своих

братьев, запекшейся на их руках, в них бросали цветы мещанки, выбегавшие из-за прилавка, чтобы приветствовать победителей. Кавеньяк [15] возил с собой в коляске какого-то изверга, убившего десятки французов. Буржуазия торжествовала. А дома предместья Святого Антония еще дымились, стены, разбитые ядрами, обваливались, раскрытая внутренность комнат представляла каменные раны, сломанная мебель тлела, куски разбитых зеркал мерцали… Париж этого не видал и в 1814 году.

Прошло еще несколько дней – и Париж стал принимать обычный вид, толпы праздношатающихся снова явились на бульварах, нарядные дамы ездили в колясках и кабриолетах смотреть развалины домов и следы отчаянного боя […] Одни частые патрули и партии арестантов напоминали страшные дни».

…

«Ничего не делается само собой, без усилий и воли, без жертв и труда. Воля людская, воля одного твердого человека страшно велика».

(А.И. Герцен)

В июне 1849 года Герцен с чужим паспортом в кармане вынужден был бежать из Франции в Женеву. При этом следует отметить, что еще в Париже он окончательно решил для себя никогда больше не возвращаться в крепостную Россию. В своем письме императору Александру II он просил:

«Дайте землю крестьянам, она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братий… Торопитесь! Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить!»

Как ни ужасно было все, пережитое им, но Герцен уже успел привыкнуть к западным условиям жизни, после которых возвращение на родину представлялось ему совершенно невозможным. К тому же он искренне считал, что бороться с нечеловеческими условиями русской жизни можно было, лишь

оставаясь за границей.

Конечно же, самым удобным местом для борьбы за освобождение России, начатой декабристами, была Ницца, а посему, даже окончательно натурализовавшись в Швейцарии, Герцен жил в основном в этом прекрасном средиземноморском городе, который не был еще тогда французской территорией.

Живя в Ницце, Герцен почти не общался с русскими, но зато он напечатал целый ряд своих работ: то были появившиеся сначала на немецком языке «Письма из Франции и Италии», потом брошюра «О развитии революционных идей в России» и, наконец, брошюра «Русские народ и социализм», известная как «Письмо к Мишле [16] ». Обе эти брошюры были запрещены во Франции.

* * *

А тем временем в Париже дело пришло к ожидавшейся развязке: республика пала, и 2 декабря 1851 года президент республики Шарль-Луи Бонапарт (кстати сказать, сын Луи Бонапарта, родного брата Наполеона, и его падчерицы Гортензии де Богарне) совершил государственный переворот, разогнав Национальное собрание и арестовав оппозиционных депутатов. Через год он объявил себя императором Наполеоном III, после чего Александр Иванович написал своему старому другу М.К. Рейхель:

«Целая страна идет ко дну, и с ней, может быть, век, в который мы живем».

...

«Читаю теперь Герцена, не все за раз, но просматриваю, а возьму в руки и не выпущу. Сколько здоровых мыслей, какое трогающее искание и познание истины. Это великий мыслитель и великий боец» (из письма: Мария Рейхель – Марии Корш. Из Берна – в Москву:

13 ноября 1905 г. // Натан Эйдельман. Твой XIX век. Вторая половина. РАССКАЗ СЕДЬМОЙ «ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ».

Цитируется из: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/NYE/XIX/PART07.HTM. Воспроизвели по изданию: Н.Я. Эйдельман, Твой XIX век. М., Детская литература, 1980 г., ученики Московской гимназии на Юго-Западе № 1543 Евгений Аверкин, Филипп Мордасов, Екатерина Овсянникова и Дмитрий Шаронов)

Живя в прекрасной Ницце, попивая кофе и внимательно следя за последними новостями, опубликованными в газетах, Герцен вдруг получил приглашение от начальника местной полиции, и там ему был показан приказ министра внутренних дел – немедленно покинуть сардинские владения. Франция, понятное дело, тоже была для него закрыта. Так он оказался в Брюсселе. Его иллюзии русского восторженного западника окончательно развеялись, но и это было еще не все. Примерно в это же время разыгралась и его семейная драма, нанесшая Герцену страшный удар в самое сердце. Дело в том, что жена Александра Ивановича вдруг не просто влюбилась в Георга Гервега, революционера и автора возвышенных стихов о величии души, самопожертвовании и справедливости, но и стала его любовницей.

* * *

Надо сказать, что Герцен любил свою кузину Наталью Александровну Захарьину с детства. Она была его двоюродной сестрой, а точнее – незаконорожденной дочерью Александра Алексеевича Яковлева (старшего брата отца Герцена). Она была на пять лет младше Александра Ивановича.

После смерти отца семилетней девочкой Наталья вынуждена была отправиться вместе с другими детьми и матерью в деревню. И вот там своим грустным видом она привлекла к себе внимание княгини М.А. Хованской, родной сестры ее покойного отца, и та «из милости» взяла девочку к себе на воспитание. В результате Наталья жила у этой своенравной и деспотичной старухи на положении «сироты-воспитанницы» аж до своего двадцатилетия.

Будучи кузиной и кузеном, Наталья и Александр были знакомы с раннего детства, но душевно они сблизились лишь в то время, когда Герцен уже был студентом Московского университета и особенно во время его ареста (как «смелого вольнодумца, весьма опасного для общества») и тюремного заключения. Из ссылки (сначала из Перми, потом из Вятки и Владимира) Герцен часто писал Наталье Александровне и регулярно получал от нее ответы. Сначала это была обыкновенная переписка между родственниками, но потом Александр Иванович решился назвать связывающее их чувство не дружбой, а любовью.

* * *

15 января 1836 года он писал ей:

«Я удручен счастьем, моя слабая земная грудь едва в состоянии перенесть все блаженство, весь рай, которым даришь ты меня. Мы поняли друг друга! Нам не нужно, вместо одного чувства, принимать другое. Не дружба, любовь! Я тебя люблю, Natalie, люблю ужасно, сильно, насколько душа моя может любить. Ты выполнила мой идеал, ты забежала требованиям моей души. Нам нельзя не любить друг друга. Да, наши души обручены, да будут и жизни наши слиты вместе. Вот тебе моя рука, она твоя. Вот тебе моя клятва, ее не нарушит ни время, ни обстоятельства. Все мои желания, думал я в иные минуты грусти, несбыточны; где найду я это существо, о котором иногда болит душа? Такие существа бывают создания поэтов, а не между людей. И возле меня, вблизи, расцвело существо, говорю без увеличений, превзошедшее изящностью самую мечту, и это существо меня любит, это существо – ты, мой ангел».

На это письмо она отвечала ему из Москвы:

«Когда ты сказал мне, Александр, что отдал мне самого себя, я почувствовала, что душа моя чиста и высока, что все существо мое должно быть прекрасно. Друг мой, я была счастлива тем, что могла восхищаться тобою, любить тебя, становилась выше и добродетельнее от желания быть ближе к твоему идеалу; казалось, до него мне, как до звезды небесной, высоко. Я жила одним тобою, дышала твоею дружбой, и весь мир был красен мне одним тобою. Я чувствовала, что я сестра тебе и благодарила за это Бога; искала, чего желать мне, – клянусь, не находила, так душа моя была полна, так довольно ей было твоей дружбы. Но Бог хотел открыть мне другое небо, хотел показать, что душа может переносить большее счастье, что нет границ блаженству любящим Его, что любовь выше дружбы… О, мой Александр, тебе

знаком этот рай души, ты слыхал песен его, ты сам певал ее, а мне в первый раз освещает душу его свет, я – благоговею, молюсь, люблю.

…

«Быть человеком в человеческом обществе вовсе не тяжкая обязанность, а простое развитие внутренней потребности; никто не говорит, что на пчеле лежит священный долг делать мед, она его делает, потому что она пчела».

(А.И. Герцен)

Друг мой, Александр, я бы желала сделаться совершенным ангелом, чтобы быть совершенно достойной тебя, желала бы, чтобы в груди, на которую ты склонишь твою голову, вмещалось целое небо, в котором бы тебе недоставало ничего, а она богата одною любовью, одним тобою. И с этою любовью – сколько веры в тебя, и можно ли любить без веры? Нет, мой друг, нет, мой ангел, твой идеал далеко, ищи его там, ближе к Богу, а здесь, на земле, нет его. Ты можешь быть идеалом многих, а быть твоим… Мне часто бывает грустно, когда я обращаюсь на себя и вижу всю ничтожность свою пред тобою, мой несравненный Александр; грудь моя слишком тесна, чтобы заключить в себе все, чего бы ты желал; может, и душа моя слишком далека твоей души, чтобы слиться с нею в одно? Нет, мой ангел, ищи несравненного, неподражаемого, а мне ты много найдешь подобных; не склоняй головы твоей на слабую грудь, которая не в силах снести столько прекрасного, столько святого».

21 января 1836 года он писал:

«Сегодня ночью я очень много думал о будущем. Мы должны соединиться, и очень скоро, я даю сроку год. Нечего на них смотреть. Я обдумал целый план, все вычислил, но не скажу ни слова, в этом отношении от тебя требуется одно слепое повиновение […]

Наташа, ангел, скажи да, отдайся совершенно на мою волю. Видишь ли, ангел мой, я уж не могу быть в разлуке с тобою, меня любовь поглотила, у меня уж, кроме тебя, никого нет […]

Наташа, божество мое, нет, мало, Христос мой, дай руку, слушай: никто так не был любим, как ты. Всей этой вулканической душой, мечтательной, я полюбил тебя, – этого мало: я любил славу – бросил и эту любовь прибавил, я любил друзей – и это тебе, я любил… ну, люблю тебя одну, и ты должна быть моя, и скоро, потому что я сиротою без тебя».

29 января она отвечала ему:

«Научи меня, ангел мой, молиться, научи благодарить Того, Кто в чашу моей жизни влил столько блаженства, столько небесного, кто так рано дал мне вполне насладиться счастьем […]

Когда я встретила тебя, душа моя сказала: вот он! И я не видала никого, кроме тебя, и любила одного тебя. Я не знала, что люблю тебя; думала, что это дружба, и предпочитала ее всему на свете, и не желала узнать любви, и никем не желала быть любимой, кроме тебя. Верь, Александр, я бы была довольно счастлива, ежели бы умерла и сестрою твоей, да, довольно, а теперь я слишком счастлива! Тебе этого не довольно, ты слишком велик и пространен сам, чтоб ограничиться таким маленьким счастьем; в обширной груди твоей и за ним будут кипеть волны других желаний, других красот и целей. Бог создал тебя не для одной любви, путь твой широк, но труден, и потому каждое препятствие, остановка и неудача заставят тебя забыть маленькое счастье, которым ты обладаешь, заставят тебя отвернуться от твоей Наташи. А я, мой друг, мне нечего желать, мне нечего искать, мне некуда стремиться; путь мой, желания, цель, счастье, жизнь и весь мир – все в тебе! […]

Я тебя люблю, насколько душа моя может любить, а насколько же душа твоя может любить? Какой океан блаженства! Знаешь ли, я никогда не верю счастью, – так велико, так дивно оно».

А вот фрагмент его письма от 20 июля 1836 года:

«Божество мое! Ангел! Каждое слово, каждую минуту воспоминаю я. Когда ж, когда ж прижму я тебя к моему сердцу? Когда отдохну от этой бури? Да, с гордостью скажу я, я чувствую, что моя душа сильна, что она обширна чувством и поэзиею, и всю эту душу с ее бурными страстями дарю тебе, существо небесное, и этот дар велик […]

Любовь – высочайшее чувство; она столько выше дружбы, сколько религия выше умозрения, сколько восторг поэта выше мысли ученого. Религия и любовь, они не берут часть души, им

часть не нужна, они не ищут скромного уголка в сердце, им надобна вся душа, они не длят ее, они пересекаются, сливаются. И в их-то слитии жизнь полная, человеческая. Тут и высочайшая поэзия, и восторг артиста, и идеал изящного, и идеал святого. О, Наташа! Тобою узнал я это».

На это последовал ответ:

«Несравненный, неподражаемый! И измерь же ты сам весь рай души моей, когда я могу назвать тебя моим Александром! Будь моим до гроба, а я твоя, твоя навеки! Твоя, твоя! Твоею на земле, твоею и в небесах!»

9 марта 1838 года он написал ей из Владимира:

«Ты моя невеста, потому что ты моя. Я тебе сказал: «У меня никого нет, кроме тебя». Ты ответила: «Да, ведь я одна твое создание». Да, еще раз, ты моя совершенно, безусловно моя, как мое вдохновение, вылившееся гимном. И как вдохновение поэта выше обыкновенного положения, так и ты, ангел, выше меня, – но все-таки моя».

...

«Мы тратим, пропускаем сквозь пальцы лучшие минуты, как будто их невесть сколько в запасе. Мы обыкновенно думаем о завтрашнем дне, о будущем годе, в то время как надобно обеими руками уцепиться за чашу, налитую через край, которую протягивает сама жизнь, непрошенная, с обычной щедростью своей, и пить, и пить, пока чаша не перешла в другие руки; природа потчевать и предлагать не любит».

(А. И. Герцен)

* * *

Кончилось же все тем, что в мае 1838 года Наталья Александровна убежала из дома «благодетельницы» Хованской. Влюбленные встретились во Владимире и там сочетались законным браком. Потом они поселились неподалеку от знаменитых Золотых ворот и на какое-то время замкнулись в своем счастливом уединении.

Авдотья Панаева, много лет бывшая гражданской женой поэта и писателя Н.А. Некрасова, в своих «Воспоминаниях» характеризует Наталью Александровну так:

«Жена Герцена была хорошенькая, но в ее лице не было жизни; она говорила плавно, не возвышая и не понижая голоса».

Одни биографы считают, что уже после нескольких «медовых лет» во Владимире Наталья Александровна пережила кризис веры в «идеальную любовь» и безупречность собственного мужа. Считается, в частности, что особенно кризис этот обострился после его «случайной» измены с горничной (эту измену Герцен потом описывал как некий опыт, узнавание жизни). Другие уверены, что «прогрессивный» Герцен высоко ценил умственные и душевные качества своей жены, и именно это сделало их брак «союзом равноправных личностей», а это, в свою очередь, привело к поиску «самости» у Натальи Александровны, к смене образцовых моделей и к свободно-разрушительной сексуальности.

В 1847 году они покинули Россию (как потом оказалось, навсегда) и вместе пережили надежды и разочарования, связанные с событиями французской революции 1848 года.

Следует отметить, что Natalie много болела. Связано это было с тем, что практически каждый год, начиная с появления на свет в 1839 году сына Александра, она рожала детей. К несчастью, второй, третий и четвертый ее ребенок умерли сразу после родов, пятый – сын Николай – родился глухим, а седьмой – дочь Лиза – прожила всего одиннадцать месяцев. В 1850 году родилась Ольга.

* * *

Георг Гервег, которого Генрих Гейне называл «железным жаворонком» грядущей германской революции, тоже был личностью по-своему незаурядной.

Он родился в 1817 году в Штутгарте и был сыном простого трактирщика. Он учился в гимназии и, по воле родителей, в богословской семинарии в Тюбингене, откуда был исключен за излишне радикальные взгляды. Потом из-за столкновения с военным начальством ему пришлось бежать в Швейцарию.

В 1842 году Гервег предпринял поездку по Германии с целью вербовки сотрудников для «Немецкого вестника» – журнала, который он собирался издавать в Цюрихе. Эта поездка превратилась в непрерывное триумфальное шествие: повсюду его принимали как национального героя. Естественно, император Фридрих-Вильгельм IV запретил «Немецкий вестник», а сам Гервег был выслан с территории его страны.

В 1843 году он переехал в Париж, где после революции 1848 года организовал среди немецких ремесленников «боевой отряд» для похода на Германию с целью установления там республики. После неизбежного провала этой авантюры он бежал в Швейцарию.

Отметим, что Гервег был в близких отношениях с молодым Карлом Марксом, в круг его друзей входил Рихард Вагнер…

В своих «Воспоминаниях» Н.А. Тучкова описывает его так:

«Георг Гервег, последователь Маркса. Он был довольно высокого роста, худощавый, гладко остриженный, с выдающимся длинным носом и черными, неприятно сверкавшими глазами; впрочем, человек весьма начитанный, изучивший основательно философию, историю и литературу. Жена его была совершенный контраст с ним: среднего роста, с некрасивыми и невыразительными чертами лица – тип немецкой мещанки. Гервег обращал на себя всеобщее внимание своим чудесным спасением. Он рассказывал нам, как он бежал, как скрывался на чердаке у одного крестьянина, который чуть было не поплатился жизнью за свой великодушный поступок. Герцен слушал его рассказ с волнением. Когда он умолк, Александр Иванович спросил:

– Как зовут того, кто вам спас жизнь?

– Я и не спросил, – отвечал Гервег с пренебрежением. Эту черту я никогда не могла забыть и считала ее доказательством его эгоистичного и неблагодарного характера».

Александр Иванович узнал о любви своей жены к Гервегу в январе 1851 года.

* * *

Очевидно, что любовный треугольник «Гервег – Наталья – Герцен» возник не на ровном месте, а во время сильнейшего душевного кризиса, который пережила молодая женщина, и связан он был с крушением ее романтических представлений о семье и браке.

Каждый в этой непростой ситуации повел себя по-своему. Для

Герцена, например, главное заключалось в том, чтобы «остаться на высоте». Поначалу он ждал, что тот, кого он еще недавно считал своим другом, честно объяснится, но объяснения не последовало. Тогда он обратился к жене, прямо спросив ее в письме об отношении к Гервегу:

«Не отворачивайся от простого углубления в себя, не ищи объяснений, диалектикой не уйдешь от водоворота – он все же утянет тебя […] Теперь все еще в наших руках […] Будем иметь мужество идти до конца. Подумай, что после того, как мы привели смущавшую нашу душу тайну к слову, Гервег войдет фальшивой нотой в наш аккорд – или я».

Подобные строки мог написать человек, пусть и оскорбленный в своих чувствах, но обладавший немалой силой духа. Более того, Герцен предложил в случае, если его жена выберет Гервега, добровольно исчезнуть, но при этом намекнул, что сын станет жить с ним:

«Я готов ехать с Сашей (старшим сыном. – *Н.С.*) в Америку, потом увидим, что и как […] Мне будет тяжело, но я постараюсь вынести; здесь мне будет еще тяжелее – и я не вынесу».

Наталью Александровну словно окатили холодной водой, ведь первенец Саша был предметом ее болезненной и всепоглощающей привязанности:

«Что ты! Я – разлучиться с тобой!.. Нет, нет, я хочу к тебе, к тебе сейчас…»

Таков был ее ответ. А может быть, желавший «остаться на высоте», грозя забрать сына, ни на какой другой ответ и не рассчитывал?

Обо всей этой истории в свое время достаточно подробно рассказал литературовед П.К. Губер:

«Он был свой, он был друг Александра… Георг Гервег втирался все дальше, все глубже в дом и в семью Герценов. Был ли у него при этом определенный план, трудно сказать. Вернее, что не было. Но он был приживальщик по натуре, по инстинкту […]

Любил ли Гервег намеченную им жертву? По всем вероятиям – да, особенно в начале романа. Но, конечно, любил по-своему. Ему довольно легко удалось смутить ее душевный покой. Но этого ему было мало. Его целью, его почти нескрываемым идеалом был, по-видимому, брак втроем, а то так и вчетвером».

«Человек, строящий свой дом на одном сердце, строит его на огнедышащей горе. Люди, основывающие все благо своей жизни на семейной жизни, строят дом на песке».

(А.И. Герцен)

Терзания Герцена нашли свое отражение в его «Былом и думах», где им посвящена целая глава. Впрочем, биографы утверждают, что в этой книге Гервег, равно как и вся история с ним, изображены не вполне объективно.

Сначала он писал:

«Я молчал и с грустью начинал предвидеть, что этим путем мы быстро дойдем до больших бед и что в нашей жизни что-нибудь да разобьется».

Далее, как это часто бывает с обманутыми мужьями, он принялся тешить себя иллюзиями:

«Вместе с оставшейся горячей симпатией к Г… Natalie словно свободнее вздохнула, вышедши из круга какого-то черного волшебства; она боялась его, она чувствовала, что в его душе есть темные силы, ее пугал его бесконечный эгоизм, и она искала во мне оплота и защиту. Ничего не зная о мой переписке с Natalie, Г… понял что-то недоброе в моих письмах. Я действительно, помимо другого, был очень недоволен им».

Его Natalie вышла из круга черного волшебства? Его Натали ищет в нем оплот и защиту? Как говорится, блажен, кто верует…

Для Натальи Александровны невозможность продолжения отношений с Гервегом стала тяжелейшей драмой. Да, в конечном итоге, она осталась с мужем, но в тайне сохранила чувство к Георгу. И тот тоже вроде бы страстно любил ее, ведь, как известно, препятствия только обостряют ощущения. Наконец, и Герцен понял, что до окончательного «выхода из круга черного волшебства» еще очень и очень далеко. И он начал атаку на своего бывшего друга:

«С той минуты, с которой он угадал мое сомнение и не только промолчал, но больше и больше уверял меня в своей дружбе, – и в то же время своим отчаянием еще сильнее действовал на женщину, которой сердце было потрясено, – с той минуты, с которой он начал со мною отрицательную ложь молчанием и умолял ее (как я после узнал) не отнимать у него моей дружбы неосторожным словом, – с той минуты начинается

преступление. Преступление!.. Да… и все последующие бедствия идут как простые неминуемые последствия его…»

Как видим, Герцен считал действия Гервега преступлением и признавал, что сердце его жены «было потрясено». Неизбежные последствия этого испугали того, кто, как говорил В.И. Ленин, «первым поднял великое знамя борьбы с царской монархией путем обращения к массам вольным русским словом»:

«Еще не было сказано ни слова, но уже сквозь наружную тишину просвечивало ближе и ближе что-то зловещее, похожее на беспрерывно пропадающие и опять являющиеся две сверкающие точки на опушке леса и свидетельствующие о близости зверя. Все быстро неслось к развязке».

А потом семейная драма достигла своего апогея. Герцен, пережив всю гамму чувств, начиная от чувства сострадания к мукам жены и кончая страстным желанием отстоять свою любовь, был вынужден прогнать Гервега из своего дома. И тогда началась переписка, ибо его Natalie любила поэта вопреки рассудку, а он… разгласил ее письма, снабдив их достаточно едкими комментариями. Это была роковая ошибка! Супруги объяснились, Наталья Александровна назвала расхождение с мужем «страшной ошибкой», и они примирились друг с другом.

У П.К. Губера читаем:

«Кто виноват?» – спросил сам Герцен в романе, специально посвященном проблеме супружеской измены… Мне кажется, что ответ на этот вопрос с очевидностью вытекает из всего сказанного: виноват сам Герцен. И не тем виноват, что изменил жене в Москве с ее собственной горничной и впоследствии так часто покидал ее в душевном одиночестве, а тем, что не умел, как должно, защищать свой внутренний мир от глубоких интервенций со стороны».

…

«Жена, исключенная из всех интересов, занимающих ее мужа, чуждая им, не делающая их, – наложница, экономка, нянька, но не жена в полном, в благородном значении слова…»

(А.И. Герцен)

* * *

А потом произошло страшное несчастье. 16 ноября 1851 года во время шторма в Средиземном море затонул пароход, на котором находились мать Герцена и их с Натальей Александровной восьмилетний сын Коля. Бабушка везла глухого внука на консультацию в Марсель, и их тела так и не были найдены. В ту ноябрьскую ночь в Ницце их с нетерпением ждали, украсили иллюминацией сад, но вместо праздника в дом пришло горе.

Этот кошмар отодвинул «отвратительную ложь» Гервега на второй план.

16 января 1852 года в письме к своему близкому другу М.К. Рейхель Герцен написал:

«Голова болит чаще и чаще. Скука такая, тоска, что, наконец, если бы не дети, то и все равно, впереди ничего, кроме скитаний, болтовни и гибели за ничто… Finita la Comedia, матушка Марья Каспаровна. Укатал меня этот 1851 год».

«Укатал этот 1851 год» и Наталью Александровну. После трагической гибели сына она очень тяжело заболела, оказавшись не в силах перенести эту потерю. 30 апреля 1852 года у нее родился восьмой ребенок. Сына назвали Владимиром, но через два дня он умер. В тот же день, не прожив и тридцати пяти лет, умерла и сама Наталья Александровна.

Мать и новорожденный сын были похоронены в Ницце в одном гробу. После этого потрясенный Герцен написал:

«Все рухнуло – общее и частное, европейская революция и домашний кров, свобода мира и личное счастье».

У него не было больше ни семьи, ни родины, ни друзей, ни идеалов.

Для многих подобного оказалось бы достаточно, чтобы умереть. В крайнем случае, если не умереть, то лишь существовать, покорно дожидаясь смерти-избавления. Но, заплатив такую страшную цену, Герцен, как ни странно, нашел в себе силы начать главное дело своей жизни.

Оставив у себя старшего сына, Александр Иванович двух дочерей на время отдал приехавшей за ними из Парижа М.К. Рейхель. После этого он переехал в Лондон и там, в 1853 году, основал Вольную русскую типографию, чтобы вслух, на весь мир и без помех, обращаться к русскому народу. В 1855 году он

выпустил в свет первую книжку «Полярной звезды» (альманаха, названного так в честь альманаха декабристов), а в 1857 году, вместе со своим другом Николаем Платоновичем Огаревым, которому удалось вырваться из России, – первый лист первой русской бесцензурной газеты «Колокол».

* * *

...

«Герцен – мой самый любимый и нужный мне писатель».

(из письма Л.К. Чуковской А.Г. Морозову)

Л.К. Чуковская в своей книге о Герцене рассказывает:

«В посвящении к одному сборнику Герцен, 10 июня 1851 года, обращаясь к Огареву, писал: «Вместе входили мы в жизнь… Я дошел […] не до цели, а до того места, где начинается спуск, и я ищу твоей руки, чтобы вместе выйти, как мы вместе пришли, чтобы пожать ее и сказать тебе, грустно улыбаясь: «Друг, вот и все!», ибо для себя я больше ничего не жду, ничто не удивит меня, ничто не порадует глубоко. Удивление и радость обузданы во мне; воспоминаниями былого, страхом будущего. Я достиг такой силы безразличия, безропотности, скептицизма, иначе говоря – такой старости, что переживу все удары судьбы, хоть я равно не желаю ни долго жить, ни завтра умереть».

Удары воспоследовали – и какие! Мать, сын, жена, вера в революционную Францию, вера в республику… все погибло. «Печальная участь – переходить прямо с похорон своих близких на общие похороны», – писал Герцен в 1851 году, после гибели матери и сына, когда разразилось парижское 2 декабря. К горю от потери Натальи Александровны, скончавшейся через полгода после этих «общих похорон», примешивалось убеждение, что она не просто скончалась от неизлечимой болезни, а была загнана в болезнь и в могилу человеком, которого последние годы имела несчастье любить. Это был друг Герцена, участник

революционной борьбы в Германии, известный немецкий поэт Георг Гервег. В 1851 году в Ницце, после долгого и трудного «кружения сердца», Наталья Александровна пожелала расстаться с ним. Герцен удалил его из дому, – а он продолжал писать Наталье Александровне, требовал свиданий, оскорблял ее, послал Герцену вызов и, по глубокому убеждению Герцена, сделался виновником ее смерти.

Еще недавно Гервег звал Герцена братом; Герцен считал его своим ближайшим – и, быть может, единственным на Западе – идейным соратником; вместе они пережили Июньские дни, а после решили покинуть Францию, отвернуться «от печального зрелища мира, впавшего в безумие» и «спасти себя», если не удалось «спасти мир». В Ницце обе семьи поселились в одном доме («гнездом близнецов» называла в ту пору Наталья Александровна их общее жилье). Но ни из спасения от мира, ни из попытки создать гармонию двух семей ничего не вышло. Совместная жизнь привела к разрыву. Наталья Александровна написала Гервегу письмо, отрекаясь от любви к нему, – Герцен счел это письмо окончательным приговором своему бывшему другу. Виновником всего происшедшего Герцен, безусловно, считал Гервега.

Более того: после гибели Натальи Александровны Герцен счел себя вправе объявить Гервега человеком морально запятнанным, недостойным звания революционера. В нем, в Гервеге, олицетворялся теперь для Герцена старый мир – растленный, коварный, себялюбивый, жестокий, прикрывающийся словами братства и убивающий из-за угла.

...

«Прогрессивные взгляды Герцена, чем-то напоминающие взгляды Шелли, на любовь, дружбу, равноправие полов и иррациональность буржуазной морали, в ходе этого кризиса подверглись испытанию и были разрушены. Он почти потерял голову от горя и ревности: его

любви, самолюбию, глубочайшим понятиям об основе всех человеческих отношений был нанесен жестокий удар, от которого он так никогда полностью и не оправился. Он сделал то, что до него почти никто и никогда не делал: описал свое горе в мельчайших подробностях, детально проследил, как менялись его отношения с женой, Гервегом и женой Гервега, зафиксировал каждую встречу с ними, имевшую место, каждую вспышку гнева, отчаяния, чувства любви, надежды, ненависти, презрения и болезненного самоубийственного презрения к самому себе»

(Цит. по: Исайя Берлин «Александр Герцен и его мемуары», статья представляет собой предисловие к английскому изданию "Былого и дум" (1968 г.). Перевод В. Сапова выполнен по изданию: Isaiah Berlin, The Proper Study of Mankind. An Anthology of Essays. Ed. by H. Hardy and R. Hausheer, London, 1997, p. 499–524).

Сознание, что ему не удалось спасти женщину, которую он любил, привело Герцена, вместе с сознанием гибели революции, к мысли, что жизнь его окончена, что ни на какой новый труд он более не способен, что деятельности – кроме всенародного разоблачения Гервега – для него уже нет. «Fuimus» – «были», твердил он о себе самом в письмах к Рейхель; «мне все равно, готов умереть или жить – готов, – т.е. окончен». «Мне в будущем ничего нет, и нет мне будущего».

* * *

Впрочем, жить Герцену оставалось еще восемнадцать лет. Целых восемнадцать лет! Немало для человека, утверждавшего,

что у него нет будущего.

Дальнейшие события личной жизни Герцена описывает Ф.А. Вигдорова в своей книге «Минуты тишины». Она пишет:

«В 1852 году умерла жена Герцена Наталья Александровна. Умерла, оставив троих детей – Сашу, Тату и Олю. Старшему – Саше, было двенадцать лет, младшей – Оле, два года. Перед смертью, предчувствуя, что скоро уйдет из жизни, Наталья Александровна не раз говорила, что хотела бы доверить воспитание детей Наталье Алексеевне Тучковой. Жена Герцена любила ее, называла ее «моя Консуэло» [17] и верила, что только Наталья Алексеевна сумеет заменить мать осиротевшим детям».

Упомянутая Наталья Алексеевна Тучкова родилась в 1829 году в селе Яхонтово и была дочерью предводителя пензенского дворянства и участника событий 1825 года А.А. Тучкова, человека в высшей степени благородного и хранившего заветы декабристской чести. Она получила хорошее домашнее образование, а в семнадцать лет откликнулась на чувства Николая Платоновича Огарева. В 1849 году она стала его гражданской женой.

Наталья Алексеевна была женщиной пылкой, и она (с таким отцом и «другом») просто не могла не увлечься освободительными идеями. В Париже, во время событий 1848 года, она даже пыталась пробраться на баррикады. Восхищенный Огарев писал ей:

«Я еще в жизни никогда не чувствовал, что есть женщина, которая с наслаждением умрет со мной на баррикаде! Как это хорошо!»

Естественно, Тучкова не могла не откликнуться на предсмертное пожелание подруги.

* * *

Как они стали подругами – это отдельная история.

Виктория Фреде в своей статье «История коллективного разочарования» рассказывает:

«Широко известно, что в 60-е гг. XIX в. русские «нигилисты» проповедовали эгоизм, отождествлявшийся ими со свободной любовью. Идея свободной любви, однако, начала распространяться в кругах интеллигенции гораздо раньше благодаря романам Жорж Санд и «Избирательному сродству» Гете. В конце 1840 х эту идею восприняли друзья Герцена, включая саму Наталью Герцен, чья супружеская измена повлекла за собой грандиозный скандал […]

Идею свободной любви с энтузиазмом восприняла и юная Наталья Тучкова, молодая дочь соседа Огарева по пензенскому имению, воодушевляемая Натальей Герцен и Огаревым. С Натальей Герцен Тучкова очень сблизилась во время совместного путешествия их семей по Европе в 1847–1848 гг. Вскоре у двадцатилетней Тучковой начался роман с Огаревым. Ее не останавливало, что он старше на пятнадцать лет и на данный момент все еще состоит в законном браке. Не смущала ее и перспектива любовного многоугольника».

Во всяком случае, уже весной 1849 года Наталья Алексеевна Тучкова написала Наталье Александровне Герцен:

«Огарев все ближе всех; но вы, cara mia, не думайте, чтобы я вас и иначе любила, чем прежде, мне это больно. Отчего же мне перемениться? Вы слишком между собою симпатичны, мои три звездочки, чтобы я могла когда-нибудь охладеть к одной из вас. Только вот что может случиться, раз захочется вас, а не Огарева, другой раз не вас, а Герцена».

Наталья Александровна также любила младшую дочь Тучковых и называла ее «утешением своей души». Похоже, в этой сверхромантической дружбе-любви она искала удовлетворения своих накопившихся эмоций. Она не раз повторяла:

«Ни одна женщина не была любима так женщиной, как ты […] В тебе, Natalie, только в тебе я нашла товарища, только такой ответ на мою любовь, как твоя, мог удовлетворить меня».

А вот еще одно признание Натальи Алексеевны Тучковой, сделанное уже Герцену:

«Я бы тебя до безумия полюбила, но возле стояла женщина, которая мне также дорога была, а она, она знала лучше меня, что я тебя люблю, а мне еще то мешало, что я любила Огарева. Ум мой юный, мало мыслящий, не мог постичь этой тройной любви, а она была всегда, с тех пор, как я стала любить. N… говорила в Париже не раз: «Когда меня не будет, живи с Ал… Ты любишь его, да и он тебя полюбит, вы похожи, может, за то я тебя так люблю», – но я пугалась этих слов, я отвечала шуткой, а думала: «Да, я слишком его люблю тоже»…

Даже в XXI веке читать подобные откровения как-то странно, а что же говорить про середину века XIX, когда нравы были гораздо более строгими…

...

«Человек, развившийся рано, не может ни исключительно жить семейной жизнью, ни отказаться от нее в пользу всеобщих интересов».

(А.И. Герцен)

* * *

В своих «Воспоминаниях» Наталья Алексеевна пишет:

«В 1852 году Наталии Александровны Герцен не стало, а муж ее не переставал звать Огарева, и потому […] было решено, что мы поедем за границу на неопределенное время».

Это был весьма смелый поступок, потребовавший от обоих немалых нравственных сил и стойкости. Дело в том, что Мария Львовна (урожденная Рославлева, племянница пензенского губернатора А.А. Панчулидзева), первая жена Николая Платоновича, с которой он обвенчался в 1837 году и которая теперь проживала в Париже, решительно отказала ему в официальном разводе.

Ведь я уже не раз любил, – и что же?
Горела, гасла, длилась, гасла вновь
На сны, в ночи бродячие, похожа
Моя тревожная любовь.
(Н.П. Огарев)

Когда-то он писал ей:

«Единственная, которую я могу истинно любить, это ты, и я клянусь тебе, что эта любовь будет вечной […] Я живу другою жизнью с тех пор, как люблю тебя…»

Мария Львовна была далеко не красавицей, но все по праву считали ее женщиной умной и очень интересной. При этом она была еще и весьма упрямой.

Летом 1841 года супруги Огаревы выехали за границу, и там Мария Львовна вдруг сошлась с неким молодым русским художником Сократом Воробьевым, приятелем Огарева. А потом она объявила о том, что беременна. Говорили, что это ребенок от

того самого приятеля, но Огарев согласился признать его своим. Изумление по этому поводу было всеобщим. Возмущенный Герцен, например, 10 октября 1844 года выразил свое отношение к происходившему следующим образом:

«Да когда же предел этим гнусностям их семейной жизни?»

Но ребенок родился мертвым («без глаз и мозга», как сообщил Огарев Герцену), и это явилось последним актом семейной драмы Огаревых. Уже в декабре 1844 года супруги разъехались навсегда. И вот теперь Мария Львовна начала судебное преследование «мужа-изменника» по крупному, как она утверждала, денежному иску-векселю, ранее выданному ей (в свое время полмиллиона рублей из отцовского состояния Николай Платонович даровал жене, а потом дело было оформлено так, будто Огарев получил у нее эти деньги взаймы, обязавшись регулярно выплачивать ей годовые проценты). Герцен в «Былом и думах» назвал это дикое упрямство Марии Львовны «ревностью без любви».

А вот Авдотья Панаева, гражданская жена поэта Некрасова, поддержала тогда Марию Львовну. Поддержал ее и сам Некрасов. Панаева, как говорят, потом сумела прибрать весь капитал своей почти обезумевшей и одинокой (Сократ Воробьев давно бросил ее) подруги к рукам, и она выплачивала Марии Львовне проценты, правда, совсем не так регулярно, как это делал Огарев…

Как бы то ни было в этой неприглядной истории, для Огарева и Тучковой создалось тогда крайне тяжелое положение, которое могло привести к самым непредсказуемым последствиям.

У Виктории Фреде читаем:

«Связь Тучковой с Огаревым действительно создала массу проблем […] Алексей Тучков, отец Натальи, настаивал, чтобы Огарев на ней женился […] Огарева принудили добиваться развода, что привело в ярость его первую жену Марию. Он и Сатин [18] пустились в замысловатые махинации, чтобы не делиться с Марией состоянием Огарева (тогда все еще довольно крупным). Зимой 1848–1849 гг. родственники Марии Огаревой, почтенные пензенские дворяне, донесли на Огарева, Тучкова и Сатина в Третье Отделение, объявив их сектой коммунистов и атеистов».

В доносе также утверждалось, что А.А. Тучков преспокойно взирает на растление своих дочерей…

В результате, в 1850 году А.А. Тучков вместе с Огаревым и Сатиным даже подвергся аресту и находился под тайным надзором полиции. Наталья Алексеевна потом всю жизнь гордилась тем, что сумела до обыска вынести из дома самые

опасные улики – несколько запрещенных книг.

Лишь смерть Марии Львовны Огаревой весной 1853 года позволила ее бывшему мужу оформить свой новый брак, а в начале 1856 года им с Натальей Алексеевной удалось получить заграничные паспорта – «для излечения болезни» Николая Платоновича. Однако вместо объявленных минеральных вод в северной Италии они проследовали в Лондон, к Герцену…

* * *

Тут, пожалуй, стоит напомнить, кто такой был Николай Платонович Огарев. Талантливый поэт, он был выходцем из богатой дворянской семьи. В 1838 году, после смерти отца, он стал владельцем нескольких доходных имений, но сразу же освободил своих крепостных крестьян. Он представлял собой полную противоположность Герцену: Герцен был горячим и всегда находчивым в беседе, а Огарев – меланхоличным, застенчивым и немногословным. Но, как ни странно, они уже в отрочестве почувствовали такую душевную общность, что даже принесли знаменитую клятву на Воробьевых горах (они оба учились в Московском университете) в том, что они будут верны друг другу всегда, то есть при любых обстоятельствах. Эта клятва и на самом деле прочно связала их, но, к сожалению, не только в продолжение святого дела декабристов…

О том, что произошло с ними со всеми в Англии, вновь рассказывает Ф.А. Вигдорова:

«Через несколько лет после смерти Натальи Александровны в Англию, где жил тогда Герцен с детьми, приехал Огарев с женой Натальей Алексеевной Тучковой-Огаревой.

И тут произошли события, которых никто предвидеть не мог: Наталья Алексеевна полюбила Герцена и вскоре стала его женой.

Огарев был горячо привязан к Наталье Алексеевне, и все происшедшее было для него тяжким ударом. Казалось бы, между Огаревым и Герценом должна возникнуть непроходимая пропасть, неодолимое препятствие. Но, читая их письма той поры, понимаешь: всегда, в любых обстоятельствах оставаться людьми – во власти самих людей.

«У тебя страшно много, ужасно много ума, так много, что я, право, и не знаю, зачем его столько одному человеку…»
(Белинский Герцену).

Надежды, которые возлагала покойная Наталья Александровна на свою молодую подругу, не оправдались, Наталья Алексеевна искренне хотела посвятить себя воспитанию детей, но она не сумела их полюбить, а без любви нет разумения, нет понимания. Она не смогла заменить им мать, она была мачехой – несправедливой, подозрительной, сварливой.

Когда отношения Герцена и Натальи Алексеевны зашли в тупик («Какое глубокое и плоское несчастье!» – восклицает Герцен в письме Огареву), когда семья была разрушена, разобщена, когда и дети Герцена и сам Герцен были отравлены ядом постоянных ссор с Натальей Алексеевной, ее подозрениями и упреками, Огарев говорил в одном из своих писем Герцену: «Ты иногда мне намекал, что ты внес в мою жизнь горечь. Это неправда! Я, я в твою жизнь внес новую горечь. Я виноват».

Письма Огарева к Наталье Алексеевне, письма, в которых он напоминает ей об их общей ответственности за детей Герцена, об их долге перед памятью умершей Натальи Александровны Герцен, – это письма, в которых воплощены честь и высота человеческой души.

Могут сказать: зачем же приводить примеры из семейной жизни, из семейной неурядицы, когда и без того известно, что Герцен и Огарев рыцари без страха и упрека, испытанные борцы, замечательные революционеры? Это верно. Но ведь верно и то, что иной раз оставаться человеком легче в крупном, чем в мелком, повседневном. И другое: нельзя, я думаю, область дружеских или семейных отношений низводить до степени неважных, несущественных.

Ведь когда вы читаете о жизни великих людей, вы хотите знать обо всем: не только о великих свершениях, но и о духовной, внутренней жизни, о поисках, находках, ошибках. Об ошибках – не для того, чтобы злорадно сказать: э, да и они, как все! – а для того, чтобы понять, как человек становится Человеком, как он духовно крепнет, как он остается самим собой в крупном и в повседневном, в горе и в счастье, в минуты «грозно-торжественные» и в ежедневной суете.

* * *

Мы не будем подробно останавливаться на общественно-политической деятельности Герцена и Огарева в Лондоне. В контексте данного повествования она не имеет ровным счетом никакого значения. Для нас важно другое: много лет Александр Иванович и Николай Платонович, а также официальная жена последнего странным образом жили вместе. То есть много лет Огарев безропотно нес свой крест, оставаясь жить со своей «верной» женой и «верным» другом в одном доме. Понять подобное трудно, но, в принципе, можно, ведь любовь всегда приходит и уходит помимо нашей воли и нередко делает глупыми даже очень умных людей.

…

«Воспоминания об ужасах, пережитых в 1848–1851 гг., завладели мыслями Герцена и лишили его душевного равновесия: он ощутил настоятельную психологическую потребность найти спасение, поведав о своей горькой истории. Так была написана первая часть его будущих мемуаров. Работа над ними стала целительным средством от того страшного одиночества, в котором он оказался, живя среди безразличного чужого народа, в то время как политическая реакция, казалось, охватила весь мир, не оставляя ни малейшей надежды. Незаметно он оказался погруженным в прошлое. Он уходил в него все дальше и дальше и обрел в этом источник свободы и силы»

(Цит. по: Исайя Берлин «Александр Герцен и его мемуары», статья представляет собой предисловие к английскому изданию «Былого и дум» (1968). Перевод В. Сапова выполнен по изданию: Isaiah Berlin, The Proper Study of Mankind. An Anthology of Essays. Ed. by H. Hardy and R. Hausheer, London, 1997, p. 499–524)

Согласно «Воспоминаниям» Тучковой, 15 декабря 1864 года Герцен и Огарев усадили ее с дочерью Лизой в вагон поезда, который отправлялся на юг Франции, в Монпелье.

Сам Герцен обещал скоро присоединиться к ним, и, в самом деле, они вскоре дождались его приезда. Потом Александр Иванович ненадолго уехал в Женеву и, встретившись там с сыном, вернулся на Лазурный берег.

Наталья Алексеевна пишет:

«В конце зимы мы поехали в Канны, а оттуда опять в Ниццу. В Каннах мы познакомились с доктором Бернатским, нам его рекомендовали в гостинице, когда моя дочь захворала немного. Бернатский оказался большим поклонником Герцена; он был польский эмигрант, пожилых лет, жил во Франции с тридцатого года и не охладел в своем патриотизме, хотя жизнь его проходила более среди французов».

Весной 1865 года из Ниццы они переехали на дачу близ Женевы. Дача эта, больше похожая на старинный замок, называлась «Шато де ля Буассьер» и была нанята по поручению Герцена неким господином Касаткиным, который жил поблизости.

Места в «Шато де ля Буассьер» было достаточно, и вскоре к ним из Италии приехали погостить дочери Герцена Тата и Ольга.

* * *

А теперь настал момент напомнить, что от первой жены у Герцена было трое детей: Александр, Наталья (Тата) и Ольга.

Александр, родившийся в 1839 году, стал ученым-физиологом и давно жил отдельно.

Наталья Алексеевна Тучкова вспоминает о нем:

«Герцен решился отправить своего сына в Женеву; ему хотелось, чтоб молодой человек, живя отдельно от семьи,

приобрел немного независимости в чистом, почти горном воздухе швейцарских городов и продолжал уже самостоятельно более серьезные занятия. Во время посещения в Лондоне разных вольных курсов А.А. Герцен был всегда первым на экзаменах, получил серебряную медаль и золотую и разные лестные отзывы от читающих лекции. Не помню всех предметов, изученных им, но знаю, что он особенно занимался естественными науками, физикой, химией, и к рождению Герцена делал, вместо сюрприза, наглядные опыты, читал нам лекции с очень ясными толкованиями, которыми его отец оставался очень доволен. Когда Герцен отправил сына в Женеву, он послал его к известному натуралисту Карлу Фогту, с которым был коротко знаком еще в Ницце. Пробыв с полгода в Женеве, А.А. переехал в Берн, в дом старика Фогта, отца знаменитого натуралиста. Там А.А. поступил в университет и, мне кажется, пробыл в нем года четыре, постоянно переписываясь с отцом, который в письмах постоянно напоминал о занятиях, о чтении».

В 1877 году Александр Александрович Герцен станет профессором физиологии во Флоренции, а с 1881 года – в Лозанне. Он на тридцать пять лет переживет своего отца и умрет в 1906 году.

Тата (Наталья Александровна), родившаяся в 1844 году, достигнет больших успехов в живописи. Она умрет в 1936 году в очень преклонном по тем временам возрасте.

Заметим, что ее и Ольгу возьмет на воспитание баронесса Амалия-Мальвида фон Мейзенбург, давняя приятельница Герцена. Эта немецкая писательница-феминистка, родившаяся в 1816 году, помимо сочинительства, занималась переводами с русского языка. Она, в частности, перевела «Прерванные рассказы» Герцена, а также повести Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность» (это, кстати, будет первой публикацией Льва Николаевича за рубежом). По-матерински любя девочек, баронесса фон Мейзенбург, однако, отдалит их от отца и сделает из них настоящих иностранок.

Наталья Алексеевна Тучкова описывает дочерей Герцена так:

«Меньшая, смуглая девочка лет пяти, с правильными чертами лица, казалась живою и избалованною; старшая, лет одиннадцати, напоминала несколько мать темно-серыми глазами, формой крутого лба и густыми бровями и волосами, хотя цвет их был много светлее, чем цвет волос ее матери. В выражении лица было что-то несмелое, сиротское. Она не могла почти выражаться по-русски и потому стеснялась говорить».

Было у Герцена и трое детей от Тучковой. При этом все они (дочь Лиза, а также близнецы Елена и Алексей) официально

считались детьми Огарева.

…

«Счастье, которое меня никогда не обманывало, – это твоя дружба. Из всех моих страстей единственная, которая осталась неизменной, это моя дружба к тебе, ибо моя дружба – страсть».

(Н.П. Огарев)

Судьба этих детей сложилась трагически. Близнецы Елена и Алексей умерли от дифтерии: дочь – в ночь с 3 на 4 декабря, а сын – 11 декабря 1864 года. 16 марта 1865 года Герцен приехал в Париж, чтобы организовать перевозку останков детей с Монмартрского кладбища в Ниццу.

28 марта 1865 года он писал дочерям Тате и Ольге:

«Третьего дня в Ницце схоронили детей, и я в первый раз видел памятник. Он хорош, но жаль, что срубили деревья. Возле самого памятника положили два алых гробика, покрывши их цветами… Вас недоставало, Огарева недоставало – и тепла. Здесь тоже холодно – и это как-то дурно действует на нервы. До 15 апреля, вероятно, мы пробудем здесь, потом в Женеву. Очень досадно, что нет места вне Англии и Швейцарии, где бы можно постоянно жить, но следует покориться необходимости и делу».

Елена и Алексей, умершие в трехлетнем возрасте, были похоронены в Ницце «возле самой Natalie».

Наталья Алексеевна Тучкова вспоминает:

«Меня тянуло опять в Ниццу к свежим могилам. Герцен очень любил южную природу; вдобавок, в Ницце у него было много дорогих воспоминаний и могила, которую он никогда не забывал».

Относительно того, чем занимался в Ницце Герцен, Наталья Алексеевна рассказывает следующее:

«В Ницце он писал много, никто ему не мешал, ходил читать газеты к Висконти, после обеда любил гулять вдвоем с моей дочерью, а иногда брал ее в театр, забавлялся ее выходками,

меткими замечаниями, умом. Тогда он писал для «Недели» статьи под названием «Скуки ради». Его тешило, что он пишет и печатает в России. Он любил читать написанное перед отправкой».

Вскоре Герцен был в очередной раз вызван в Женеву, а потом вновь вернулся в столь любимую им Ниццу, к столь дорогой для него могиле.

Здесь же, в этой могиле, кстати сказать, вскоре найдет покой и мятущаяся душа его дочери Лизы. Эта девушка покончит с собой во Флоренции, семнадцати лет от роду. В 1874 году она познакомится там с респектабельным (и счастливо женатым) французским профессором Шарлем Летурно. Экзальтированная русская барышня смертельно в него влюбится. Love story с автором сочинений с характерными названиями «Эволюция морали», «Эволюция брака и семьи», «Физиология страстей», и т.п. завершится трагически – через год Лиза Огарева-Герцен, разлученная с предметом своей страсти, отравится хлороформом.

* * *

Последние годы жизни самого Герцена прошли преимущественно в Женеве, однако в 1869 году он вновь наведался в Ниццу.

...

«Он [Герцен] был человеком чрезвычайно тонким и чувствительным, обладающим огромной интеллектуальной энергией и язвительным остроумием, легкоранимым чувством собственного достоинства и полемическим задором; он был склонен к анализу, исследованию и разоблачительству, считая себя “срывателем масок” с личин и

условностей и разыгрывая из себя беспощадного разоблачителя их социальной и нравственной сути»

(Цит. по: Исайя Берлин «Александр Герцен и его мемуары», статья представляет собой предисловие к английскому изданию «Былого и дум» (1968). Перевод В. Сапова выполнен по изданию: Isaiah Berlin, The Proper Study of Mankind. An Anthology of Essays. Ed. by H. Hardy and R. Hausheer, London, 1997, p. 499–524)

В это время Огарев остался в Женеве, и они продолжили общение друг с другом характерным языком XIX века – посредством писем.

Следует отметить, что с того момента, когда молодая Наталья Тучкова влюбилась в Герцена, уже прошло двенадцать лет, но их отношения все еще скрывались от посторонних.

В это трудно поверить, но Огарев проявил в отношении своей изменницы-жены поразительное великодушие. При этом Герцен, наш борец за счастье всего человечества, спокойно наблюдал, каких больших усилий стоили его другу и названному брату перенесенные им при этом волнения.

Герцен объяснял Огареву:

«В моей чистой близости с твоей подругой был для меня новый залог нашего trio».

Подругой? Вообще-то говоря, эта подруга была женой его лучшего друга, и они были обвенчаны в церкви. А это, особенно в XIX веке, было делом святым, фактически принятием обязательства в любви и верности перед лицом самого Господа. Да и в одной из заповедей было сказано: не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его…

Удивительно, но Огарев был не против тройственного союза. Правда, через некоторое время он предпочел удалиться.

В данном контексте совершенно по-особенному звучат написанные им строки:

Тот жалок, кто под молотом судьбы
Поник – испуганный – без боя:
Достойный муж выходит из борьбы

Однако деликатный уход Огарева из любовного треугольника не принес добрых плодов. С каждым прожитым вместе с Герценом годом требовательность Натальи Алексеевны росла, а вместе с этим росли раздражительность и неудовлетворенность. Александр Иванович понял, что жестоко ошибся, приняв свой порыв за любовь (сама Тучкова весьма точно назвала его чувство «вспышкой усталого сердца»), но было уже поздно что-либо изменить. Короче говоря, их союз не принес радости ни Герцену, ни Тучковой.

Огарев же «в сияньи гордого покоя» наблюдал за тем, как двое близких ему людей ранят и мучат друг друга.

Как ни странно, хотя он и достаточно тяжело перенес разрыв с любимой женой, но его дружба с Герценом не охладела, о чем свидетельствуют его слова, написанные в 1861 году в одном из писем:

«Что любовь моя к тебе так же действительна теперь, как на Воробьевых горах, в этом я не сомневаюсь».

* * *

А вот трое детей Герцена от первого брака находились с «мачехой» в разладе. Они относились к ней не просто недружелюбно, но иногда и откровенно враждебно. Они не желали понимать чувства отца и считали, что он дурно поступил в отношении своего друга Огарева. Положение только усложнял невыдержанный, эгоистический и резкий характер Натальи Алексеевны.

В 1869 году Герцен просил старшую дочь объяснить сестре то, что произошло. Он написал:

«Скажи ей, что никогда, ни одного дня не было лжи в отношении Огарева. Совсем напротив, ни одного обмана, ни одного объяснения не было с ним».

Поверить в это было невозможно, и сложившаяся ситуация выглядела насквозь ложной. От этого страдали все, больше всех – сама Наталья Алексеевна. Она просила Герцена узаконить их отношения, по крайней мере, перестать скрывать происходящее от близких. Но тот все боялся дать «козырь» своим многочисленным врагам, которые не преминули бы поиздеваться над тем, что у издателей «Колокола» – «общая жена».

* * *

Итак, в 1869 году Герцен и Наталья Алексеевна Тучкова перебрались в Ниццу. Вместе с ними там тогда находилась их дочь Лиза (тогда она еще была жива), которая все еще носила фамилию Огарева, но называла Александра Ивановича папой.

2 февраля 1869 года Герцен написал Огареву:

«Обрывается все на мне. Что впереди – я издали не знаю и иду с завязанными глазами. Жизнь частная погублена, с этими элементами и не мне чета мастер ничего не слепит. Время идет, силы истощаются, пошлая старость у дверей».

А Николай Платонович в это время уже увлекся «погибшим, но милым созданием» – англичанкой Мэри Сезерлэнд. Она была почти неграмотной «падшей женщиной», а проще говоря – проституткой.

...

«Я всегда ненавидел ревность;
она слишком похожа на зависть».
(Н.П. Огарев)

Он познакомился с ней случайно, гуляя вечером по туманному Лондону. Озябнув, он забрел в какой-то полупустой паб и подсел там к молодой англичанке, поджидавшей случайных мужчин…

После этого они не расставались, так как сострадание к судьбе этой женщины, оказавшейся на самом дне жизни, быстро переросло у Огарева в стойкую привязанность. Да, после всего, что он и сам пережил, он полюбил Мэри, не пожелав, как утверждает он сам в одном из писем, «завершить последний акт своей трагикомической жизни аристократической подлостью».

Вскоре Огарев подыскал отдельную квартиру, где и поселился вместе с Мэри Сезерлэнд и ее пятилетним сыном, предполагаемый отец которого исчез, нанявшись матросом на торговое судно. Потом в этом их доме бывали идеологи народничества М.А. Бакунин и П.Л. Лавров (Миртов), а также многие другие русские гости.

Вплоть до смерти Огарева Мэри вела хозяйство, ухаживала за ним, больным (он начал сильно пить, участились эпилептические

припадки), была его и нянькой, и верной подругой.

Долгие годы именно она была его любовницей и сестрой милосердия. Именно эта бесхитростная женщина, а не экзальтированная сторонница свободной любви, какой была Наталья Алексеевна Тучкова, оберегала его, как ребенка, предугадывая время его припадков.

И именно ей он посвятил следующие строки:

Как благодарен я тебе
За мягкость ласки бесконечной.
За то, что с тихой простотой
Почтила ты слезой сердечной.
Твоей сочувственной слезой,
Мое страданье о народе,
Мою любовь к моей стране
И к человеческой свободе.

По всей видимости, эта простая добрая женщина и не задумывалась при этом о «трагикомичности своей жизни» и о каких-то там «аристократических подлостях». Она и слов-то таких не знала, зато вот десять простых христианских заповедей не были для нее чем-то, имеющим отношение к кому угодно, но к другому…

К Генри, сыну Мэри Сезерлэнд, Огарев относился по-отцовски, а еще у них воспитывался незаконный сын Саши Герцена – первый внук Герцена – по прозвищу Тутс.

Наталья Алексеевна Тучкова характеризует этого ребенка так:

«Маленький Тутс был хорошо одарен, но упрям и капризен до невероятности».

Мальчик этот был сыном Александра Александровича Герцена и Шарлотты Гетсон, которая в начале июня 1867 года покончила с собой, бросившись в воды Женевского озера.

Наталья Алексеевна Тучкова излагает эту историю следующим образом:

«Наташа взяла на воспитание старшего сына своего брата, его звали Тутс; это тот самый ребенок, о котором говорится иногда в письмах Герцена к Огареву и которого мать так трагически кончила свой недолгий век, бросившись в реку в том самом месте, где сливаются воды темно-синей Роны и белой Арвье. Это очень странное зрелище: эти реки долго текут рядом, сохраняя каждая свой цвет, и только позже сливаются совершенно. В Роне есть глубокие пещеры, туда прибило тело несчастной Шарлотты. Когда она приехала из Англии с маленьким Тутсом, ее поместили у Огарева в доме, но скоро Мэри стала ревновать ее к Огареву и к своему сыну Генри. Шарлотта любила Огарева, как отца; когда

она услышала непонятные упреки от Огарева, она поняла, что ее очернила Мэри перед ним; она горько плакала в последний день, просила водки у Мэри, та дала, а вечером Шарлотта исчезла, это дало повод добродетельной Мэри распускать слух, что Шарлотта бросила ребенка на ее попечение и бежала с новым любовником, но Рона отомстила Мэри и оправдала несчастную жертву; через четыре года она выбросила из пещеры на поверхность вод тело Шарлотты, полиция вспомнила исчезновение молодой англичанки и пригласила Мэри посмотреть на свою жертву: на одной ноге была еще ботинка и в кармане связка ключей. Мэри признала ключи и останки покойницы. Неужели сердце ее не содрогнулось от недостойной клеветы?».

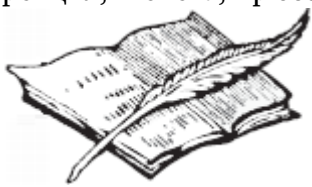
Как видим, в рассказе Натальи Алексеевны главной виновницей смерти Шарлотты Гетсон выставлена Мэри Сезерлэнд. Выглядит этот рассказ весьма тенденциозным. Несомненно, главной причиной этой трагической смерти стало охлаждение к Шарлотте со стороны Саши Герцена.

* * *

В 1869 году Огареву было пятьдесят шесть лет, а Герцену – пятьдесят семь. В XIX веке это считалось настоящей старостью.

По отзывам современников, тяжелая болезнь настолько подточила физические силы Огарева, что он выглядел «глубоким стариком». Тем не менее, дух Огарева был непоколебим.

Здоровье Герцена также было совершенно разрушено: обострился начавшийся очень давно диабет, а это давало мучительные урологические осложнения. Хотелось лишь одного – покоя и устроенности. Как же тяжелы были выпавшие на его долю лихорадочные скитания последних лет – Париж, Ницца, Цюрих, Флоренция, Женева, Брюссель…



…

«Герцен – разметавшийся ум – больное самолюбие, но ширина, ловкость и доброта, изящество –

русские».

(Л.Н. Толстой о Герцене)

9 (21) января 1870 года Герцена не стало. Он был похоронен на парижском кладбище Пер-Лашез, однако позже, согласно его не единожды повторенным при жизни пожеланиям, его прах был перевезен в Ниццу и погребен рядом с могилой детей и его «любимой Natalie №1».

Его друг Огарев после смерти Герцена жил в нужде и одиночестве. Он умер 31 мая (12 июня) 1877 года в небольшом английском городке Гринвиче: у него прямо на улице случился очередной припадок, при падении он повредил себе позвоночник и умер через несколько дней, не приходя в сознание. Его похоронили на гринвичском протестантском кладбище, и лишь в 1966 году его останки были перевезены в Москву и похоронены на Новодевичьем кладбище.

Так не стало этих двух очень странных (в том числе и по современным весьма либеральным и раскрепощенным понятиям) и очень неординарных людей, принесших некогда друг другу клятву на Воробьевых горах. Понятно, что потом стали говорить, что они, верные своей святой клятве, пожертвовали жизнью ради освобождения России. Но также теперь понятно, что этих людей связывала не только юношеская клятва, но и весьма запутанные и не самые красивые, с любой точки зрения, матримониальные отношения.

* * *

Дальнейшая судьба Натальи Алексеевны Тучковой сложилась поистине трагически. Сначала не стало Герцена, через несколько лет неожиданно покончила с собой ее дочь Лиза, в далеком Гринвиче, на руках ненавистной ей женщины, умирал Огарев…

Известно, что она все же как-то нагрянула к Огареву и в свойственной ей истерической манере принялась чего-то у него требовать. Но когда она плохо отозвалась о Мэри, Огарев решительно выставил ее за дверь. После этого она решила возвратиться на родину, к отцу.

Наталье Алексеевне было всего сорок семь лет, но ей казалось, что жизнь закончена, – так много мучительно тяжелого было пережито ею за два десятка лет, проведенных за границей. Все было в прошлом, и одновременно с этим впереди ее ждало еще почти сорок холодных и полных одиночества лет.

Все эти годы Наталья Алексеевна жила лишь одними

воспоминаниями. Она умерла 30 декабря 1913 (12 января 1914 года) в селе Старое Акшино Инсарского уезда Пензенской губернии, недалеко от того места, где она родилась. Ее не стало в возрасте восьмидесяти четырех лет, а это значит, что она на двадцать восемь лет пережила Огарева и на тридцать пять лет – Герцена…

…

Чайковский *(25 апреля (7 мая) 1840(18400507), Воткинск, Вятская губерния, Российская империя – 25 октября (6 ноября) 1893, Санкт-Петербург)*

• Полное имя – Петр Ильич Чайковский.

• Достижения – русский композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель, музыкальный журналист. Автор более 80 сочинений, в том числе 10 опер и 3 балетов.

• Особенности характера – чувствительность, легковозбудимость, неуравновешенность, самовлюбленность.

• Отношения с женщинами – нарушены в юном возрасте, после смерти матери, нетрадиционная ориентация.

• Семейное положение – был женат на Антонине Ивановне Милюковой.

• Меценат и покровитель – Надежда Филаретовна фон Мекк.

• Вклад в мировую музыкальную культуру – концерты и другие произведения для фортепиано, семь симфоний, четыре сюиты, программная симфоническая музыка, балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик».

• *Злодейство – бросил свою жену, Антонину Ивановну Милюкову.*

Глава четвертая Дьявольское клеймо Петра Ильича Чайковского

Как известно, Карл Федорович фон Мекк был весьма колоритной фигурой. Граф С.Ю. Витте, премьер-министр Российской империи, в своих воспоминаниях ограничивается в отношении него одной фразой, но зато такой, что подобной характеристике позавидовали бы многие: «Фон Мекк, инженер путей сообщения, был очень корректный немец; он нажил порядочное состояние, но жил довольно скромно».

...

Сергей Юльевич Витте (17 (29) июня 1849 – 28 февраля (13 марта) 1915) – граф, российский государственный деятель, министр финансов России (1892–1903), председатель комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905–1906).

Современники Карла Федоровича отмечали также его высокий профессионализм и настойчивость в достижении поставленных целей.

(из Википедии)

Карл Федорович (Карл-Оттон-Георг) фон Мекк родился в 1821 году, и происходил он из старинной остзейской дворянской семьи, предки которой переселились в Лифляндию из Силезии на исходе XVI века. Многие представители династии фон Мекк находились на военной службе, вначале в шведской, а затем в российской армии.

В 1844 году Карл фон Мекк успешно окончил Петербургский

институт путей сообщения, а 14 января 1848 года в его жизни произошло еще одно важное событие: он вступил в брак с совсем юной дочерью помещика Смоленской губернии Надеждой Филаретовной Фроловской.

Девушка эта родилась 10 февраля 1831 года, а это значило, что ей было неполных семнадцать лет, и она была на десять лет моложе своего супруга. Ее отец, Филарет Васильевич Фроловский, – человек, близкий к музыкальным кругам и неплохо игравший на скрипке, – начал с детства прививать дочери любовь к серьезной музыке. А вот от матери, Анастасии Дмитриевны (урожденной Потемкиной), – женщины волевой и энергичной – девочка унаследовала сильный характер, деловую хватку и предприимчивость.

Именно эти ее качества способствовали тому, что в 1860 году ее муж оставил государственную службу, чтобы заняться, говоря современным языком, бизнесом. А через несколько лет, работая на строительстве железнодорожной линии Москва – Коломна – Рязань, он уже заработал первые серьезные деньги, став настоящим миллионером. Ему повезло. Именно в это время царское правительство встало «на путь неограниченного покровительства частным железнодорожным обществам», гарантируя им высокие доходы. Фактически, то десятилетие стало «золотым веком» для учредителей и концессионеров, разбогатевших на выгодных железнодорожных подрядах, и одним из наиболее удачливых в этом новом для России деле оказался Карл Федорович фон Мекк.

Не забывал предприниматель и о личной жизни: у них с Надеждой Филаретовной родилось восемнадцать детей, из которых одиннадцать благополучно дожили до совершеннолетия. Это были шесть дочерей и пять сыновей, появившиеся на свет в период с 1848 по 1872 год.

К сожалению, подобный количественный показатель отнюдь не гарантировал матери этих детей семейного благополучия. Миллионерша Надежда Филаретовна была женщиной замкнутой и, по сути, несчастной. Дети ее совершенно не понимали, муж работал практически круглосуточно, и ему и в голову не приходило хоть как-то пожалеть жену, да она, казалось, и не нуждалась в этом. Но это только казалось. На самом деле, какой женщине не хочется хоть изредка опереться на сильное мужское плечо, найти нежность, сочувствие и понимание? У безумно уставшей от нескончаемой череды беременностей и родов женщины ничего этого не было, а посему в одном из своих писем Надежда фон Мекк написала: «Я смотрю на замужество как на неизбежное зло, которого нельзя избежать».

* * *

«Неизбежное зло» закончилось 26 января 1876 года, когда Карл Федорович фон Мекк скоропостижно скончался от тяжелого сердечного приступа.

Таким образом, в неполные сорок пять лет Надежда Филаретовна осталась вдовой с четырьмя более или менее удачно пристроенными детьми и семью остальными, оставшимися на ее попечении. Но зато с огромным капиталом, акциями, земельными угодьями и многочисленными домами в России и в красивейших городах Европы. Короче, у нее было все, что нужно для полного счастья, вот только самого счастья не было.

К тому моменту тридцатишестилетний Петр Ильич Чайковский был профессором Московской консерватории, автором двух опер, балета и трех симфоний. Его охотно принимали в лучших домах, им восхищались, но в материальном плане жил он весьма трудно.

И вот в конце 1876 года он получил письмо от некоей незнакомки, которая извещала талантливого композитора о том, что намерена ежегодно посылать ему по 6000 рублей, чтобы он не отвлекался на побочные заработки и мог спокойно творить, не заботясь о хлебе насущном. Шесть тысяч! Это была огромная по тем временам сумма…

Этой странной незнакомкой оказалась Надежда Филаретовна фон Мекк. Она, как мы уже говорили, с детства испытывала любовь к серьезной музыке. В ее доме учителем детей служил юный Клод Дебюсси, а музыку Чайковского она ставила на одну ступень с классическими произведениями давно признанных авторитетов. Через скрипача Иосифа Котека, ученика и близкого друга Петра Ильича, она узнала о материальных затруднениях композитора и решила каждый год посылать ему те самые 6000 рублей.

Анри Труайя по этому поводу пишет:

«Из всего сказанного Котеком Надежда фон Мекк пожелала запомнить лишь одно: у Чайковского нет денег, но есть гениальность, тогда как у нее гениальности нет, зато денег столько, что она не знает, что с ними делать. Логический вывод видится ей с ослепительной четкостью. Из любви к музыке она должна помочь Чайковскому».

По словам Анри Труайя, она заверила Чайковского в том, что «он может рассчитывать на нее в любой ситуации», а он ее – в том, что будет «вести спокойную жизнь, и это, наверное, хорошо отзовется на его музыкальной деятельности».

В самом деле, для нее с ее миллионами 6000 рублей – это

была сущая безделица, а вот Петр Ильич, и не подумавший отказываться от предложенной помощи, смог позволить себе оставить профессуру в Московской консерватории, чтобы сосредоточиться исключительно на творчестве. Более того, благодаря этим деньгам он смог путешествовать по Европе, ведя там вполне преуспевающий образ жизни.

...

«Моя скромность есть не что иное, как скрытое, но большое, очень большое самолюбие».
(П.И. Чайковский)

* * *

Таким образом, Надежда Филаретовна и Петр Ильич начали переписываться. Практически все их письма сохранились и были позже опубликованы.

С ее стороны это были очень искренние и нежные письма. В одном из них она написала:

«Милостивый государь Петр Ильич! Хотелось бы мне много сказать о моем фантастичном отношении к Вам, да боюсь отнимать у Вас время, которого Вы имеете так мало свободного. Скажу только, что это отношение, как оно ни отвлеченно, дорого мне, как самое лучшее, самое высокое из всех чувств, возможных в человеческой натуре. Поэтому, если хотите, Петр Ильич, назовите меня фантазеркою, пожалуй, даже сумасбродкою, но не смейтесь, потому что все это было бы смешно, когда бы не было так искренно, да и так основательно».

Чайковский отвечал ей куда более сдержанно:

«Милостивая государыня Надежда Филаретовна! Позвольте Вас поблагодарить за более чем роскошное вознаграждение».

Надежда Филаретовна признавалась:

«Я наслаждаюсь звуками Ваших сочинений, которые приводят в такой восторг, что я перестаю сознавать все окружающее и

уношусь в какой-то другой мир».

А он отвечал ей:

«Я преисполнен самых симпатических чувств к Вам. Это совсем не фраза. Я Вас совсем не так мало знаю, как Вы, может быть, думаете».

* * *

Уехав в 1887 году во Францию, вдова фон Мекк писала Чайковскому:

«Милый, дорогой друг мой! Приехавши в Канны, я имела удовольствие получить Ваше письмо, адресованное в Висбаден, и спешу отвечать Вам, дорогой мой, что мне доставляет величайшее удовольствие то, что Модест Ильич находится также с Вами у меня в доме. Добро пожаловать, мои дорогие гости… Как бы я желала, чтобы Ваше время в моем доме прошло приятно, хорошо, чтобы Вы не имели ни малейших неприятностей извне. Очень, очень мне будет интересно знать, как пройдет представление «Черевичек», то есть, вернее сказать, Ваше дирижирование оркестром. Мне Вас очень, очень жаль, дорогой мой, я понимаю, какое терзание Вы должны перейти; пошли Вам бог силы и здоровья. А после того на отдых приезжайте на юг, милый друг мой. Как здесь хорошо, как хорошо, боже мой, какие чудные уголки есть на земном шаре! Я наслаждаюсь невыразимо: эта теплота, эта зелень, розы приводят меня в упоение. Мы еще пока в Каннах, а в Ницце приискиваем дачу, но прошу Вас, дорогой мой, адресовать письма в Ниццу, poste restante, мне оттуда пересылают всю корреспонденцию».

Это письмо достаточно типично. В нем, как и во многих других, Надежда Филаретовна выражает готовность помогать не только Петру Ильичу, но и его брату. Надо сказать, что молодой Чайковский охотно принимал помощь от любившей его (а это с некоторых пор стало очевидно) женщины. Благодаря ей, например, он впервые побывал в Париже, а потом написал:

«Здесь хорошо во всякое время года. Нельзя описать, до чего этот Париж удобен и приятен для жизни и как приятно можно здесь проводить время человеку, имеющему намерение веселиться. Уже самое гулянье по улице и глазенье на магазины в высшей степени занимательно. А, кроме того, театры, загородные прогулки, музеи – все это наполняет время так, что и не замечаешь, как оно летит».

Петру Ильичу, родившемуся в небольшом селении при Камско-Воткинском заводе (ныне это город Воткинск в Удмуртии)

в семье инженера, конечно же было хорошо в ослепительно-прекрасном Париже. Кто же откажется «поглазеть» на знаменитые парижские магазины, если есть деньги? А деньги у него были, потому что их ему регулярно присылала Надежда Филаретовна фон Мекк. А вот в Ницце Петр Ильич тосковал. Он писал:

«Разумеется, бывают минуты приятные, особенно когда утром под лучами палящего, но не мучительного солнца сидишь у самого моря один. Но и эти приятные минуты не лишены меланхолического оттенка. Что же из всего этого следует? Что наступила старость, когда уже ничто не радует. Живешь воспоминаниями или надеждами».

И в таком духе он писал своей благодетельнице тринадцать лет! Иногда – по несколько писем в неделю…

* * *

Петр Ильич родился в 1840 году, и его отцом был Илья Петрович Чайковский, десятый ребенок в семье украинца Петра Федоровича Чайки и Анастасии Степановны Посоховой. А матерью его была Александра Андреевна Ассиер. Петр был вторым ребенком в семье. Его старшего брата, родившегося в 1838 году, звали Николай, в 1842 году родились его сестра Александра (в замужестве Давыдова) и брат Ипполит, а в 1850 году – братья-близнецы Анатолий и Модест.

Неожиданная смерть матери от холеры стала настоящим шоком для четырнадцатилетнего Петра. Много лет спустя он напишет:

«Я никогда не смогу смириться с мыслью о том, что моей дорогой матушки, которую я так любил, больше нет, и я не могу ей сказать, что и теперь, через двадцать три года разлуки, я так же искренне и горячо ее люблю. Это было первое большое горе, которое я пережил в жизни […] Я помню каждую минуту этого ужасного дня так, как будто это случилось вчера».

Как написал Эрнст-Вильгельм Гейне, автор эссе «Кто отправил Чайковского на смерть?», десятилетиями спустя он разражался рыданиями при взгляде на ее портрет. Уже через двадцать лет после этого события он безудержно проплакал несколько дней, когда однажды при уборке пачка ее писем попала ему в руки.

С этого момента его отношения с женщинами были безнадежно нарушены.

В 1850 году семья Чайковских переехала в Санкт-Петербург, и там Петр стал учиться в Императорском училище правоведения. В

этом же училище он начал серьезно заниматься музыкой, которую там преподавали факультативно.

Первое музыкальное сочинение Чайковского отмечено датой смерти его матери. «Без музыки в то время, – скажет он впоследствии, – я сошел бы с ума».

...

«Музыкальный материал, то есть мелодия, гармония и ритм, безусловно, неисчерпаем».
(П.И. Чайковский)

Окончив училище в 1859 году, Чайковский начал работать в Министерстве юстиции, а еще через два года он поступил в Музыкальные классы Русского музыкального общества, и после преобразования их в Петербургскую консерваторию стал одним из первых ее студентов по классу композиции.

* * *

Следует отметить, что Чайковский рос очень нежным и чувствительным ребенком, и его болезненность особенно обострилась после смерти любимой матери. Впрочем, болезненность – это мягко сказано. Он часто находился на грани настоящего сумасшествия. Вечно издерганный, легковозбудимый, полный комплексов, он то сгорал в огне творчества, то впадал в состояние глубочайшей депрессии. По ночам его мучили видения, днем с ним нередко случались истерические припадки, которые мог вызвать даже такой пустяк, как грохот проехавшего мимо экипажа. Заснуть ему мешало все – даже мерное тиканье настенных часов.

От всех этих ужасов его спасала музыка, а еще, как это часто бывает, – алкоголь. Он сам признавался:

«Я не чувствую себя спокойным, пока слегка не выпью […] Я уже так привык к этому тайному пьянству, что испытываю что-то вроде радости от одного взгляда на бутылку, которая у меня

всегда под рукой. Считается, что пьянство вредно, с чем я охотно готов согласиться. Но человек, измученный нервами, просто не может жить без алкогольного яда […] Я, например, пьян каждый вечер и просто не могу жить иначе».

...

«Иногда вдохновение ускользает, не дается. Но я считаю долгом для артиста никогда не поддаваться, ибо лень очень сильна в людях».

(П.И. Чайковский)

Но была в жизни Чайковского и еще одна «тайная радость», напрямую связанная с состоянием его психики. Без этого он тоже не мог жить, но считал это самым страшным своим грехом. В самом деле, Чайковский душераздирающе стыдился своих гомосексуальных наклонностей, начавших проявляться с детских лет. В христианской традиции гомосексуализм всегда однозначно порицался, и мучимый страхами и страстями, Чайковский казнил себя:

«Какое я все-таки чудовище! Боже, прости мне мои греховные чувства!»

Сейчас лишь совсем неграмотные люди считают, что гомосексуалисты просто «с жиру бесятся». Примитивная гей-пропаганда, напротив, утверждает, что гомосексуалистами рождаются. Понятно, что и то и другое неверно. На самом деле, развитие гомосексуализма – это процесс, это влияние, а не предопределенность.

У Петра Ильича все тоже развивалось постепенно. Сначала были детские игры с братом Модестом, потом, уже в Петербургском училище правоведения, он подружился с будущим поэтом Алексеем Николаевичем Апухтиным, заслужившим репутацию «феноменального мальчика» (его потом долгие годы связывала с братьями Чайковскими не только настоящая мужская дружба, но и общие сексуальные пристрастия). Позже в жизнь Чайковского вошел некий весьма странный итальянец Луиджи Пиччиоли, у которого он брал уроки музыки.

Н.Н. Берберова в своей книге «Чайковский» пишет об итальянце так:

«Это была темная личность, и темная его дружба с Чайковским как будто завершила то, что несколько лет тому назад начал Апухтин. В Петербурге Пиччиоли был известен как учитель пения. Неаполитанец, женатый на подруге одной из кузин Чайковского, он скрывал свой возраст, молодился, красил усы и бороду и румянил губы. Ему было под пятьдесят. Говорили, что ему под семьдесят, и даже некоторые уверяли, что он носит на голове специальную машинку, подтягивающую лицо. Он был пылок, легок, подвижен, всегда влюбленный в кого-нибудь, он одинаково ненавидел и презирал Бетховена и цыганский романс, признавая только Верди, Россини и других «великих мелодистов Италии» […]

В спорах с ним, в которых Пиччиоли всегда одерживал верх, Чайковский старался для самого себя выяснить некоторые смутные свои вкусы. Но мера подчас бывала им утрачена. Не было опыта и умения отстаивать свои мнения; самолюбию его льстила благосклонность этого бывалого и даже отчасти знаменитого человека. Втягиваясь через него еще больше в увлечение итальянщиной, в свободную от обязанностей и ответственностей жизнь, Чайковский скользил надо всем, что могло заставить его остановиться, задуматься…

Эта странная, подозрительная фигура безвкусием своим, южным темпераментом, бесцеремонным поведением, дурной славой как бы довершала картину той пустой и пестрой жизни, в которой так свободно и весело чувствовал себя Чайковский».

Во время знакомства с Луиджи Пиччиоли Чайковский сочинил романс «Мой гений, мой ангел, мой друг», но он всегда заверял, что теми узами, которые их соединяли, была одна лишь музыка.

А вот что касается слуги Чайковского, молодого парня Алексея Софронова, то тут соединение было уж точно не музыкальное. Когда Алексея призвали на военную службу, вынужденное расставание потрясло Петра Ильича. В одном из писем к нему он потом написал:

«Ах, мой любимый маленький Леша, знай, что даже если ты сто лет пробудешь вдали от меня, я никогда тебя не забуду и буду ждать того счастливого дня, в который ты ко мне вернешься. Ежечасно я думаю об этом… Мне все ненавистно, потому что тебя, мой маленький милый друг, больше нет со мной».

* * *

Любовные страдания то захлестывали Чайковского, то ненадолго отступали. То же самое происходило и с угрызениями совести. Но время шло, и нужно было заткнуть рот сплетникам (чтобы «зажать рты разной презренной твари, мнением которой я вовсе не дорожу, но которая может причинить огорчения людям мне близким», как писал композитор), а для этого следовало сделать совсем немного – жениться.

Известно, что Чайковский предлагал руку певице Дезире Арто.

У Н.Н. Берберовой о ней читаем:

«Ее звали Дезире. Ей было тридцать лет. Она была дочерью валторниста Парижской оперы Арто и племянницей известного скрипача. Она была ученицей Полины Виардо и во многом природно была с ней схожа: талантливая, умная и некрасивая, она была большой актрисой, с голосом […] изумительного охвата […] Она была примадонной итальянской оперы, в тот год приехавшей в Москву.

Дезире была некрасива: полна, красна телом и лицом, запудрена, завешана драгоценностями; она была блестяще остроумна, находчива и самоуверенна в разговоре. Прием, оказанный ей Россией, поразил ее, у шлейфа ее белого платья оказались московские купцы и музыканты. Но она была суховата в обращении с поклонниками. В тридцать лет она была девушкой».

Дело шло к свадьбе с этой «великолепной особой», как называл ее Чайковский, но кто-то из «доброжелателей» предупредил невесту о не совсем стандартной ориентации композитора, и она ему отказала.

Как написал Эрнст-Вильгельм Гейне, автор эссе «Кто отправил Чайковского на смерть?», Чайковский стал ее бояться и тянул со свадьбой до тех пор, пока она не вышла замуж за испанского певца-баритона. Он же впал в такое отчаяние, что хотел покончить счеты с жизнью.

Потом было еще одно неудачное сватовство – к Марии Владимировне Бегичевой.

Летом 1876 года Чайковский вновь был полон решимости переделать себя путем женитьбы.

«Я должен это сделать, и не только для себя. Но и для тебя… Для тебя в особенности», – признавался он брату Модесту.

А в конце года он вдруг получил письмо от Надежды Филаретовны фон Мекк, о котором было рассказано выше.

* * *

Избавившись с помощью неожиданно появившейся в его жизни миллионерши от материальных проблем, Чайковский почувствовал себя на творческом взлете: он создал симфоническую поэму «Франческа да Римини», начал работу над Четвертой симфонией…

…

«С тех пор, как я начал писать, я поставил себе задачей быть в своем деле тем, чем были в этом деле величайшие музыкальные мастера: Моцарт, Бетховен, Шуберт».

(П.И. Чайковский)

А в мае 1877 года он вдруг получил любовное письмо от совершенно незнакомой ему особы. Автором письма оказалась некая Антонина Ивановна Милюкова, и оно было написано «так искренно, так тепло», что он решился на него ответить.

Второе письмо от нее пришло через несколько дней, и, прочтя его, Чайковский пошел спросить Лангера, преподавателя консерватории, не помнит ли он такую (Антонина Ивановна написала, что она тоже музыкант и училась у Лангера).

Лангер долго перебирал в памяти своих бывших учениц, а потом коротко ответил:

– Вспомнил. Дура.

А тем временем Антонина Ивановна продолжала писать Чайковскому:

«Хоть я и не вижу Вас, но утешаю себя мыслью, что Вы в одном со мной городе. Но где бы я ни была, я не буду в состоянии ни забыть, ни разлюбить Вас. То, что мне понравилось в Вас, я более не найду ни в ком, да, одним словом, я не хочу смотреть ни на одного мужчину после Вас».

* * *

Здесь, пожалуй, уместно будет рассказать об этой самой

Антонине Ивановне Милюковой. Она происходила из довольно древнего дворянского рода, но ее детство и юность были несчастливы. Мать с отцом – оба вспыльчивые и неуравновешенные – люто ненавидели друг друга, и на глазах детей разворачивалась настоящая семейная драма. Антонина была еще совсем маленькой, когда ее мать совершила немыслимый по тем временам поступок: она бросила мужа и детей, прихватив с собой лишь ее – самую младшую. Возмущенный супруг подал на нее в суд, а она выступила с встречным иском – по поводу того, что он, будучи в браке, не отказывал себе в противоестественных отношениях с их дворовым человеком…

Эти малоприятные обстоятельства сыграли свою роль в судьбе Антонины: ее поместили в закрытое учебное заведение в Москве. Окончив его, она начала жить самостоятельно, сумела стать вполне приличной музыкантшей и могла заработать себе на жизнь уроками.

Встретив Чайковского на одном из концертов в консерватории, Антонина Ивановна была очарована им, а потом три года любила его тайно и лишь после этого (в мае 1877 года), наконец, решилась открыться ему в своем чувстве.

Писем было много. В одном из них она писала:

«Неужели же Вы прекратите со мной переписку, не повидавшись ни разу? Нет, я уверена, что Вы не будете так жестоки. Бог знает, может быть, Вы считаете меня за ветреницу и легковерную девушку и потому не имеете веры в мои письма. Но чем же я могу доказать Вам правдивость моих слов, да и наконец, так и лгать нельзя. После последнего Вашего письма я еще вдвое полюбила Вас, и недостатки Ваши ровно ничего для меня не значат… Я умираю с тоски и горю желанием видеть Вас… Я готова буду броситься к Вам на шею, расцеловать Вас, но какое же я имею на то право? Ведь Вы можете принять это за нахальство с моей стороны…

Могу Вас уверить в том, что я порядочная и честная девушка в полном смысле этого слова и не имею ничего, что бы я хотела от Вас скрыть. Первый поцелуй мой будет дан Вам и более никому в свете. Жить без Вас я не могу, а потому скоро, может быть, покончу с собой. Еще раз умоляю Вас, приходите ко мне… Целую и обнимаю Вас крепко, крепко».

* * *

Жениться на ней? А почему бы и нет? Милюкова вполне

подходила на роль доброй и верной жены.

...

«Если б то состояние души артиста, которое называется вдохновением, продолжалось бы беспрерывно, нельзя было бы и одного дня прожить».

(П.И. Чайковский)

Как написал Эрнст-Вильгельм Гейне, автор эссе «Кто отправил Чайковского на смерть?», Милюкова была глупа, как курица, и нервна, как лошадь.

К тому же в одном из писем она упомянула о крупной сумме денег, которую может принести в бюджет будущей семьи. Деньги в тот момент Чайковскому были чрезвычайно нужны, поскольку Надежда Филаретовна фон Мекк, его друг и покровитель, не могла обеспечить полное содержание Чайковскому. Далее события стали разворачиваться так стремительно, словно их специально подхлестывала какая-то невидимая сила.

Прежде всего, Чайковский посетил семью своего давнего интимного друга В.С. Шиловского, весьма удачно женившегося на женщине одиннадцатью годами старше себя и получившего приличное состояние. К своему удивлению, композитор обнаружил, что женитьба, оказывается, вовсе не страшна и нисколько не помешала его другу жить той же жизнью, которую он вел раньше, испытывая природную склонность к своему же полу. Короче говоря, этот самый Шиловский «в откровенной мужской беседе» посоветовал Чайковскому сделать то же самое…

После этого Петр Ильич написал своему брату Анатолию:

«Кандидатки на супружество со мной сменяются ежеминутно, – но ни на ком не могу остановиться. Одна девушка даже сама письменно предложила мне руку и сердце, объяснивши, что уже три года влюблена в меня страстно. Она в письме своем обещала быть моей «рабой» и присовокупляет, что имеет десять тысяч капитала. Я ее когда-то видел и помню, что она смазлива, но противна. Вследствие того я ей объявил

решительный отказ».

В этом письме говорится, разумеется, о Милюковой, но только Чайковский в нем явно лукавит: никакого решительного отказа Антонине Ивановне он не объявлял. Может быть, конечно, и хотел объявить, да передумал.

20 мая 1877 года Чайковский пришел в гости к Антонине Ивановне, а 23 мая уже сделал ей официальное предложение, предупредив, что сможет подарить невесте лишь «любовь брата» и что они будут жить, как брат и сестра. Невеста с восторгом бросилась к нему на шею, даже не подозревая, в какой омут она ныряет.

У Н.Н. Берберовой по этому поводу читаем:

«Это было странное предложение руки и сердца. Собственно, сердце предложено не было. Антонине Ивановне предлагалось выйти замуж за человека, который ее не любил, откровенно говорил ей об этом, и никогда не обещал ей ее полюбить… он так и сказал ей: я не люблю вас и никогда не полюблю… Антонина Ивановна улыбнулась. Она была довольна оборотом, который принимало дело. Свадьбу он обещал сыграть через месяц. Он еще раз упомянул, что у него «странный характер», что он не обещает ей счастья. И на прощанье он поцеловал ее руку, прося все это сохранить до времени в тайне».

* * *

Венчание состоялась 6 июля 1877 года в церкви Святого Георгия на Малой Никитской. Невесте было двадцать восемь, жениху тридцать семь лет. Свидетелями со стороны Чайковского были его брат Анатолий и близкий друг Иосиф Котек. Как говорят, уже в церкви произошел неприятный инцидент: когда нужно было поцеловать невесту, Чайковскому стало дурно, и он с трудом удержался, чтобы грубо не оттолкнуть ту, которая должна была через минуту стать его женой.

Надежде Филаретовне фон Мекк Чайковский потом написал:

«Я сказал ей все откровенно, что не люблю ее, но буду ей, во всяком случае, преданным и благодарным другом. Я подробно описал ей свой характер, свою раздражительность, неровность темперамента, свое нелюдимство, наконец, свои обстоятельства».

Как видим, Чайковский хотел жениться, чтобы «зажать рты разной презренной твари», то есть сплетникам, и он сделал это. При этом о самой женщине, которая должна была служить лишь ширмой перед лицом «правильного» общества, он и не думал.

Все это самым беспощадным образом сломало жизнь

Антонины Ивановны.

Конечно, сначала Петр Ильич старался держаться. Своему брату он даже написал:

«Не понимаю, каким образом это случилось! Как бы то ни было, но с этого момента внезапно все вокруг просветлело, и я почувствовал, что какая бы ни была моя жена, она моя жена, и что в этом есть что-то совершенно нормальное, как и следует быть… Жена моя нисколько мне не противна…»

Но уже после 13 июля, то есть через неделю, он сделал жуткое признание:

«Жена моя в физическом отношении сделалась, безусловно, мне противна […] Она мне ненавистна, ненавистна до умопомешательства […] Это омерзительное творение природы».

После свадьбы молодые гостили в Санкт-Петербурге у отца композитора, но спали они в разных комнатах. Потом они навестили под Клином мать Антонины Ивановны. К сожалению, «нормальная» семья не складывалась.

Н.Н. Берберова пишет:

«У матери Антонины Ивановны, под Клином, в мещанском домике, куда приехали они после медовой недели в Петербурге, им была предоставлена всего одна комната, и в ней – огромная, пуховиком крытая, постель с шестью подушками […] И здесь тоже молодые пробыли неделю. Антонина Ивановна несколько раз выходила к утреннему кофе с заплаканными глазами. Чайковский опять не отходил от нее, и было совершенно ясно, что он не хочет оставить ее одну ни с матерью, ни с кем бы то ни было. Один раз, вечером, с ним сделались какие-то конвульсии: он сидел в кресле перед окном, и Антонина Ивановна неожиданно вспорхнула к нему на колени. Он успел только сказать, отстранившись: я предупреждал вас, я поступил вполне честно… Но она, изогнувшись, как кошечка (что, впрочем, шло к ее миловидной внешности), осыпала лицо его жаркими поцелуями. Он с силой отбросил ее от себя, и его свела долгая судорога, после чего мокрое от слез лицо он закрыл руками и просидел так с час, пока Антонина Ивановна, с внезапным бешенством, рвала на мелкие кусочки платочек, вуаль, какое-то кружево, все, что попадалось под руку. Ей было двадцать восемь лет, она знала из романов и от замужних подруг, что такое брачная ночь, которой до сих пор у нее не было. Ей казалось, что человек, который называется ее мужем, робок и целомудрен, – и только. Себя она считала женщиной со скрытым вакхическим темпераментом. Впрочем, рассуждать она не была обучена и про себя думала, что главного добилась: она была замужем, она была женой Чайковского».

* * *

Получается, что сразу же после свадьбы Чайковский понял, что совершил дикий поступок, и жена не внушает ему ничего, кроме отвращения. Он был не создан для семьи, а жена представлялась ему «мещанкой» и «чудовищем».

...

«Жизнь имеет только тогда прелесть, когда состоит из чередования радостей и горя, из борьбы добра со злом, из света и тени, словом – из разнообразия в единстве».

(П.И. Чайковский)

У Эрнста-Вильгельма Гейне читаем:

«Чайковский не мог выносить ее присутствия без содрогания. Несмотря на это, он женился из жалости, так как она напоминала ему бедную Татьяну из пушкинской поэмы «Евгений Онегин». Он любил эту трагическую историю и даже написал по ней оперу».

Отвращение к женщине – ужасное чувство. Еще ужаснее, если эта женщина – жена. И Чайковский, не долго думая, просто сбежал от нее, сбежал навсегда.

Это повергло Антонину Ивановну в состояние, близкое к помешательству. Убитая горем, она вернулась в Москву. Оттуда она написала письмо к Модесту Ильичу Чайковскому:

«За всю мою любовь и преданность Петя мне отплатил тем, что сделал меня своею ширмою пред всею Москвою, да и Петербургом. Где же эта доброта его, про которую так много говорили? Такой страшный эгоизм не может соединиться с добротою».

Александра Чайковская-Давыдова, сестра Петра Ильича, на глазах которой происходила вся эта не самая красивая история, потом напишет:

«Поступок Пети очень дурен, он не юноша и мог понять, что в нем и тени задатков быть даже сносным мужем нет […] Я почти

убеждена, что в причине ненависти его к жене никакую роль не играют ее личные качества – он возненавидел бы всякую женщину, вставшую с ним в обязательные отношения […] Я никогда не помирюсь с мыслью, что Петя, этот избранник, осененный при рождении Богом, не ушел от зависти дьявола, наложившего на него свое клеймо».

Н.Н. Берберова излагает последствия этой истории так:

«Антонина из роли непонимающей дурочки превратилась на время в овечку и жертву – на короткое время, но достаточное, чтобы тронуть сердце добрейшей Александры Ильиничны Давыдовой, пораженной случившимся таинственным скандалом. Сашенька восприняла разрыв супругов, как ссору, за которой немедленно должно последовать примирение – надо только уговорить, убедить, свести вновь друг с другом […] Она утерла ее слезы, обещала заставить ее Петичку вернуться к ней. Антонина Ивановна дала себя успокоить […] но спустя неделю она внезапно сильно забеспокоилась: то, что Чайковский к ней больше не вернется, она понимала, но она так же хорошо поняла, что у нее против него есть оружие и что этим оружием пора воспользоваться.

Она написала […] что, если он не вышлет ей сумму денег, она расскажет отцу его и сестре всю о нем правду. Не дождавшись его ответа, она так и сделала: написала Илье Петровичу (письмо перехватили), открылась во всем Сашеньке: она называла его обманщиком, женившимся на ней только для того, чтобы замаскироваться, она ужасается его порокам, за которые ссылают в Сибирь… Антонина Ивановна показывала свои коготочки».

Иначе говоря она грозила ославить Чайковского на всю Россию. А это значит, что нужны были деньги. Развод? Но на развод нужно было десять тысяч… Огромная сумма!

* * *

И окружение Чайковского начало борьбу против Антонины Ивановны, добиваясь от нее развода. Ей не выплачивали пенсию, ее всячески унижали, распускали про нее грязные сплетни.

…

«Те, которые думают, что творящий художник в минуты аффектов способен посредством средств своего искусства выразить то, что он чувствует, ошибаются».

(П.И. Чайковский)

У Н.Н. Берберовой по этому поводу читаем:

«Антонина Ивановна решительно не понимала, чего от нее требуют. Комедия состояла в том, что Антонина Ивановна, убежденная двумя лжесвидетелями в его неверности, должна была требовать суда. Но Антонина Ивановна в последнюю минуту вдруг подняла на адвоката не затуманенные никакой мыслью взоры: как, в неверности? Но ведь этого на самом деле не было! А если бы и было, то она бы простила, конечно, не стала бы на Петичку подавать в суд…

Ей было обещано десять тысяч, но она хотела их сначала получить, а потом… простить и позволить ему вернуться».

Относительно мнимой неверности Чайковского Эрнст-Вильгельм Гейне уточняет:

«Он признался жене в супружеской неверности, которой никогда не было, только для того, чтобы подвигнуть ее к разводу. Ничего не помогало».

Они так и не развелись – до Февральской революции развестись в России было не так просто. Требовалось согласие Священного Синода Русской православной церкви. И Чайковский обращался в Синод, но безрезультатно.

Таким образом, Антонина Ивановна до конца жизни сохранила такое почетное и такое горькое звание жены великого композитора.

Она намного переживет Чайковского, прожив долгую и страшную жизнь. У нее будут скитания по убогим углам, почти полное безденежье… У нее будет гражданский брак (а какой еще, если официально она не была разведена) с неким Александром Шлыковым, юристом по профессии… У нее будут трое детей, которых она отдаст в Воспитательный дом, где они все умрут… И Шлыков серьезно заболеет, и последние годы его жизни она будет ухаживать за ним из последних сил и средств…

После похорон Шлыкова разум Антонины Ивановны не выдержит доставшихся на ее долю несчастий. В 1896 году она попадет в приют для умалишенных на Удельной, где с некоторыми перерывами проведет долгих двадцать лет. Там она и умрет в феврале 1917 года.

Перед смертью она напишет Модесту Ильичу Чайковскому:

«Натерпелась я унижений по горло […] Вы все, вы убили мою жизнь!…»

* * *

А что же Надежда Филаретовна фон Мекк?

Если для Антонины Ивановны Милюковой все ее «счастье» началось и закончилось в 1877 году, то у Чайковского впереди была весьма насыщенная жизнь. Он продолжил активно переписываться и получать денежную поддержку от своего «ангела-хранителя».

Анри Труайя по этому поводу пишет:

«Странный дуэт на расстоянии. Каждый из двух главных действующих лиц этого романа о бесплотной страсти колесит из города в город, по России и Европе. Они любят друг друга, с пером в руке, и отправляют друг другу признания из Флоренции в Париж, из Вены в Венецию, никогда не пресыщаясь друг другом».

Денег от Надежды Филаретовны Чайковский получил немало, и он был искренне благодарен ей за это. Он писал ей:

«Каждая нота, которая отныне выльется из-под моего пера, будет посвящена Вам».

Наш герой получал субсидию от своей покровительницы в течение тринадцати лет. И все эти тринадцать лет не прекращалась их переписка, которую некоторые биографы Чайковского считают «историей платонической и самой нежной любви двух одиноких душ, которым не суждено было встретиться в жизни». На самом же деле все обстояло несколько иначе: Петр Ильич продолжал мучиться от своего «недуга» и всячески избегал Надежду Филаретовну, а вот она страдала от неразделенной любви обыкновенной, желающей счастья женщины.

Если вчитаться в ее письма, можно увидеть, что она явно нашла свой идеал: сухое «милостивый государь» быстро сменилось в них на «мой бесподобный» и «мой несравненный». А вот Чайковский совсем не щадил ее. Он, например, делился с ней своими планами, причем не только творческими. Он, в частности, в деталях описывал ей свое намерение жениться на Милюковой.

Надежда Филаретовна страшно переживала. Через несколько лет после свадьбы она написала:

«Когда Вы женились, мне было ужасно тяжело, у меня как будто оторвалось что-то от сердца».

В самом деле, она сгорала от ревности, невыразимо страдала, но не могла даже намекнуть Чайковскому о своих чувствах. Она

боялась, что после этого их переписка оборвется, и она опять останется в одиночестве.

У Анри Труайя читаем:

«Не зная больше, в кого верить и в чем искать спасения после столь сокрушительного разочарования, Надежда проводит ночь в терзаниях и негодовании, пока не приходит к мысли, что никакая человеческая любовь не вечна, и что Чайковский все равно вернется к ней, не потому, что она его содержит, и не потому, что любит, а потому что он любит музыку, а она, Надежда, в его глазах музыка с женским лицом. К тому же, по какому праву стала бы она винить его в предательстве? Жена она ему, сестра, мать, чтобы оскорбиться его поведением?»

Сразу же после венчания Чайковского она написала ему:

«Получив Ваше письмо, я, как всегда, обрадовалась ему несказанно, но, когда стала читать, у меня сжалось сердце тоскою и беспокойством за Вас, мой милый, славный друг. Зачем же Вы так печальны, так встревожены? Ведь такому-то горю пособить легко, и расстраивать себя не стоит: поезжайте лечиться, пользоваться природой, спокойствием, счастьем и иногда вспомните обо мне… Будьте веселы и счастливы. Не забывайте всею душою любящую Вас Н. фон Мекк».

А уже через несколько дней после женитьбы он в отчаянии делился с ней:

«Я совершенно не в состоянии работать: это признак ненормального душевного настроения […] Наша дружба всегда будет отрадой моей жизни».

Сбежав же от жены, Чайковский уехал за границу. Естественно, на деньги Надежды Филаретовны. За ее счет он путешествовал по Европе, жил в Швейцарии, Франции, Италии… Как говорится, неплохо устроился…

И волновало его лишь одно: как бы не оскудела та щедрая рука, которая протянулась к нему, как бы Надежда Филаретовна не отвернулась от него.

По словам Анри Труайя, признание Чайковского в крахе отношений с женой сначала обрадовали Надежду Филаретовну: некоторое время она купалась «в упоении женской мести», и оскорбление, нанесенное ее самолюбию, было «оплаченным сполна, даже лучше, чем она ожидала». Однако потом ею овладела тревога. Она испугалась, что Милюкова в состоянии безысходности дискредитирует великого композитора в глазах публики.

Анри Труайя пишет:

«Она уже видит своего героя представшим пред судом, обвиненным в насильственных действиях по отношению к жене

[…] К счастью, волнения ее напрасны».

Она написала Чайковскому:

«Любили ли Вы когда-нибудь? Мне кажется, что нет. Вы слишком любите музыку, для того чтобы могли полюбить женщину. Я знаю один эпизод любви из вашей жизни, но я нахожу, что любовь так называемая платоническая (хотя Платон вовсе не так любил) есть только полулюбовь, любовь воображения, а не сердца, не то чувство, которое входит в плоть и кровь человека, без которого он жить не может».

…

«Там где слова бессильны, является во всеоружии своем более красноречивый язык – музыка».

(П.И. Чайковский)

Чайковский ответил ей уклончиво:

«Вы спрашиваете, друг мой, знакома ли мне любовь неплатоническая. И да, и нет. Если вопрос этот поставить несколько иначе, то есть спросить, испытал ли я полноту счастья в любви, то отвечу: нет, нет и нет!!! Впрочем, я думаю, что и в музыке моей имеется ответ на вопрос этот. Если же Вы спросите меня, понимаю ли я все могущество, всю неизмеримую силу этого чувства, то отвечу: да, да и да – и опять так скажу, что я с любовью пытался неоднократно выразить музыкой мучительность и вместе с тем блаженство любви».

Она полна беспокойства:

«Мне кажется, что у меня много соперников, что у Вас много друзей, которых Вы любите больше, чем меня. Но […] в Вашей музыке я сливаюсь с Вами воедино, и в этом никто не может соперничать со мною: здесь я владею и люблю! Простите мне этот бред, не пугайтесь моей ревности, ведь она Вас ни к чему не обязывает, это есть мое собственное и во мне же разрешающееся чувство. От Вас же мне не надо ничего больше того, чем я пользуюсь теперь, кроме разве маленькой перемены формы: я хотела бы, чтобы Вы были со мною, как обыкновенно бывают с друзьями, на «ты». Я думаю, что в переписке это не трудно, но

если Вы найдете это недолжным, то я никакой претензии иметь не буду, потому что и так я счастлива; будьте Вы благословенны за это счастье! В эту минуту я хотела бы сказать, что я обнимаю Вас от всего сердца, но, может быть, Вы найдете это уже слишком странным; поэтому я скажу, как обыкновенно: до свидания, милый друг мой».

Фактически признавшись Чайковскому в любви и предложив называть друг друга на «ты», она ждала его ответа, но он опять ускользнул, заявив, что она – «краеугольный камень его счастья», но перейти на «ты» у него не хватает решимости:

«Я не могу выносить никакой фальши, никакой неправды в моих отношениях к Вам, а между тем я чувствую, что мне было бы неловко в письме отнестись к Вам с фамильярным местоимением. Условность всасывается в нас с молоком матери, и как бы мы ни ставили себя выше ее, но малейшее нарушение этой условности порождает неловкость, а неловкость, в свою очередь, – фальшь […] Буду ли я с Вами на «вы» или на «ты», сущность моего глубокого, беспредельного чувства и любви к Вам никогда не изменится от изменения формы моего обращения».

А потом он поспешил заверить ее, что с женой у него все кончено:

«Я сразу почувствовал, что любить свою жену не могу, что привычка, в силу которой я надеялся, никогда не придет. Я искал смерти, мне казалось, что она единственный исход. На меня начали находить минуты безумия, во время которых душа моя наполнялась такой лютой ненавистью к моей несчастной жене, что хотелось задушить ее. И между тем я никого не мог винить, кроме себя […] Я смертельно боюсь, что и в Вас промелькнет чувство, близкое к презрению».

И тут же он в очередной раз просил ее о денежной помощи.

Добрая, наивная женщина, она ответила ему:

«Я радуюсь, что Вы вырвались из положения притворства и обмана, положения несвойственного Вам и недостойного Вас. Вы старались сделать все для другого человека, Вы боролись до изнеможения сил и, конечно, ничего не достигли, потому что такой человек, как Вы, может погибнуть в такой действительности, но не примириться с нею. Что же касается моего внутреннего отношения к Вам, то, Боже мой, Петр Ильич, как Вы можете подумать хотя на одну минуту, чтобы я презирала Вас, когда я не только все понимаю, что в Вас происходит, но я чувствую вместе с Вами, точно так же, как Вы, и поступала бы так же, как Вы, только я, вероятно, раньше бы сделала такой шаг разъединения […] Я переживаю с Вами заодно Вашу жизнь и Ваши страдания, и все мне мило и симпатично, что Вы чувствуете

и делаете. Боже мой, как бы я хотела, чтобы Вам было хорошо. Вы так мне дороги».

И она высылала ему очередную порцию денег и при этом просила позволения всегда заботиться о нем, чтобы он никогда не думал о деньгах, иначе ей «будет больно».

Кстати сказать, и финансовую сторону компромисса, достигнутого с Антониной Ивановной, взял на себя не Чайковский, а Надежда Филаретовна фон Мекк, но при этом имя баронессы так никогда и не будет упомянуто.

И так продолжалось долгих тринадцать лет. И при этом Чайковскому словно и невдомек было, что своими действиями он не только совершенно «добил» несчастную Антонину Милюкову, фактически доведя ее до приюта для умалишенных, но и разжег пламя в сердце немолодой уже Надежды Филаретовны, которая полюбила его так, как может любить лишь одинокая женщина на склоне лет.

А ведь ни о какой ответной любви великого композитора не могло быть и речи. И он знал это, и это стало не «трагедией всей его жизни», как принято писать в его биографиях, а страшной трагедией любивших его женщин. Возможно, он и хотел «победить природу», но последствия его действий были поистине ужасающими.

Зато он стал финансово независим, у него появилась мировая известность…

…

«Ни музыка, ни литература, ни какое бы то ни было искусство в настоящем смысле этого слова не существуют для простой забавы; они отвечают гораздо более глубоким потребностям человеческого общества, нежели обыкновенной жажде развлечения и легких удовольствий».

(П.И. Чайковский)

* * *

Он еще продолжал морочить голову Надежде Филаретовне, «благословенная рука» которой принесла ему покой и свободу, а в его жизни уже появился другой – его племянник Владимир Давыдов, которого родные звали Бобом.

Весной 1884 года в дневнике Чайковского появились восторженные записи о четырнадцатилетнем племяннике:

«Что за сокровище Боб… Мой милый, несравненный и чарующий идол Боб!.. Я даже страшусь того, как я его люблю… Все время после обеда я неразлучно был рядом с моим прекрасным, несравненным Бобом».

По завещанию Чайковского именно Боб станет основным наследником композитора и получит право распоряжаться всеми авторскими отчислениями, которые будут поступать за исполнение произведений Чайковского. Однако в декабре 1906 года, в возрасте тридцати пяти лет, Боб покончит жизнь самоубийством.

* * *

В сентябре 1890 года Надежда Филаретовна фон Мекк известила Чайковского о том, что начала терпеть финансовые трудности и не может больше давать столько денег композитору. Ее мучили хроническая усталость, ревматизм и постоянные мигрени. Ей все тяжелее становилось писать ему письма, и ее, как пишет Анри Труайя, «начали одолевать тревожные сомнения». Этому способствовали и колкие замечания собственных детей, опасавшихся остаться без наследства, и саркастические намеки знакомых, и гуляющие по салонам слухи. Это было прозрение, которого она и ждала, и очень боялась. А не поставила ли она сама себя в глупое положение? Она, как околдованная, столько лет верила Чайковскому, но можно ли было доверять ему точно так же, как его гениальной музыке?

…

«Я рад, что именно теперь, когда уже Вы не можете делиться со мной Вашими средствами, я могу во всей силе высказать мою безграничную, горячую, совершенно не поддающуюся словесному выражению благодарность. Вы, вероятно, и сами не подозреваете всю неизмеримость благодеяния Вашего! Иначе Вам бы не пришло в голову, что теперь, когда Вы стали бедны, я буду вспоминать о Вас иногда!!!! Без всякого преувеличения я могу сказать, что я Вас не забывал и не забуду никогда и ни на единую минуту, ибо мысль моя, когда я думаю, о себе, всегда и неизбежно наталкивается на Вас.

Горячо целую Ваши руки и прошу раз навсегда знать, что никто больше меня не сочувствует и не разделяет всех Ваших горестей.

Ваш П. Чайковский».

(Переписка с Н.Ф. фон Мекк (1890 год) Чайковский – Мекк, Тифлис, 22 сентября 1890 г.)

У Анри Труайя читаем:

«Отказываясь видеть очевидное, она и не подозревала в своей наивности, что он смеялся над ней и попросту хотел денег. Все более и более одурачиваемая, она только теперь осознает, в каком смешном положении оказалась. Нет никаких сомнений, что для всего российского высшего света она не более чем меценатка беспринципного музыканта, щедрая благодетельница гениального прохвоста, карикатура тайной советчицы, память о которой она так хотела оставить потомкам. Это уж слишком! Из уважения к самой себе она должна положить конец этой пародии дружбы…»

Чайковский, очевидно, был страшно огорчен, и он ответил ей 22 сентября 1890 года жалостливыми строками:

«Известие, сообщаемое Вами в только что полученном письме Вашем, глубоко опечалило меня, но не за себя, а за Вас. Это совсем не пустая фраза. Конечно, я бы солгал, если бы сказал, что

такое радикальное сокращение моего бюджета вовсе не отразится на моем материальном благосостоянии. Но отразится оно в гораздо меньшей степени, нежели Вы, вероятно, думаете. Дело в том, что в последние годы мои доходы сильно увеличились, и нет причины сомневаться, что они будут постоянно увеличиваться в быстрой прогрессии. Таким образом, если из бесконечного числа беспокоящих Вас обстоятельств Вы уделяете частичку и мне, то, ради бога, прошу Вас быть уверенной, что я не испытал даже самого ничтожного, мимолетного огорчения при мысли о постигшем меня материальном лишении. Верьте, что все это безусловная правда; рисоваться и сочинять фразы я не мастер. Итак, не в том дело, что я несколько времени буду сокращать свои расходы. Дело в том, что Вам с Вашими привычками, с Вашим широким масштабом образа жизни предстоит терпеть лишения! Это ужасно обидно и досадно […] Не могу высказать Вам, до чего мне жаль и страшно за Вас. Не могу вообразить Вас без богатства!..»

Но Надежда Филаретовна уже приняла решение. Решив для себя раз и навсегда, что Чайковский все эти годы видел в ней всего лишь свою личную банкиршу, она отказала ему в финансировании. Ее последнее письмо к Чайковскому заканчивалось следующей фразой:

«Вспоминайте меня иногда».

Ко всему вышесказанному остается лишь добавить, что Чайковский и Надежда Филаретовна фон Мекк так никогда и не встретились. То есть они не виделись ни разу!!! Впрочем, нет. Они случайно увиделись один раз в середине августа 1879 года. Он тогда проводил время за «композиторством» и одинокими прогулками в лесу, а она, обычно избегавшая выходить в этот час, тоже вдруг решила отправиться подышать свежим воздухом в лес со своей дочерью Милочкой и несколькими знакомыми. Она ехала в коляске и на повороте заметила Чайковского, тоже в коляске. После секундного онемения он вежливо снял шляпу и сделал робкий поклон. Но тогда Надежда Филаретовна не осмелилась ни заговорить с ним, ни улыбнуться, хотя сердце ее готово было выпрыгнуть из груди. И экипажи так и разъехались, а потом она получила от него письмо:

«Извините, ради Бога, Надежда Филаретовна, что, нехорошо рассчитав время, я попал как раз навстречу Вам и вызвал по этому случаю, вероятно, новые расспросы Милочки, а для Вас новые затруднения».

Тогда она поспешила успокоить его:

«Вы извиняетесь, дорогой друг мой, за то, что мы встретились, а я в восторге от этой встречи. Не могу передать, до

чего мне стало мило, хорошо на сердце, когда я поняла, что мы встретили Вас […] Я не хочу никаких личных сношений между нами, но […] почувствовать Вас не как миф, а как живого человека, которого я так люблю, и от которого получаю так много хорошего, – это доставляет мне необыкновенное наслаждение».

Чего ей тогда стоили подобные слова, нам не понять… А что биографы? Они обычно называют их необычные отношения «романом в письмах» или «виртуальной связью», которая не имеет аналогов в истории музыки. От себя добавим, что и в медико-психологическом аспекте тоже.

* * *

Как известно, великий композитор скоропостижно скончался 25 октября (6 ноября) 1893 года. При этом за несколько дней до этого он преспокойно дирижировал оркестром и выглядел в полном здравии…

Надежда Филаретовна фон Мекк умерла в Ницце в январе 1894 года. Умерла она от туберкулеза, пережив Чайковского чуть более чем на два месяца.

…

«Пройдут миллионы лет, и если музыка в нашем смысле будет еще существовать, то те же семь основных тонов нашей гаммы, в их мелодических и гармонических комбинациях, оживляемые ритмом, будут все еще служить источником новых музыкальных мыслей».

(П.И. Чайковский)

* * *

После смерти Чайковского по Санкт-Петербургу и Москве тут же поползли слухи о том, что он отравился, но тогда их быстро погасили. Но вот в 1981 году вдруг грянул гром: на страницах апрельского номера английского журнала «Мьюзик Леттерс» (Music Letters) появилась статья музыковеда А.А. Орловой, которая работала в доме-музее Чайковского в Клину, а потом эмигрировала из СССР. Эта статья содержала сенсационные подробности из биографии Чайковского. Орлова, в частности, утверждала, что композитор покончил жизнь самоубийством.

Суть истории вкратце такова. В 1893 году у Чайковского имело место неестественное влечение к 15 летнему Александру, племяннику графа А.А. Стенбок-Фермора, шталмейстера и близкого друга императора Александра III. Разгневанный граф пожаловался императору, а также передал протест обер-прокурору Сената Н.Б. Якоби, однокласснику композитора по Училищу правоведения. Н.Б. Якоби, обеспокоенный возможным уроном для репутации этого элитного учебного заведения (в то время в России мужеложство формально являлось уголовно наказуемым деянием), созвал так называемый «суд чести» из школьных товарищей, бывших в то время в Санкт-Петербурге. Прения за закрытыми дверями длились пять часов.

Эрнст-Вильгельм Гейне пишет:

«Никто никогда не узнал, что произошло во время этого трибунала. Жена Якоби Ольга позже вспоминала, что Чайковский покинул их дом трепещущим и бледным. Спустя много лет она узнала от своего мужа, что композитора заставили уйти из жизни, прежде чем дело дошло бы до суда, скандала и тюрьмы».

Получается, что условием, при котором «судьи» согласились скрыть обстоятельства этого дела, было то, что композитор, дабы избежать огласки и позора, лишит себя жизни, сымитировав холеру, симптомы которой сходны с отравлением мышьяком.

А.А. Орлова утверждала, что все эти факты стали ей известны от некоего Александра Войтова – также выпускника Училища правоведения. Помимо этого, она привела множество косвенных доказательств, подтверждающих ее версию. В первую очередь, это были свидетельства очевидцев, которые заявляли, что после смерти Чайковского не были проведены необходимые в случаях с холерой карантинные мероприятия.

Композитор Н.А. Римский-Корсаков, например, писал:

«Как странно, Чайковский умер от холеры, но доступ на панихиду был свободный».

Эрнст-Вильгельм Гейне, автор эссе «Кто отправил Чайковского на смерть?», недоумевает:

«Шестнадцать человек находились у постели умирающего –

слишком большое число для заразной болезни, в большинстве случаев приводящей к смерти. Постель не сожгли, а только постирали. Тело композитора не было захоронено в опечатанном свинцовом гробу, как это обычно делали с умершими от холеры, а открыто установлено на катафалке. Почему?»

Все это явно не вяжется с версией смерти от страшной болезни. Более того, никто не дезинфицировал дом композитора. Вопрос: почему же не были приняты необходимые меры предосторожности, ведь люди могли заразиться?!

В пуританском Советском Союзе, как водится, заявление А.А. Орловой было квалифицировано чуть ли ни как идеологическая диверсия. Это и понятно, ведь отрицалась не только возможность самоубийства великого русского композитора, но даже и факт его нетрадиционной сексуальной ориентации.

Было заявлено, что Чайковский умер от холеры, выпив стакан сырой воды. Этой версии и придерживались долгие годы, даже не задавая себе вопроса, как можно было заразиться холерой в шикарном ресторане Лейнера на Невском проспекте, где воду всегда подавали только в кипяченом виде, и за всю историю этого заведения не было зафиксировано ни одного желудочно-кишечного заболевания.

Мнения специалистов, естественно, разделились. На каждый довод тотчас же придумывался контрдовод. Так продолжается и по сей день, и смерть Чайковского по-прежнему представляет огромный простор для воображения потомков.

Подводя итог его жизни, Анри Труайя от имени своей героини Надежды Филаретовны фон Мекк пишет:

«Болтают, что композитор не умер от холеры, а покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать ужасного скандала. Обвиненный в гомосексуальности и оказавшийся под угрозой публичного разоблачения, сопряженного с крахом его карьеры, которое также затронуло бы многих дорогих ему людей, он предпочел уйти, чтобы заткнуть рты всем тем, у кого совесть чиста и нравы безупречны. Дойдя до этого момента в своих рассуждениях, Надежда приходит к мысли, что, если Чайковский, вместо того, чтобы отравиться, повеситься или пустить себе пулю в лоб, предпочел выпить некипяченой воды, презрев все санитарные правила, то это потому, что перед лицом смерти, как и в жизни, он не умел принять решение окончательно и бесповоротно. Точно так же, как он вел с ней нечестную игру, в которой было, без сомнения, немного привязанности и много интереса. Немного артистического единомыслия и много прагматичного расчета, и в момент, когда пришло время положить конец жизни, он позаботился о том, чтобы оставить

себе шанс убежать от судьбы. Не в пример Герману, герою пушкинской «Пиковой дамы», который ставит на карту все, Чайковский играет с провидением, надеясь выпутаться. На первый взгляд, кажется, что он допускает трагичную неосторожность, выпив зараженной воды […], но на самом деле он надеется на чудо, которое произойдет в последнюю минуту. Но, как и Герман, видит, что его хитрость оборачивается против него, и оказывается жертвой своей нерешительности. Как и обычно, он не смог пойти ва-банк. Его мнимое самоубийство оказалось настоящим самоубийством, и он получил то, чего не хотел. Не только музыка, но и человеческая жизнь не терпит фальши».

Не все в рассуждениях известного французского писателя выглядит бесспорным, но, похоже, ключ, открывающий загадки сердца Петра Ильича Чайковского, подобран им верно…

…

Роден *(12 ноября 1840 – 17 ноября 1917)*

• Полное имя – Франсуа Огюст Рене Роден.

• Достижения – знаменитый французский скульптор, один из основоположников импрессионизма в скульптуре.

• Особенности характера – самозабвенное увлечение творчеством, трудолюбие, нерешительность.

• Основные работы – «Врата ада», композиция «Граждане Кале», «Вечная весна», памятник Виктору Гюго, статуя Оноре де Бальзака.

• Семейное положение – был женат на Розе Бере, длительные отношения с Камиллой Клодель.

• Дети – сын Огюст-Эжен (Роден его официально не признал).

• Злодейство – разрушенная судьба Камиллы Клодель.

Камилла Клодель *(8 декабря 1864 – 19 октября 1943)*

• Полное имя – Камилла Клодель.

• Достижения – французский скульптор.

• Особенности характера – гордая, талантливая, восторженная, независимая, настойчивая.

• Родственные отношения – старшая сестра поэта и дипломата Поля Клоделя.

• Семейное положение – неофициальные отношения с Огюстом Роденом.

• Здоровье – страдает психическими расстройствами.

• Навязчивая идея – Роден ее использует.

• Злодейство – безумие, нелюдимость.

Глава пятая Роден и трагедия Камиллы Клодель

Камилла Клодель, родившаяся 8 декабря 1864 года, вместе с матерью, ее сестрами и маленьким братом Полем перебралась в Париж в 1881 году и там, с детства очарованная камнем и глиной, поступила в академию Колароссии, где начала обучаться у скульптора Альфреда Буше. Отметим, что в то время женщинам было запрещено поступать в школы изящных искусств, но Камиллу это не остановило. Она мечтала быть скульптором, и она твердо решила стать им. В 1882 году она вместе с другими девушками, в основном англичанками, арендовала мастерскую, а в следующем году она впервые увиделась и познакомилась с великим Огюстом Роденом. Знала бы тогда эта талантливая девушка, чем это все для нее обернется…

Произошло их знакомство при следующих обстоятельствах.

Роден тогда был всецело поглощен работой над своими знаменитыми «Вратами ада». В своей мастерской на Университетской улице он трудился с утра до ночи, пребывая в настоящем творческом экстазе (в конечном итоге, он будет заниматься «Вратами ада» много лет, но так и не закончит эту композицию, и она будет отлита в бронзе только через девять лет после его смерти). Как пишет биограф Родена Элен Пине, скульптор сам не заметил, как «попал в ловушку созданной им круговерти образов».

* * *

Назвать точную дату первой встречи Камиллы Клодель и Огюста Родена – задача непростая. Кто-то называет 1882 год, а кто-то – и 1888-й. А вот Рэн-Мари Пари, внучатая племянница Поля Клоделя (младшего брата Камиллы), уверяет, что это произошло в 1883 году.

Альфред Буше сам попросил Родена на некоторое время взять на себя руководство его мастерской на улице Нотр-Дам-дэ-Шан, и при этом он настоятельно рекомендовал ему обратить особое внимание на свою самую способную ученицу – Камиллу Клодель.

К первой встрече с великим Роденом девушки-скульпторы готовились долго и тщательно, но когда он в первый раз вошел в мастерскую, Камилла еле сдержалась, чтобы не засмеяться. Было от чего: Роден был невысокого роста и своей всклокоченной

рыжей бородой очень напоминал гнома.

«Гном» сразу же заявил, что у него не так много свободного времени и он совсем не умеет преподавать, да к тому же очень спешит.

На этом, собственно, его «урок» и закончился. Но когда он во второй раз появился в мастерской на улице Нотр-Дам-дэ-Шан, он вдруг остановил свой взгляд на гипсовом бюсте ребенка и спросил, чья это работа.

Это была пятая по счету скульптура Камиллы, которая сейчас известна под названием «Поль Клодель в тринадцать лет».

– Так вы и есть та самая Камилла Клодель, о которой мне говорил мэтр Буше? Очень неплохо. Мадемуазель, как вы относитесь к тому, чтобы поработать в моей мастерской?

Остальных девушек словно и не было рядом. Камилла густо покраснела и пробормотала в ответ что-то невнятное.

* * *

Был конец октября, когда Камилла решилась прийти в его мастерскую. При входе в помещение она гордо заявила, что она скульптор. Шум в мастерской сразу стих, а потом вдруг раздался хохот, от которого у Камиллы зазвенело в ушах. Но тут откуда-то появился сам Роден и резким жестом восстановил тишину. Он сказал, что пригласил мадемуазель Камиллу поработать вместе с ним, и подтвердил, что она – скульптор. Причем очень хороший скульптор.

Так Камилла стала работать у великого Родена. Поначалу мужской коллектив мастерской держался от нее на расстоянии. Она была здесь чужой, такой же неуместной, как, например, женщина на корабле. Но очень скоро скульпторы-мужчины поняли, что Камилла действительно весьма талантлива. Не заметить это было просто невозможно.

...

«В 1884 году фотограф Сезар запечатлел в мастерском кадре горделивую Камиллу Клодель во

всем блеске ее двадцати лет, у истоков творческого пути. Эта юная девушка замечательно красива, но красотой не безмятежной или подстрекающей к завоеванию. Перед нами портрет завоевательницы, чей взгляд предельно напряжен волей к жизни и творчеству».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

* * *

Сразу ли они стали любовниками? Конечно же не сразу. До этого она была его моделью. А может быть, после этого? Точно этого никто никогда не узнает.

Первое, что поразило Родена, когда Камилла Клодель первый раз появилась в его мастерской, была вовсе не ее красота. Красивых женщин он в своей жизни видел предостаточно. Его поразило не это, а сама его реакция на ее появление, то есть то сильное волнение, которое вдруг охватило его.

У Родена конечно же уже были возлюбленные (и не одна, он же был на двадцать четыре года старше Камиллы), но это юное существо, вдвое моложе его, возможно, впервые по-настоящему пробудило в нем мужчину. И он понял, что ему страстно захотелось ее лепить.

А еще в лице Камиллы он нашел идеальную помощницу и соратницу. Странно, но вскоре выяснилось, что только с ней он мог на равных обсуждать свои работы, свои планы и идеи…

Конечно же Роза Бёре, с которой Роден познакомился в год рождения Камиллы, тоже была по-своему дорога ему. Он сам считал, что его встреча с Розой стала для него судьбоносной, что она, как пишет биограф Родена Пьер Дэкс, «спровоцировала переход Родена в мир взрослых». Это действительно было так, ибо до нее будущий великий скульптор жил с родителями и мало чем отличался от себя же самого в каком-нибудь пятнадцатилетнем возрасте. Эдакий инфантильный увалень, не

умевший вести хозяйство и ни разу не принимавший самостоятельных решений.

Роза Бёре родилась 9 июня 1844 года (она была на двадцать лет старше Камиллы Клодель) в Ваквилле, департамент Верхняя Марна. По сути, она была простой крестьянкой, ибо ее родители выращивали виноград и едва умели читать и писать. В Париже она работала белошвейкой у одной предпринимательницы. Также полуграмотным был и Огюст Роден: учеба в монашеской школе в Валь-де-Грасе и в пансионе в Бове практически ничего не дала ему, кроме увлечения старинными гравюрами Микеланджело, которые он случайно обнаружил в библиотеке.

Когда Огюст Роден начал встречаться с Розой Бёре, в кармане у него не было и гроша. Тайком от родителей они начали жить вместе на улице Ле Брён, в так называемой «мастерской» Родена, которая на самом деле была лишь бывшей конюшней. Почему? Наверное, потому, что Родену так было удобнее. Принято считать, что женщина – это любовница для молодого человека, подруга для человека взрослого и кормилица для старика. Роза же в своем лице объединила для Родена все, что в то время ему было необходимо: и любовницу, и подругу, и кормилицу. Добрая, красивая, трудолюбивая… Что еще нужно для малоопытного юноши, у которого совершенно нет денег?

Денег действительно не хватало катастрофически. В их жилище зимой было так холодно (угольщику надоело отпускать месье Родену уголь в кредит), что невозможно было работать. Биограф Родена Жюдит Кладель приводит такой факт. Одна из подруг Розы, чтобы материально помочь влюбленным, заказала Родену свой бюст, но для работы нужно было обогреть помещение. Денег на дрова или уголь не было, и Роден решил растопить печку своими старыми башмаками. Результат был печальным: помещение заволокло густым вонючим дымом, и «клиентка» спешно ретировалась.

…

«Страстно любите свое призвание. Нет ничего прекраснее его. Оно гораздо возвышеннее, чем

думает обыватель. Художник подает великий пример. Он страстно любит свою профессию: самая высокая награда для него – радость творчества».

(Огюст Роден)

Через два года, 18 января 1866 года, у них родится сын, которого назвали Огюст-Эжен. Его Роден так никогда официально не признал (наверное, он считал, что ребенок со своими прихотями и капризами внесет в его жизнь ненужный беспорядок), представляя всем как младшего брата Розы. В его метрике записали: «Отец неизвестен». С другой стороны, рождение сына, как утверждает Пьер Дэкс, «упорядочило его тайное домашнее хозяйство». Опасаясь гнева отца, Роден не решился сам объявить о своих «подвигах» и попросил свою тетю Терезу Шеффер сообщить родителям, что у них появился внук. Потом, поставив их перед свершившимся фактом, он представил им и свою Розу. Отец метал громы и молнии…

* * *

Как выглядела Роза Бёре в это время, можно узнать, посмотрев на скульптуру «Девушка в шляпке с цветами» 1865 года. Здесь она очень красива: большие глаза, длинные густые волосы, пухлые чуть приоткрытые губки, показывающие два передних зубика. Нежный овал лица. Маленький подбородок. Розе здесь двадцать один год…

Любил ли Роден Розу?

Для ответа на этот вопрос достаточно почитать его письма к ней. Вот одно из них, написанное в 1871 году из Брюсселя (Камилле тогда было всего семь лет):

«Моя дорогая Роза.

Сегодня я думал о тебе. Если бы я был один, я написал бы тебе длинное письмо. Я был в деревне, мне было хорошо, я наслаждался чистым воздухом и прекрасной погодой, но моя душа стремилась к тебе.

Ты видишь, на меня нашел приступ нежности. Я так изменчив, что даже добрые чувства могут посетить меня, хотя я не всегда люблю считаться с ними. Когда они иногда приходят, я, очарованный их редким визитом, готов оказать им радушный прием. Тем не менее, я не люблю тирании нежных чувств. Но я прекращаю свои шутки. Пиши мне больше, я тебя уверяю, что это

будет приятно».

Отношения Родена с другими женщинам будут существенно отличаться от его отношений с Розой. Они станут гораздо более эмоциональными. «Тирания нежных чувств» уже не будет для Родена обузой.

Пятьдесят три года им понадобятся для того, чтобы легализовать свои отношения. Все это время Роза будет терпеливо ждать. Верная и поддерживающая его в любой ситуации, она делала всю работу по дому, никогда не жаловалась и не перечила. Спокойно принимая все это, Роден так отзывался о ней:

«Она всегда была готова на жертву ради меня, и оставалась такой всю свою жизнь».

* * *

И вдруг в жизни Родена появилась молоденькая Камилла Клодель – талантливая, восторженная и очень красивая. А Роза Бёре к этому времени уже давно перестала соответствовать положению Родена в обществе и возросшему уровню его самооценки. Ну, а творчество – оно всегда было для простушки Розы чем-то запредельным. Как говорится, не понимаю, значит, не люблю…

«Мадемуазель Камилла» же, как Роден поначалу ее называл, восхищалась им. Училась у него. Ей всегда было что сказать, ее глаза горели. И он доверял ей все больше и больше, а она месила глину и обтесывала мрамор с таким усердием и энергией, каких не наблюдалось даже у самого мэтра. Одновременно с этим он все больше и больше доверялся ей, а доверие располагает к общению, а общение – к возникновению все новых и новых взаимных интересов. Круг замыкается и неизбежно выводит мужчину и женщину на новый уровень отношений. Жены, как правило, панически боятся подобного сценария, но почему-то ничего не делают для того, чтобы разделить внедомашние интересы своих мужей.

…

«Камилла Клодель – уроженка Шампани, земли, удивительно богатой писателями, чьи имена звучат как фанфары: Лафонтен, Расин, Александр Дюма; богатой также безымянными ваятелями из Реймса и Труа, изукрасившими своей изящной и благородной скульптурой архитектурные памятники родной провинции. Камилла и Поль Клодель благодаря редкостному соединению традиции и таланта доносят эту эстафету до середины нынешнего столетия».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

* * *

Роза продолжала заниматься домашним хозяйством и сыном, а месье Роден со своей помощницей продолжал работать и гулять по Парижу. А разговаривать с ней ему было очень интересно, и вообще она была самая замечательная девушка из всех, кого он знал…

Она же смотрела на него совершенно очарованная. Роден был из категории людей, о которых обычно читаешь лишь в газетах и журналах. И вдруг – вот он, на пороге ее жизни, говорит, что он очень увлечен ею, прогуливается с ней по Парижу. Она не знала, что ей со всем этим делать, но одно было ясно: она тоже с некоторых пор была увлечена им…

Однажды Камилла задержалась в мастерской на Университетской улице дольше обычного. Когда все ушли, Роден зажег множество свечей. Он любил делать так: в их мерцающем свете было любопытно разглядывать скульптуры.

Но сейчас он смотрел не на скульптуры, он невольно залюбовался своей ученицей и помощницей. Как-то само собой получилось, что они приблизились друг к другу…

После той первой ночи, проведенной вместе, Родену и его

ученице долго не удавалось остаться наедине друг с другом. Это было так мучительно и так романтично одновременно.

Прилюдно они держались так, словно ничего не изменилось, но все в мастерской на Университетской улице быстро догадались, что между мэтром и его ученицей что-то произошло. Камилла же смотрела на окружающих, с трудом сдерживая ликование, переполнявшее все ее существо. Она стала для великого Родена самым важным человеком. Он любит ее, а все вокруг просто завидуют ей. И она ничуть не жалеет о содеянном. Она познала любовь, и все остальное не имеет значения. Более того, она еще покажет себя. Она создаст скульптуры, столь же великие, как и у него. Весь Париж, да что там Париж, весь мир будет у ее ног…

* * *

Прошло несколько наполненных счастьем месяцев. Но вот однажды Камилла узнала о существовании Розы Бёре. Она просто не могла об этом не узнать. Но Роден заверил ее, что они с Розой не женаты. Он сказал, что познакомился с ней, когда Камилла еще не родилась, что они прожили много лет, и теперь он просто не может вот так взять и перешагнуть через все это. Но он пообещал, что очень скоро все уладит.

А потом, летом 1884 года, Роден приехал в Вильнёв-сюр-Фер, где, как обычно летом, жила семья Клоделей. Он приехал с Розой, и сердце Камиллы каждый раз сжималось от боли, когда она смотрела на эту женщину, которая за столом села прямо напротив нее. Мысль о том, что ее любимый когда-то целовал ее, была ей отвратительна.

Когда гости удалились, отец спросил Камиллу, зачем она работает у Родена. Он сказал, что она сама – большой скульптор, что она погубит себя, находясь под его влиянием, потеряет свою индивидуальность…

По сути, он был прав. Но тогда Камилла и слышать об этом не хотела. Работы было много, слишком много.

В ту пору Роден был полностью поглощен замыслом и исполнением «Врат ада». Это был грандиозный заказ для Музея декоративных искусств, который предполагалось построить напротив сада Тюильри. Тема проекта была навеяна образами «Божественной комедии» Данте. Камилла принимала в этой работе двоякое участие: она и позировала, и выполняла отдельные элементы композиции. Анн Дельбе делает вывод, с которым невозможно не согласиться:

«Господин Роден обрел новую натурщицу, совершенную, как Ева, но – только для него одного. Ничего общего с другими […] Камилла – для него, с ним, она – натура, придающая цельность творцу, она – его творение».

Но Камилла не только позировала, месила глину и лепила. Она любила Родена, и он как-то раз даже сказал ей, что теперь они могут считать себя помолвленными…

* * *

Как мы уже знаем, Роза Бёре была женщиной очень простой. Такая преданная боевая подруга, ответственная за теплый ужин, всегда тщательно прибранную квартиру и постиранные сорочки. Большую часть времени она молчала, с ней не надо было бороться, не надо было спорить, ей ничего не надо было доказывать. Да и спрашивать ее о чем-то тоже было не нужно. Она словно не имела собственного мнения, а ее главным смыслом жизни была привязанность к Родену.

Она редко выходила «в люди». Роден не приглашал ее, а сама она туда и не стремилась. Видимо, оба они опасались «внешних оценок».

Но, с другой стороны, Роза обладала несомненным качеством, которое специалисты-психологи называют «теневая состоятельность». По сути, она заменяла Родену мать. Хоть они и не были официально женаты, таков был их семейный сценарий, согласно которому она ни в коем случае не должна была претендовать на какой-либо авторитет. Ее задача формулировалась просто: отползти, затаиться, быть незаметной, но всегда нужной. Как зубная щетка: не всегда вспомнишь, какого она цвета, но попробуй обойтись без нее хотя бы день-два…

Была ли идеальной женщиной Роза Бёре? В ЭТОМ смысле конечно же была.

* * *

Роман Родена и Камиллы не истощал творческие силы любовников. Напротив, он стимулировал их. Все специалисты отметили, что именно в это время в стиле Родена стали обнаруживаться все более и более лирические мотивы. Он начал новый цикл, включающий изображения влюбленных пар: «Вечный кумир», «Данаида», «Сирены», «Поцелуй». Моделью для «Данаиды» и «Поцелуя», задуманного для «Врат ада», но не

вошедшего в окончательный вариант, послужила конечно же Камилла Клодель.

...

«Судьба свела Родена с существом, казалось, специально избранным для него из тысяч. Как жаль, что лишь теперь он встретил ту, что словно создана была стать его подругой и ученицей. Она была молода и прелестна, в ней чувствовалась порода…»

(Жюдит Кладель. «Роден»)

В это время и сама Камилла очень решительно вырабатывала и утверждала свой собственный стиль. Учитывая тот факт, что бюст шестнадцатилетнего Поля Клоделя был создан в 1884 году, можно утверждать, что к моменту встречи с тем, в ком хотят видеть ее единственного учителя, ученичество ее было уже, по сути, завершено. А ведь в это время Камилле было всего двадцать лет.

* * *

В 1884 году Роден получил два очень почетных и ответственных заказа: это были памятник знаменитому художнику XVII века Клоду Лоррену в Нанси и композиция, вошедшая в историю под названием «Граждане Кале».

Работа над четырехтонным памятником длилась почти два года, но лишь девять лет спустя (в 1895 году) его установят в Кале на площади перед зданием ратуши.

* * *

В конце 1888 года Роден арендовал еще одну мастерскую –

Фоли-Нёбур, Итальянский бульвар, дом 68. Это был обветшалый роскошный особняк, окруженный запущенным садом, который некогда был любовным приютом одной из самых романтических пар в истории человечества: здесь творили и любили друг друга Жорж Санд и Альфред де Мюссе.

* * *

Была ли Камилла тогда уже достаточно независимой, чтобы совсем уйти из семьи и обосноваться на Итальянском бульваре – наполовину в Фоли-Нёбур, наполовину у себя, – и на самом ли деле именно в то время началась ее самостоятельная жизнь? Трудно сказать. Во всяком случае, ни писем, ни документов об этом нет.

Возможно, Роден, благосостояние которого неуклонно возрастало, поддерживал ее, выплачивая вознаграждение – безусловно, заслуженное – за работу с ним. Камилла действительно к тому времени уже была скульптором высочайшего класса. Она давно овладела всеми премудростями лепки, но и как формовщик не знала себе равных, твердый же мрамор она тесала с такой энергией и точностью, каких никогда не достиг и сам мэтр.

Теперь они могли свободно проводить время наедине друг с другом, не страшась непрошеных гостей. Особняк Фоли-Нёбур стал местом их свиданий, и никто другой туда не ходил. Консьержке было велено никого не пропускать и на вопросы не отвечать. В этом укрытом от посторонних взглядов месте Камилла была счастлива. Часами она позировала для него, а он лепил ее, рисовал, внимательно изучая каждую клеточку ее прекрасного тела. От этого Камилла ощущала себя словно на седьмом небе, лишь иногда в сердце закрадывалось сомнение: «А не слишком ли мало она работает для себя?» Но она тут же гнала от себя эту малоприятную мысль.

Вдохновленный Роден работал много и с удовольствием.

Кстати сказать, он лепил Камиллу не только в прямом смысле этого слова. Как пишет А.А. Монастырская, «Роден сознательно лепил из Камиллы женщину для себя. А она жадно впитывала все крохи, которыми ее небрежно осыпал обожаемый мэтр».

К сожалению, Роден не мог проводить в Фоли-Нёбур все ночи. Мастерских у него теперь было три, работы много, а еще были приемы, встречи, интервью с журналистами. А еще у него была Роза…

Нередко получалось так, что Камилле приходилось подолгу ждать его, и она ложилась спать, так и не дождавшись его прихода. Роза Бёре все равно оставалась препятствием в развитии их отношений. А Роден каждый раз говорил одно и то же: что Роза болеет, что он должен ее навещать, что он не может просто взять и оставить ее…

* * *

Как раз на это время пришелся небывалый взлет популярности Родена. И он, несомненно, был связан с именем Камиллы. Эта молодая женщина стала занимать слишком много места в его творчестве. У биографа Родена Элен Пине читаем:

«Во всех скульптурах с 1885 по 1896 годы динамика тел выражает страсть, торжество и негу любви, наслаждение или страдание».

Она была повсюду, она была и моделью для его работ, и их соавтором. В эти годы родился один из самых прекрасных его замыслов – «Вечная весна».

Работал Роден самозабвенно. Как писал Райнер-Мария Рильке, «его жизнь – один сплошной рабочий день». Именно в это время произошла ломка его стиля. Реализм уже не удовлетворял его. И именно Камилла привнесла в его работы ту экспрессивность, которой ему недоставало. Поистине она была для него музой, готовой при этом пожертвовать всем ради любимого.

* * *

Роден сам не заметил, как с изумлением стал обнаруживать сходство в их скульптурах. Их обоих волновало одно: как не просто передать черты того или иного лица, это могли делать многие, а как выхватить в нем самое потаенное, то, что скрывается за обыденной маской. Роден все чаще стал доверять Камилле завершение своих работ.

…

«Лицо нельзя считать единственным зеркалом человеческой души и выразительность лица не исключительный отражатель душевной жизни. Нет ни одной мышцы в человеческом теле, которая не принимала бы участия в выражении внутренних изменений. Каждая мышца выдает радость или грусть, воодушевление или пессимизм, веселье или гнев».

(Огюст Роден)

Сначала Камилла была несказанно рада этому, но однажды ее отрезвил брат, который к тому времени уже серьезно увлекся поэзией.

– Сегодня Роден подписал мою работу своим именем, – поделилась она со своим братом Полем. – Совсем, как в свое время Микеланджело, он тоже подписывал работы своих учеников.

– А я бы не хотел, чтобы, например, Виктор Гюго подписывал мои стихи.

Камилла сначала даже не поняла, что ей ответил брат, но его слова глубоко тронули ее душу.

* * *

Жизнь Камиллы с Роденом могла бы показаться безоблачной, если бы не одно обстоятельство. Ее настойчивость, привлекательная внешность и существенная разница в возрасте сделали свое дело: скромная девушка, еще недавно подметавшая мастерскую, заставила Родена позабыть обо всем на свете… кроме Розы. Немая дуэль между этими двумя женщинами длилась уже более пяти лет, но Камилле никак не удавалось ее победить.

Роден знал, что Роза беззаветно любит его; он тоже по-своему ее любил, но у него при этом были свои соображения. Никто из них больше не заговаривал о браке – по прошествии стольких лет это потеряло смысл. Их сын уже стал взрослым: ему было двадцать два. В свои сорок восемь лет Роден был преуспевающим скульптором. Роза все еще влекла его, хотя в последние годы в ее облике появилось что-то от почтенной матроны. Но ему

нравилось в ней даже это. Оглядываясь назад, он с трудом мог поверить, что с момента их знакомства прошло уже почти двадцать пять лет. Этим летом ей исполнилось сорок четыре.

Роден не знакомил ее ни с кем из своих новых друзей, никогда не посвящал ее в свои дела и планы. Роза даже не догадывалась о его нынешних доходах.

Ее жизнь с Роденом тоже могла бы показаться безоблачной, если бы не одно обстоятельство. Ее Огюст стал не всегда ночевать дома, объясняя, что допоздна задерживается в мастерской. Когда же он приходил, то ссылался на усталость и отодвигался к самому краю их широкой кровати.

Розе было трудно просыпаться одной в постели, искать его рядом и не находить. Однако она так жила, и это ее долгое время не тревожило, во всяком случае, она не признавалась в этом даже самой себе. Что ж, работа есть работа…

– Если он тебя любит, – спрашивал ее сын, – почему не женится на тебе?

– Мне кажется, нам и так хорошо.

– Я так не думаю. Он обязан тебе большим, чем ты ему. Он очень даже неплохо устроился, черт возьми!

– Для меня тоже это удобно, Эжен.

У нее не было желания спорить с сыном.

– Я живу так, как я привыкла жить, и мне не на что жаловаться.

Но невозможно скрыть то, что скрыть невозможно. О том, что в жизни Родена появилась Камилла, Роза знала, как она знала и о других его женщинах. Но это ничего не изменило, и он продолжил жить на два дома. Одна женщина вела хозяйство и поддерживала тепло семейного очага. Он жалел ее. Другая была постоянно рядом, в его мастерской. Он любил ее.

* * *

Роден работал на износ, и вместе с этим росла его популярность. Одна за другой шли престижные выставки, в том числе совместная с Клодом Моне в 1889 году, затем участие во Всемирной выставке 1889 года, вызвавшее бурю восторгов и брани. Формировались и крепли его политические связи в кругах высокопоставленных республиканцев и либералов. Известность, орден Почетного легиона, приемы отныне стали внешним отражением его положения в обществе, близкого к официальному статусу мэтра.

…

«Если ваш талант нов, не рассчитывайте вначале на большое число сторонников; наоборот, у вас будет множество врагов».

(Огюст Роден)

Вместе с Роденом вращалась в высших кругах общества и Камилла. Там она знакомилась с выдающимися людьми той эпохи. Несомненно, Роден предпочитал появляться в свете со своей красивой, жизнерадостной и остроумной подругой, а не с простоватой Розой, которую лучше было держать в тени, чтобы не позориться. Камилла Клодель бывала у знаменитых братьев Гонкуров, у автора известной остросатирической трилогии о Тартарене из Тараскона Альфонса Доде, у романиста, драматурга и критика Октава Мирбо…

…

Выдающийся французский писатель А. Доде (1840–1897) в своем сатирическом романе-трилогии «Тартарен из Тараскона».

(«Необычайные приключения Тартарена из Тараскона», «Тартарен на Альпах», «Порт-Тараскон» обличают мещанские нравы буржуазного общества)

* * *

В 1887 году состоялась первая поездка Родена и Камиллы в Турень, историческую область во Франции в бассейне Луары. Потом это вошло в обычай. Там они обнаружили уютный замок Илетт в одном городке, расположенном в двадцати пяти километрах на юго-запад от Тура. Этот замок на живописном берегу реки Эндр стал летним приютом их любви.

Летом Камилла жила в Илетте, а Роден регулярно приезжал к ней, хотя до Парижа было почти двести километров. Для него официальным предлогом для поездок в Турень стали поиски подходящей модели, напоминающей лицом Бальзака (он как раз получил заказ на изготовление его скульптуры), ведь тот родился как раз в Туре и был типичным представителем здешних мест.

Но почему он постоянно уезжал в Париж? Конечно же причиной была Роза: ему не хотелось скандала, не хотелось принимать какое-либо решение.

Первое лето в Илетте пролетело незаметно. Для Камиллы, несмотря на отъезды Родена, оно было идиллией, похожей на сказку.

Кстати сказать, в Илетте было написано единственное дошедшее до нас письмо Камиллы к Родену. Оно датировано 25 июня 1892 года:

«Месье Роден!

Поскольку заняться мне сейчас нечем, я снова пишу вам. Вы не представляете, как хорошо теперь в Илетте. Сегодня я обедала в центральной зале, которая служит оранжереей и откуда с обеих сторон виден сад. Мадам Курселль предложила (без всяких намеков с моей стороны), чтобы вы, если вам захочется, у нее время от времени или даже всегда обедали. По-моему, ей этого ужасно хочется. А здесь так красиво!

Я гуляла в парке, вокруг все уже убрано, сено, пшеница, овес, можно везде ходить, это чудесно. Если вы будете так любезны и сдержите данное слово, нас ждет рай. Вы получите для работы ту комнату, которую захотите. Хозяйка, я думаю, будет у ваших ног.

Она мне сказала, что я могу смело купаться в реке, там, где купаются ее дочь и служанка. Опасности нет никакой. Если вы не возражаете, я так и поступлю, потому что это большое удовольствие, и оно избавит меня от необходимости ходить в горячие бани в Азэ. Как мило было бы с вашей стороны купить мне темно-синий купальный костюм с белой отделкой, раздельный, блузка и панталоны из саржи (размер средний). Это можно сделать в Лувре, или в магазине «Бон Марше», или в Туре.

Я сплю совершенно голая, чтобы представить себе, будто вы

рядом, но когда я просыпаюсь, я вновь одна.

Я вас целую. Камилла.

Главное, не обманывайте меня больше».

Назвать это письмо любовным сложно. Скорее, это было бы обычное бытовое письмо, если бы не его последняя фраза, а также приписка после подписи, наполненная грустью и надеждой на то, что все еще может быть хорошо.

...

«Сохранился каталог библиотеки Луи-Проспера Клоделя, которую Камилла храбро осваивала: там представлена почти вся античная литература. Она жадно и бессистемно глотает книги, как это бывает в отрочестве, особенно в одиноком отрочестве. Отсюда – редкий для того времени культурный уровень Камиллы».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

* * *

А в 1893 году поездки в Илетт вдруг прекратились. Почему? Для ответа на этот вопрос следует, наверное, коснуться одной из загадок жизни Камиллы Клодель: были ли у нее от Родена дети?

По этому поводу Рэн-Мари Пари пишет:

«Может быть, в Турене она скрывала тайную беременность? Или выздоравливала после тяжелого аборта? Может, навещала ребенка или детей у кормилицы? Документы, которыми мы в

настоящее время располагаем, не дают ответа на эти вопросы».

В водовороте любви в старинном замке они, похоже, совсем забыли про осторожность. Раньше Роден постоянно следил за этим, но визиты в Илетт были так насыщены эмоциями…

* * *

Говорят, Камилла сумела решить эту проблему, ничем не побеспокоив великого Родена. Это был самый страшный день в ее жизни, полный страха и острого ощущения собственного бессилия. После этого ее долго мучили ночные кошмары: детей у нее больше не будет, но вдруг и великим скульптором она тоже не станет…

Когда она приехала в Париж, ничего не подозревавший отец сказал:

– Что-то деревенский воздух не пошел тебе на пользу. Наверное, ты сидела там взаперти и все время работала. Ради этого не стоило уезжать из города.

Эх, знал бы он…

Ничего не заметил и Роден.

* * *

Историк Жак Мадоль, имевший доступ к переписке Ромена Роллана, дает понять, что есть два письма, в которых речь идет об аборте. Мадам Роллан писала о том, что сам Поль Клодель рассказывал ей о прерванной беременности сестры.

Пока истина не будет установлена, будем, по крайней мере, иметь в виду эту печальную тайну. Возможно, это была одна из самых болезненных ран в трагической жизни Камиллы Клодель. Но, получив сильнейшую эмоциональную травму, она не заболела, не развалилась на части. Во всяком случае, пока не заболела, пока не развалилась…

В любом случае, к этому вопросу следует относиться с бо2льшей осторожностью, чем это делают многие биографы Родена, описывающие житье в Турене исключительно как беззаботные шалости в тайне от Розы Бёре.

Подобный вывод часто делают, основываясь на следующем письме Родена к своей гражданской жене:

«Я весь в работе, и она чем дальше, тем более захватывает меня. Я чувствую себя живущим в давних эпохах, потому что во мне, бесспорно, есть след тех минувших времен, и эта

архитектура как будто пробуждает в глубине моего мозга что-то, что я прежде знал».

Похоже, мэтр действительно в то время жил лишь своей работой, и ничто другое для него не существовало. Работа была его счастьем, лишь она заполняла пустоту его души, и малышка Клодель должна была помогать ему в этом, а не мешать. Вообще ничто не должно было ему мешать.

...

«К сожалению, в наше время многие презирают, ненавидят свою работу. Но мир будет счастлив только тогда, когда у каждого человека будет душа художника, иначе говоря, когда каждый будет находить радость в своем труде».

(Огюст Роден)

* * *

Увы, как это обычно бывает, целиком и полностью поглощенная борьбой за сердце своего кумира, Камилла стала постепенно забывать о себе и о своей собственной творческой карьере. Очень многие сходятся во мнении, что из талантливой молодой художницы с многообещающими работами она постепенно превратилась в «перезрелую протеже месье Родена», которой доверялось лишь завершение поступавших ему заказов, на что у него самого не было времени. И напрасно сам Роден пытался реабилитировать свою ученицу. Вот, например, что он писал своему другу Октаву Мирбо:

«Что касается мадемуазель Клодель, обладающей талантом размером с Марсово поле, она еще не оценена по достоинству».

Эта фраза Родена – настоящий афоризм, замешанный на каламбуре. С одной стороны, Марсово поле в Париже огромно по площади, поэтому сравнение таланта Камиллы с ним является

характеристикой чисто количественной. С другой стороны, следует пояснить, что до 1890 года художники устраивали свои выставки в залах большого дворца на Елисейских полях, а после этого часть художников, выделившись из общей массы представителей академического искусства в Национальное общество изящных искусств, образовала собственный Салон Марсового поля (по имени выставочного помещения на Марсовом поле), поэтому сравнение Родена может рассматриваться и как качественная оценка таланта Камиллы: «размером с Марсово поле», то есть достойно лишь Салона Марсова поля.

В любом случае, критики упорно не желали рассматривать мадемуазель Клодель в качестве самостоятельного мастера.

Конечно, Камилла надеялась добиться признания и успеха, соединив свою судьбу с именем Родена. Но слова Родена так и оставались словами, а на практике он не торопился связывать себя, и в глазах критиков и публики его совместные с Камиллой работы так и оставались работами только Родена. Ведь он ставил на них только свою подпись…

А ведь в это время Камилла создавала весьма интересные работы, не только технически безупречные, но и отмеченные динамичной композицией, страстностью и, наконец, удивительной плавностью линий. В отличие от Родена, часто лепившего крупными небрежными мазками мэтра, Камилла свои душевные импульсы облекала в утонченно-проработанные формы. Типичный пример – знаменитая композиция «Вальс», работа 1892 года, где в изломе двух переплетенных в танце фигур улавливается не только эйфория чувств, но и их болезненность.

Известный критик Октав Мирбо был восхищен «Вальсом»:

«Мадемуазель Клодель отважно атаковала задачу, быть может, самую трудную для скульптора: передачу движения танца».

Матиас Морхардт в своей знаменитой статье о Камилле написал:

«Согласно мнению мадемуазель Клодель, в искусстве в первую очередь следует точно передать движение».

Роден считал иначе, для него главное заключалось в моделировании поверхностей, в игре света и тени, движению же он придавал лишь второстепенное значение.

* * *

Конечно же ни о каком творческом бесплодии Камиллы в это время говорить нельзя. Незадолго до 1894 года она закончила

«Маленькую владелицу замка», иначе называемую «Девочка из замка Илетт» или «Маленькая Жанна». Таков парадокс творчества – чудесное детское личико с отрешенным взглядом изваяла женщина, которой судьба отказала в материнском счастье.

Но в целом произведения Камиллы того периода все же были проникнуты печалью. Собственно, иначе и быть не могло.

Кстати сказать, об одной из скульптур Камиллы галерист Эжен Бло написал:

«Однажды Роден пришел ко мне, и я увидел его стоящим неподвижно перед этой работой, созерцающим ее, нежно ласкающим металл и плачущим. Да, плачущим. Как ребенок».

Роден плакал, глядя на работу Камиллы. От гордости за свою ученицу? Вряд ли. А может быть, от бессилия? Может быть, потому что понимал, что младшая превзошла старшего, ученица превзошла своего учителя?

Безнадежна ли подобная ситуация? Трудно сказать однозначно. Но Камилле Клодель справиться с ней, похоже, не удалось. Невольно вступив в профессиональную конкуренцию со своим учителем, она не смогла добиться равноправия. Что это было? Следствие до сих пор распространенных в обществе стереотипов или «заслуга» исключительно Родена…

* * *

Где-то примерно с 1893 года между любовниками начался разлад. К этому вело все, и, в конце концов, первый, еще не осознанный протест вырвался у Камиллы. Она сказала, что не верит, что он когда-либо покинет свою Розу, так как жалость бывает сильнее любви.

Они стали часто ссориться, но это происходило днем, а затем следовали ночи любви, полные слез и примирений. Но, к сожалению, все оставалось по-прежнему. Что бы ни говорила Камилла, Роден все называл пустяками. Все, кроме творчества. И Камилла соглашалась с ним, не отдавая себе отчета в том, что за этими «пустяками» стояло нечто очень важное, что уже начинало рваться наружу, желая обратить на себя внимание.

Ко всему этому добавлялось еще и уязвленное творческое самолюбие Камиллы, начавшей думать, что рассчетливый мэтр использует ее в своих интересах. По словам А.А. Монастырской, эта позиция «стала настоящим ударом для Родена. Привыкнув к беспрекословному подчинению молодой любовницы, он внезапно осознал, что новая Галатея давно живет по другим законам».

Но главным все же были оскорбленные чувства, а также

постоянное незримое присутствие Розы Бёре.

О чем вообще думала эта Роза? Она была женщиной, которая никогда не витала в облаках. Она наверняка размышляла со свойственной ей житейской мудростью, что уж лучше ей сохранить хоть какие-то права на Родена, чем потерять его совсем. В этом была ее правда жизни. Правда жизни сорокавосьмилетней женщины.

За годы жизни с Роденом она привыкла к постоянным сменам его настроения и научилась к ним приноравливаться. Она соглашалась со всем, что он говорил, терпеливо пережидала вспышки раздражительности, которые охватывали его все чаще, предупреждала все его желания, стараясь не дать ему ни малейшего повода для недовольства, готовила его любимые блюда и подавала их в удобное для него время и т.д. и т.п. День за днем она подстраивалась под него, смиряя свою гордость, лишь бы не рассердить его, лишь бы не обидеть…

По сути, каждая из них – и Камилла, и Роза – по-своему «воевала» за каждую ночь, проведенную с Роденом под одной крышей.

…

«Когда я смотрю на два обнявшихся тела, мне интересны не мужчина и женщина сами по себе, а та новая, третья субстанция, которая порождается этим взаимоотношением двоих и которая без их контакта возникнуть не может».

(Огюст Роден)

* * *

Свой двадцать восьмой день рождения, 8 декабря 1892 года, Камилла провела одна. Не первый уже день рождения в

одиночестве, и причиной опять была нерешительность Родена, который не мог заставить себя бросить Розу. Понятное дело, это лишь еще больше усугубило его конфликт с Камиллой Клодель.

Вообще этот конфликт можно описывать очень долго и детально, доискиваясь до его первопричин, анализируя отдельные слова и фразы. Конечно, у любого конфликта должна быть конкретная причина. Но главное здесь состоит не в какой-то одной причине, а в самой неизбежности столкновения этих двух ярких и незаурядных характеров. Рано или поздно конфликт должен был произойти. Гораздо интереснее другое – то, что связь Камиллы и Родена, этих двух людей столь бурного и столь несхожего темперамента, продлилась так долго. Около пятнадцати лет. Даже в масштабе человеческой жизни срок немалый…

Краткий анализ их отношений дает нам Рэн-Мари Пари:

«Какой итог можно подвести отношениям этой пары, если опираться лишь на скудные документы и отказаться от соблазна что-то домыслить и дать волю воображению – то есть не впутывать в дело свои фантазии, не имеющие ничего общего с исторической истиной?

Вывод первый: на сегодняшний день у нас нет доказательств, что Камилла питала к своему учителю то, что называют страстью. Ни одного пылкого, восторженного письма, ни одного свидетельства, что она вела себя словно околдованная, да и позднее она не выглядела оглушенной или потерянной, что можно было бы считать проявлением сердечной муки, глубокого чувства. Напротив, все наводит на мысль, что в привязанности Камиллы, вопреки ее пылкому темпераменту, было нечто рассудочное и рассчитанное, что свою роль сыграли соображения честолюбия. Нет сведений и о том, чтобы этот пылкий темперамент нашел для себя иной выход.

Бытовая и общественная ситуации тоже не благоприятствовали тому, чтобы роман их был полнокровным и длительным. Камилла жила наполовину в семье и обманывала родных. В те времена считалось немыслимым, чтобы девушка из буржуазной семьи стала признанной содержанкой сорокалетнего «развратника». Это называли распутством, и, судя по письмам, которые много позже мадам Клодель-мать писала своей душевнобольной дочери, Камилла долго маскировала свое «падение» искусно выстроенной системой лицемерия: не она ли принимает в доме у собственных родителей в Вильнёве месье Родена с супругой – Розой Бёре. И Роза пребывает в не меньшем неведении, чем Клодели, относительно греховной идиллии учителя и ученицы […]

Вывод второй: отношениям Камиллы и Родена недоставало простоты и равенства, того, что служит основой глубокой и прочной привязанности между людьми незаурядными. Камилла называла Родена «месье Роден», равно как и Роден свою ученицу – «мадемуазель Камилла»: признак своего рода кастовой границы. Они не жили по-настоящему вместе, довольствуясь тайной связью. Немногочисленные письма Камиллы к любовнику, которыми мы располагаем, свидетельствуют более о кокетстве, чем об истинном чувстве […] Чувству Камиллы – во всяком случае, многое на это указывает – недостает безрассудства, ослепленности. Совершенно очевидно: Камилла с самого начала ясно видела все слабости Родена. Ее рисунки-шаржи, дошедшие до нас, беспощадны; между тем они сделаны до разрыва, до того, как она почувствовала презрение к нему, что можно считать первым шагом к ненависти».

…

«Поиском любви, ее слов и жестов – всего, чего ей так не хватало в жизни, – стало для Камиллы искусство; для нее действовать – значит ваять, ваять, чтобы жить, чтобы обрести себя и найти общий язык с другими. И вся ее юность, богатая свершениями, являла собой еще и борьбу между волей и тем, что досталось ей в наследство».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

Анализ внучатой племянницы Камиллы Клодель очень спорен и субъективен, и мы привели его лишь для того, чтобы показать, как несправедлива может быть одна женщина к другой.

Ну что, например, такого в обращении «месье Роден» и «мадемуазель Камилла»? Многие люди, даже много лет живущие в счастливом браке, обращаются друг к другу по фамилии – это стало чуть ли ни модным.

* * *

«Роден, – утверждает Рэн-Мари Пари, – питал к своей ученице сильнейшую привязанность». Переписка его с Джесси Липскомб (подругой Камиллы, с которой они вместе снимали мастерскую) в этом смысле весьма показательна, хотя использовать ее трудно: письма не всегда четко датированы, некоторые утеряны, многие места неразборчивы.

Из этих писем действительно видно, что Роден был обеспокоен душевным состоянием Камиллы.

Например, в 1886 году он писал Джесси:

«От моей милой англичанки нет никаких известий […] Пришлите мне ваши фотографии. Обращаюсь с этой просьбой к вашей несравненной доброте, пусть мадемуазель Камилла и вы будете рядом, и в то же время пусть ваши прелестные индивидуальности сохранятся во всей своей цельности […] Постарайтесь, чтобы ваша подруга не была такой ленивой».

* * *

А еще Рэн-Мари Пари пишет:

«Даже не очень любя такое трудное для восприятия искусство, как скульптура, нельзя избежать сопоставления работ Камиллы с заслонившим их творчеством Родена».

Очень верное утверждение. Тем более что ни для кого уже не секрет, что Камилла «приложила руку» ко многим произведениям Родена. Разглядывая «Врата ада», любой специалист по творчеству Камиллы Клодель легко узнает ее работу: где руку, где ногу, где торс. Это и неудивительно при той родственности стиля, что существовала между ними на протяжении нескольких лет. Но даже если не опускаться до подобных мелочных подсчетов, одна работа Камиллы не может не вызвать недоуменных вопросов. Это «Девушка со снопом» 1890 года.

«Девушка со снопом» – настоящая сестра-близнец созданной примерно в то же время «Галатеи» Родена. Те же сжатые колени, та же правая рука на плече, тот же наклон головы, та же челка, закрывающая лоб. А между тем, почти натуралистическая

простота этой девичьей фигуры как нельзя более клоделевская, в ней нет и следа присущей Родену напряженности. К тому же известно, что сам Роден не любил работать в мраморе, тогда как Камилла была в этом превосходным мастером: так кто же вдохновитель и исполнитель роденовской «Галатеи»? Вопрос, как говорится, риторический.

Во все тех же «Вратах ада» один из персонажей группы «Скупость и роскошь» являет собой точную копию «Этюда мужской головы» Камиллы, а одна из фигур, бронзовый эскиз которой выставлен в музее Родена под названием «Крик», кажется вышедшей прямо из рук Камиллы. И перечень подобных заимствований, указывающих на то, что учитель использовал ученицу, можно продолжать и продолжать.

Грань, за которой помощь в работе превращается в нечто совсем иное, тонка. Очень часто «помогающего» становится трудно отличить от «делающего всю работу». Можно только догадываться, что испытывала Камилла, видя, как ее идеи плавно трансформируются в Великие Творения Родена. Наверняка мысль о том, что без нее он этого не добился бы, уже не раз приходила ей в голову. И ей нужна была за это хотя бы его благодарность. А может быть, и благодарности (ее она так особо и не дождалась) ей уже было бы мало? Не мечтала ли она о равных с Роденом лаврах?

Подобные мысли обычно женщину до добра не доводят. Вот Роза Бёре и подобные ей прекрасно это понимают. Представим ее на месте Камиллы. Представим, что ей чудом перепала пара листочков с лаврового венца «ее мужчины». Что бы она сделала? Без сомнения, добавила бы их в суп, который ежедневно для него готовила. Камилле же такое и в голову не могло прийти. Ей нужно было все и сразу.

По этому поводу Рэн-Мари Пари очень верно подмечает:

«В области творчества между Роденом и Камиллой установилась своего рода общность имущества – но именно она в момент раздела сделалась поводом для ссор. Никто из них не измерял свою долю в совместном владении, пока не начались конфликты».

Всем известно, в какую проблему превращается так называемое «совместно нажитое имущество» при разводе. И здесь совсем не важно, что в период совместного проживания один участник конфликта в поте лица зарабатывал деньги, а другой сидел дома. Имущество ведь «нажитое», а не «заработанное», и попробуй тут разберись, кому что принадлежит. Вот никто и не разбирается. Имущество просто берут и делят пополам. Сколько смертельных обид оставила после себя подобная дележка…

Драма Камиллы и Родена заключалась, как это ни парадоксально звучит, в их духовной общности. Такая общность, по логике, должна была бы привести к общности в жизни, но этому мешала борьба характеров, их «война до победного конца» за первенство в творчестве, приведшая их, в конечном итоге, к обоюдному бесплодию. Таков вот был парадокс их связи.

* * *

Те, кто общался с Роденом в пору его разрыва с Камиллой, утверждают: он и не скрывал той неисцелимой раны, что будет терзать его до самой смерти.

Бедная Камилла! Какое в столь юном возрасте нужно было иметь мужество, чтобы решиться не только покинуть родной дом, но и безнадежно выпасть из «респектабельно-благопристойных координат», в которых проходила ее прежняя жизнь. Ведь, став скульптором и приобщившись к жизни богемы, она уже одним этим нарушила все тогдашние каноны поведения. И она оказалась как бы вне закона, вне сочувствия и понимания.

Пока она верила в свое высшее предназначение, пока не была обманута Роденом, она удивительно легко и гордо шла по жизни навстречу своему призванию. Но такая цельность обычно сжигает за собой все мосты и очень часто оборачивается отчаянием и растерянностью, стоит лишь исчезнуть вере, которая поддерживает и движет вперед.

В музее Родена в Париже невозможно отделаться от мысли, как порой тяжеловесен мастер, как приземленны почти все его реалистические работы. И невольно думается, что он так навсегда бы и остался безнадежным реалистом, если бы в его жизнь не ворвалась мятежная Камилла, которая словно оплодотворила его творчество своей страстью, а потом сама сгорела в пламени этой страсти.

Зададимся вопросом: а так ли уж гениален Роден и только ли просто талантлива Камилла Клодель? Эти мысли невольно приходят на ум, когда находишься в одном из центральных залов музея Родена, полностью отданном работам Камиллы.

...

«Для художника все прекрасно, потому что в каждом существе, в каждой вещи проницательный взор его открывает характер, то есть ту внутреннюю правду, которая просвечивает сквозь внешнюю форму. И эта правда есть сама красота. Благоговейно изучайте ее, и в этих поисках вы непременно найдете ее, обретете истину».

(Огюст Роден)

* * *

Камиллу знали все видные критики того времени – Гюстав Жефруа, Матиас Морхардт, Октав Мирбо, Роже Маркс. И они отнеслись к ней очень благосклонно.

Тот же Мирбо, кстати, первым, говоря о Камилле, употребил слово «гений». Сравнивая ее творчество с творчеством Родена, он констатировал:

«Месье Роден лишь будоражит общество, Камилла – взрывает его устои. В ней есть революционный заряд».

А еще он утверждал:

«Мадемуазель Клодель – одна из наиболее интересных художников нашего времени. Огюст Роден может гордиться такой ученицей».

* * *

А тем временем налаженная жизнь сорокавосьмилетней Розы Бёре продолжала разваливаться с угрожающим треском. Ее благоверный оказался гнусным изменником. Подумать только, он уже много лет спал с этой своей «гениальной ученицей», с этой Камиллой Клодель…

Вплоть до недавнего времени жизнь Розы казалась ей вполне сносной. В доме царили тишина и согласие. И происходило это не само по себе: для этого Роза из кожи вон лезла, проявляя самые лучшие свои качества.

В глазах общества Роден всегда был примерным супругом (многие даже не догадывались, что официально они не были женаты): он не орал на нее, не бил, не напивался. Он достаточно

регулярно и честно исполнял свои супружеские обязанности, и Розе оставалось лишь притворяться, будто она исполняет свои. Конечно, сорок восемь лет – это не весна любви, но все, по крайней мере, внешне должно было быть, как у людей.

Конечно, кое-что она могла сделать – например, позволить вновь обмануть себя, как уже бывало не раз и не два. Или не позволить. Она могла даже подать на развод. Но, черт, какой развод, если они даже не были женаты. А ведь она уже так свыклась с мыслью, что она – жена Родена, что даже позабыла, что формально он был человеком свободным и имел полное право на то, о чем многие женатые мужчины не смеют и думать…

* * *

Осенью 1893 года Роден занял место президента Национального общества изящных искусств. Чрезвычайно довольный он прибежал к Камилле, чтобы поделиться с ней своей радостью, но она встретила его весьма холодно и заявила, что он должен наконец сделать выбор. Роден сразу понял, о чем идет речь, но в очередной раз стал бормотать что-то неопределенное. И Камилла вдруг поняла, что ничего не изменится, ничего не произойдет. Что он убил ее вместе с несбывшимися мечтами, неисполненными надеждами, убил своей ложью им обоим, но, прежде всего, самому себе. Это были такие мучения, через которые ей пришлось пройти, и больше она не хотела испытать ничего подобного. Из-за кого бы то ни было. А тем более из-за него.

А после этого Камилла ушла от Родена. Но это не означает, что, поселившись в доме 113 на Итальянском бульваре, она порвала с ним окончательно. Просто она отказалась жить вместе с ним. Время от времени она виделась с Роденом, выезжала с ним на загородные прогулки, спрашивала у него совета. Но это, естественно, ни к чему не привело – Роден так и не решился покинуть свою старую спутницу жизни Розу Бёре.

* * *

В этот непростой период времени в жизнь Камиллы ярким пятном вклинился один любопытный эпизод, давший немало пищи воображению парижской публики. Речь идет о связи Камиллы с великим композитором Клодом Дебюсси. Впрочем, «связь» – это, пожалуй, термин слишком упрощенный и

рассудительный. С другой стороны, термин «дружба» – слишком нейтральный.

…

«Теряя Родена, Камилла теряла защиту, ту незримую китайскую стену, что ограждает тайные области души. Все рушилось, открывая доступ стихии бессознательного».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

Полюбили ли они друг друга? Точно этого не знает никто. Что касается Дебюсси, то он в промежутках между занятиями музыкой ухитрялся жить и с Габриэль Дюпон, и с Терезой Роже, и еще с двумя-тремя женщинами одновременно. Ему, как говорится, было не впервой. Камилла же, мучаясь от бессилия что-либо изменить, горела желанием отомстить Родену…

Биограф Камиллы Анн Дельбе утверждает:

«Клод стал ей близок, как брат […] Они встречались часто, по сути, не расставались. Рядом с Клодом Дебюсси Камилла снова почувствовала себя молодой».

Он водил ее к своим друзьям, познакомил со всей тогдашней элитой мира искусства. С ним было легко и интересно. Он быстро стал центром и смыслом ее существования.

Окончательный разрыв Камиллы и Родена биографы часто связывают с этой краткосрочной идиллией, объясняя уход Камиллы ревностью Родена. Да, он был далеко не ребенок и быстро понял, что в жизни Камиллы кто-то появился. Да, его ревность была настолько сильна, что он физически ощущал ее, как будто какое-то невидимое чудовище вырывало клочья из его сердца…

Но понимал он и то, что сам виноват в происходящем. Ведь

он сам вынудил Камиллу так повести себя. Ведь это он обманул ее. Она любила его, но он отверг ее любовь…

* * *

А в 1891 году Клод Дебюсси и Камилла Клодель вдруг перестали встречаться. Почему? Загадка. Композитор, видимо, тяжело переживал этот разрыв. Так, по крайней мере, можно заключить, читая его горестное письмо своему другу Роберу Годе от 13 февраля 1891 года:

«Конец этой истории, о которой я вам рассказывал, подтвердил печальные ожидания; банальный конец, с анекдотами, со словами, которые никогда не должны были бы прозвучать. Я заметил странное явление, своего рода транспозицию: именно в тот момент, когда с ее уст слетали самые жестокие слова, я слышал в себе то несравненно восхитительное, что она говорила мне прежде! И фальшивые ноты (увы, подлинные!), сталкиваясь с теми, что пели во мне, раздирали мне душу так, что я переставал что-либо понимать.

Потом понять пришлось, и я оставил немалую часть себя на этих шипах, и долго предстоит мне восстанавливать рабочую форму в искусстве, которое исцеляет все! […]

Ах! Я по-настоящему любил ее, и любил с еще более горестным пылом оттого, что чувствовал по явным признакам: она никогда не согласится отдать кому-то всю душу, и сердце ее всегда выходило неуязвимым из любых испытаний на прочность! Теперь остается узнать, было ли в ней то, чего я искал! Или в ней вообще ничего не было!

Несмотря на все, я плачу об утрате этой Грезы Грез».

Эти слова как нельзя полнее подводят итог любовному приключению двух молодых художников – этих двух неприкаянных душ и израненных сердец. Во всяком случае, Дебюсси до самой смерти держал у себя в кабинете на камине ее скульптурную композицию «Вальс», попавшую к нему так и не установленным путем [19] .

* * *

В 1893 году Роден с Розой перебрались жить на улицу Скриб в Белльвю, а в 1896 году он арендовал виллу в юго-западном пригороде Парижа Мёдоне.

Но и там он никак не мог забыть Камиллу. В глубине души он

надеялся, что она вернется.

Но она не возвращалась. И тогда Роден придумал для себя спасительную формулу: амбициозной Камилле просто не хватило терпения. Вот строки из его письма тех лет, которые, увы, стали пророчеством:

«Я уверен: она будет несчастна, узнав жизнь, сожалея и плача, осознав, что стала жертвой собственной творческой гордыни».

* * *

А Камилла решила, что она еще достаточно молода, она еще может попытаться вступить в новый этап независимого творчества, и она начала работать не покладая рук, работать, как одержимая. Она похудела и поменяла прическу. Она стала совсем другой.

...

«Определяющее влияние на творчество Камиллы Клодель оказала флорентийская школа; так были заложены основы, позволившие ей позднее сопротивляться чарам Родена».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

Она не имела никаких дел с Академией, и ее талант совершенствовался как бы сам собой. Что же касается роденовского стиля, то теперь она отчаянно старалась порвать с ним, ведь именно он играл для нее, не знавшей других влияний, роль академического.

Рэн-Мари Пари по этому поводу задается вопросом:

«Такой разрыв требовал отваги, которой нельзя не восхищаться. Он требовал отваги интеллектуальной, а также душевной и физической. Но не переоценила ли она свои силы?»

* * *

Камилла жила одна в доме на Итальянском бульваре. Квартира эта была ей одновременно и мастерской, и спальней, и гостиной, и кухней. Единственная мебель – кровать и стул. В ее волосах появилась первая седина, черты лица заострились. Работы продавались плохо. Да и какие могли быть возможности стать «покупаемым автором» у одинокой женщины, лишенной средств к существованию? Ведь даже Родену понадобилось не одно десятилетие, чтобы его признали Великим. А ведь он был не один. Сколько в его скульптурах было заложено ее труда, сколько замыслов, принадлежавших ей?!

Окружающие очень скоро заметили, что Камилла стала другой – молчаливой, замкнутой, неулыбчивой. Все, кто знал ее раньше, с грустью отметили эту перемену, но об истинной причине перемен они могли только догадываться.

Глядя на Родена раньше, Камилла не могла определить, чего было больше на самом деле – любви, уважения или зависимости. Так или иначе, теперь она полностью освободилась от этого чувства. Да, она признавала его талант и продолжала ценить его как мэтра, но как человек он не вызывал больше у нее никакой симпатии. Его энергетика, его слепой эгоизм и холодная воля раньше подавляли ее, мешали ей развиваться, но теперь она не намерена была их больше терпеть.

Она вдруг поняла, что Роден никогда не интересовался ею как личностью. Да, он не раз говорил ей, что она неотделима от его скульптур, и в этом смысле он не мог без нее обойтись. Но это было совсем не то, что было нужно ей самой. Он разрушил ее жизнь. И как она могла быть так очарована им? Хотя, с другой стороны, а кто она такая? Ученица и модель, которая спала с Роденом… Одна из многих…

Рэн-Мари Пари констатирует:

«Для публики личность и искусство Камиллы Клодель едва ли отделимы от личности и искусства Огюста Родена; это рукав могучей реки, чуть отклонившийся от основного русла и иссякший в песках».

Страдая от подобных мыслей, Камилла написала своему другу Матиасу Морхардту:

«Месье Роден осведомлен, что злые языки осмеливаются

утверждать, будто бы он – автор моих работ. Зачем же совершать поступки, которые могут подкрепить эту клевету? Если месье Роден действительно желает мне добра, у него есть все возможности сделать это без того, чтобы возбуждать подозрения, что успехом моих произведений, над которыми я столь напряженно тружусь, я обязана его советам и его вдохновению».

* * *

Один из исследователей творчества Камиллы Клодель Брюно Годишон отмечает:

«Существует мнение, что Камилла Клодель многим обязана своему учителю Огюсту Родену. Однако если констатировать факты, особенно касающиеся работ, задуманных до 1893 года, придется обозначить границы этой зависимости».

После ухода от Родена она начала активно работать «на себя». Анализируя ее творчество, тот же Брюно Годишон констатирует:

«В карьере художницы доминируют четыре направления: натурализм, анекдотизм, театральность и традиционализм. В некоторых произведениях эти параметры сочетаются, но их значение меняется в разные периоды жизни Камиллы Клодель».

В 1895 году она представила в Салоне на Марсовом поле своих знаменитых «Сплетниц». Брюно Годишон по этому поводу пишет:

«Мы не знаем никакого скульптурного эквивалента «Сплетницам»… Камилла демонстрирует гениальное мастерство при создании миниатюрных сцен из материалов, очень трудно поддающихся обработке, например из оникса».

В своей статье в журнале «Меркюр де Франс» (Mercure de France), опубликованной в марте 1898 года, Матиас Морхардт назвал «Сплетниц» шедевром. Он написал:

«Встреча с четырьмя женщинами, сидящими напротив друг друга в тесном купе железнодорожного вагона и обсуждающими бог весть какой увлекательный сюжет, натолкнула ее на мысль о потрясающем шедевре: речь идет о «Сплетницах» […]

Думаю, я не ошибусь, если скажу, что ни одно произведение современного искусства не поднимается по силе воздействия до уровня «Сплетниц». Мне кажется, по меньшей мере, что никто другой не передавал еще драматическую ситуацию с такой спонтанностью, простотой и прозрачностью. Кроме того, среди известных нам мастеров мы никого не можем назвать предшественником Камиллы Клодель. Ее творения не являются

развитием чьих-либо известных идей, не подкрепляют уже сложившихся привычек восприятия, их родословная таинственна, и, тем не менее, следуя неизъяснимому и внезапному импульсу воли гения, они являются на свет. Так и «Сплетницы»: они определенно существуют, вот и все».

Сама Камилла очень гордилась этой своей работой и сделала несколько ее повторений: в гипсе, в мраморе, в зеленоватом ониксе. По поводу этой работы писала своему брату:

«Ты видишь, что это все не в духе Родена».

За «Сплетницами» последовала композиция «Камин», иначе называемая «Глубокая задумчивость», «Поющий слепой старик» и многие другие работы.

* * *

Пустоту души может наполнить лишь работа. К тому же нужно было наверстывать упущенное время. И Камилла работала не покладая рук, лепила, делала эскизы; тем более что время на это у нее теперь было.

...

«Всякая жизнь возникает внутри себя, но затем развивается, раскрывается изнутри вовне. Равным образом и в хорошей скульптуре всегда угадываешь сильный внутренний импульс. В этом секрет античного искусства».

(Огюст Роден)

Анализируя эти работы, Брюно Годишон пишет:

«Новый выбор, сделанный художницей примерно в 1895 году, объясняется стремлением быть независимой от стиля учителя».

Работы Камиллы этого периода и впрямь свидетельствуют о том, что она выработала собственную классическую манеру, а это

стало залогом успеха у публики, обожающей правильные пропорции и прихотливо зашлифованные изгибы. Но, к сожалению, этот ее «коммерческий» взлет был вскоре остановлен набиравшей силу болезнью.

Все, кто ее знал, в один голос изображают Камиллу того периода затворницей, напряженно работающей и избегающей света. Вплоть до того, что Матиас Морхардт заявил даже, будто весь круг ее общения ограничивался чуть ли ни одной консьержкой.

Она почти не путешествовала. Никаких выдающихся событий, никаких любовных связей…

А что же Роден? Он все отдалялся и отдалялся от Камиллы, захваченный водоворотом славы, званых обедов, официальной карьеры. Но окончательно их отношения оборвались лишь через два года. И это был конец – окончательный и бесповоротный.

* * *

Очень скоро Камилла практически впала в нищету, и ее переписка была наполнена просьбами о помощи и обращениями за ссудами. А какие, собственно, могли быть еще возможности заработать у одинокой женщины? Отливать работы в бронзе – это стоило слишком дорого. Иметь по несколько копий своих лучших работ для продажи она тоже не могла себе позволить.

…

«Я – как Ослиная Шкура или Золушка, обреченная стеречь золу у очага, но не надеюсь на появление феи или Прекрасного принца, которые превратили бы мою одежку из шкуры или золы в платье цвета времени».

(Камилла Клодель)

Таким образом, положение Камиллы становилось все более

удручающим: счета за квартиру, счета за материалы. Все-таки не самое дешевое она себе выбрала ремесло. Рэн-Мари Пари в связи с этим совершенно справедливо отмечает:

«Сколько, в самом деле, расходов связано с ремеслом скульптора! Надо оплачивать не только мастерскую и исходное сырье, но также исполнителей и литейщиков. Крупная работа требует от 1500 до 1800 франков в год: глина, арматура, лепка – 600–800 франков; натурщики – 400–1000 франков. Исполнение в мраморе требует больших расходов; хороший итальянский мрамор стоит от 1500 до 2000 франков за кубометр, а на сидячую фигуру в человеческий рост требуется два кубометра».

Все это сумасшедшие цифры. Для сравнения можно сказать, что на Итальянском бульваре в доме 27 находились китайские бани, считавшиеся во второй половине XIX века роскошным местом отдыха парижан. Так вот, входной билет стоил около 30 франков, и туда, по свидетельствам современников, ходили только богачи. С другой стороны, можно привести такие цифры: в 1903 году на аукционе было продано десять картин знаменитого художника Поля Сезанна, и предлагаемые цены колебались между 600 и 4200 франками; Моне стоил 2805 франков, Писсарро – 900 франков, а некий Деба-Понсан – 350 франков, но последний при этом был счастлив.

Камилла влезла в долги, стала подвергаться преследованиям, вплоть до суда: по приговору с нее должны были взыскать 200 франков в возмещение ущерба и проценты, и она, чтобы расплатиться, вынуждена была взять их в долг у знакомого, который заподозрил, будто она содержит промотавшегося любовника.

* * *

Камилле приходилось зарабатывать на жизнь прикладным искусством, изготовляя модели предметов обихода, например ламп или пепельниц, что в ремесленном плане связывает ее со стилем модерн. Эти модели были анонимными, и идентифицировать их сейчас практически невозможно.

Однако нельзя сказать, что она пребывала в полной безвестности. Напротив, ее репутация становилась все выше и выше. Почти каждый год она выставляла свои работы: то в Национальном обществе изящных искусств, то на Осеннем салоне или Салоне независимых, то в галерее известного торговца и ее друга Эжена Бло. Выставлялась она не только в Париже, но и за границей: в Брюсселе, Женеве, Риме…

Одна из ее работ («Гамадриада») была представлена на Всемирной выставке 1900 года. А это считалось огромной честью. Там она оказалась в соседстве с Роденом, который выстроил на собственные средства целый павильон для своих работ.

Но, к сожалению, денег это все приносило крайне мало: практически все, что она зарабатывала, уходило на инструменты, гипс, мрамор и литье.

К сожалению, никто не приходил в ее мастерскую, а сама она все реже и реже где-то появлялась. Усугубляло ее положение и то, что все думали, что у нее не должно быть материальных проблем, если она так знаменита. Никому и в голову не могло прийти, что Камилле Клодель иногда бывает нечего есть и нечем развести огонь, чтобы обогреть свое жилище.

Вниманием критики она не была обделена: Гюстав Жеффруа регулярно посвящал ей целые статьи в обозрении «Артистическая жизнь» (La vie artistique).

В октябре 1897 года в «Ревю идеалист» (La revue idéaliste) о ней появилась прекрасная статья Анри де Брена. Это была более чем критика – это был портрет.

В марте 1898 года верный Матиас Морхардт, в то время главный редактор газеты «Время» (Temps), опубликовал в журнале «Меркюр де Франс» (Mercure de France) свое похвальное слово Камилле Клодель. Это был более чем портрет – это был дифирамб.

Матиас Морхардт, в частности, писал:

«Ни усердием, ни изысканиями, ни волшебством нельзя объяснить, как она достигла такого результата. Ее создание обладает властной силой, проистекающей лишь из его собственных достоинств. Оно живет и будет жить вечно. Моделировка форм и изобретательность техники говорят о неисчерпаемой энергии. Даже в том, с какой верностью и уважением воспроизводит художница строение человеческого тела, сказывается неведомое доселе величие и свобода. Воистину, чем больше смотришь на ее работы, тем больше любишь и понимаешь, тем сильнее чувствуешь, что очарованную душу нашу пьянит аромат истинной Красоты».

В журнале «Фемина» (Femina) в 1903 году Габриель Реваль назвал ее величайшим скульптором Франции.

Но это не принесло ей особого дохода. Конечно, признание специалистов – это высшая награда для художника, но признание не всегда напрямую связано с деньгами, а из одного признания и благодарности потомков супа не сваришь. Художнику нужны деньги, очень много денег. И не только для того, чтобы хорошо одеваться и питаться. Деньги нужны, чтобы исполнять то, что он

придумал. Деятельность же скульптора особо дорогостоящая. Для искусства скульптуры – настоящего, мощного, бескомпромиссного – нужны материальные условия, в противном случае ничего другого не останется, как торговать на рынке пепельницами да фарфоровыми собачками.

...

«Когда она получает какие-нибудь деньги, она приглашает кучу незнакомого народа и всю ночь они у нее поют и веселятся, как малые дети. Не был ли это знак, что немного помощи, радости, дружбы еще могло бы – кто знает! – спасти ее?»

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

* * *

Камилла была очень далека от того, чтобы считать себя счастливой. Да, теперь она наконец сделалась независимой, но при этом она все чаще чувствовала себя лишенной чего-то главного, без чего нельзя жить. Она знала, что чувство это кроется в ней самой, и с горечью осознавала, что избавиться от него она уже не в силах. Да, она была известным скульптором, но это не принесло ей желаемого счастья. Она вспомнила крошечную мастерскую, которую она снимала вместе с тремя такими же, как она, начинающими художницами. Вспомнила свою лучшую тогда подругу Джесси Липскомб.

Она ожидала, что мысль о Джесси ободрит ее. Так было всегда: стоило ей подумать о подруге, и сердце сразу наполнялось

радостным волнением. Однако теперь этого почему-то не произошло.

Тогда у нее не было ничего – ни дома, ни денег, ни славы, но она чувствовала себя богатой, весь мир принадлежал ей.

«Я была счастлива тогда и только тогда», – подумала она и нахмурилась, досадуя на себя за то, что снова поддалась воспоминаниям.

* * *

От помощи, которую ей предлагал Роден, она продолжала отказываться. В такие минуты у нее начиналась истерика. Волны злобы и зависти, исходившие, как ей казалось, от Родена, обволакивали ее со всех сторон. Они были почти осязаемы, они душили ее, мешали думать.

Однажды он пришел к ней, но она не открыла дверь.

– Камилла, – кричал Роден, зная, что она его слышит, – ты можешь получить большой заказ. Камилла! Не хочешь видеть меня? Прости меня. Ну же, открой!

Она не открыла и не простила. И никогда не простит.

Результат этого сформулирован у Рэн-Мари Пари:

«Удары судьбы, сокрушившие Камиллу Клодель, не были искуплены признанием потомков. От ее бедной и одинокой жизни остались разрозненные работы, прозябающие в малопосещаемых провинциальных музеях, в запасниках, в частных коллекциях, закрытых для исследователей и публики. Многие ее произведения пропали бесследно и могут обнаружиться разве что случайно – щемящий пробел в итогах и без того краткого творческого пути».

Сохранились такие строки из одного из писем Камиллы:

«Я – Золушка, которая, увы, более не надеется на появление ни прекрасной феи, ни сказочного принца. Стоило так много работать, обладая талантом, чтобы получить такую «награду»? Нет ни гроша. Я лишена всего, что делает жизнь счастливой».

От недостатка сил, от отчаяния ее рассудок все больше затягивала мутная пелена. Единственный ее друг, брат Поль (он был дипломатом), находился за пределами Европы, в Китае.

Творческий огонь в душе Камиллы постепенно угасал. Не успев закончить работу, она тут же разбивала начатую фигурку. Таких осколков с каждым днем становилось все больше и больше. Вскоре они покрыли собой весь пол. Повсюду царил хаос. Ее подавленность, обреченность невольно передавалась вещам, которые покрывались паутиной.

Суть происходившего с Камиллой очень верно выразила Рэн-

Мари Пари:

«Ее история должна привлечь большое внимание уже потому, что это история женщины, которая погибла из-за стремления порвать путы женского удела. Но раз она могла так страдать из-за мужчины, не доказывает ли это, что она была предельным воплощением своего пола? Запредельным – если вспомнить, что жила она в эпоху, когда женщине позволялось быть лишь супругой, матерью либо монахиней… Провинциалка без связей, без поддержки, она только и могла, что получить все от мэтра в обмен на полную самоотдачу. В этом обмене – тайна ее гения. Когда обмен прекратился, все рухнуло».

* * *

Все свидетельства и документы говорят об усугублявшемся душевном расстройстве, о прогрессирующей депрессии. Камилла не открывала ставни и редко выходила из дому. И во всех своих муках она винила того, кого, возможно, еще не перестала любить.

Через два года после расставания с Роденом Камилла переехала с Итальянского бульвара. Год она жила в доме 63 на улице Тюренн, а потом, в 1899 году, переселилась в дом 19 по набережной де Бурбон. Она поселилась на острове Сен-Луи в маленькой двухкомнатной квартирке, пытаясь сэкономить на всем. В этой темной квартирке, столь же неустроенной, сколь и загроможденной, ей суждено было прожить до 1913 года.

С другой стороны, из ее нового жилища открывался чудесный вид на Сену. Ей было удобно жить здесь: крошечная спальня и гостиная, кухня, небольшое окно, выходящее на набережную, на подоконнике которого она иногда сидела, нежась на солнце. Поразительно, как легко она привыкла жить одна.

…

«Искусство – прекрасный урок искренности. Подлинный художник всегда выражает то, что думает, не боясь растоптать

существующие нормы. Тем самым он учит искренности себе подобных».

(Огюст Роден)

Все еще красивая и стройная в 1897 году, на фотографиях 1899 года она предстает отяжелевшей, постаревшей, выглядящей много старше своих тридцати пяти лет.

Депрессивное состояние усугублялось профессиональным кризисом. Камилле казалось, что она топчется на месте. Несмотря на успех «Сплетниц», ей так и не удалось убедить широкую публику (несколько профессиональных и хорошо относившихся к ней критиков не в счет), что она не вечная ученица и последовательница Родена, что отныне в искусстве она сама по себе. Во всех работах этого времени угадывается ее мольба о настоящем признании, но оно никак не приходило.

Неужели правы те, кто говорит, что лишь мужчина является значимым источником и объектом оценки и критики, тем, кто и кому «выставляют баллы» за талант и оригинальность? Почему, скажите на милость, идея самостоятельности женщины столь непривлекательна?

Крупные заказы Камилле не перепадали. Шли разговоры о том, чтобы поручить ей создание памятника писателю Альфонсу Доде и революционеру Луи-Огюсту Бланки, но на деле ничего из этого так и не вышло. Поневоле задумаешься о чудесных творениях, которых лишил нас антифеминизм той эпохи. Натура менее независимая, менее честолюбивая, чем Камилла, удовлетворилась бы заработками с частной клиентурой, но ею двигала вера в свой гений.

Однако манию преследования, постепенно овладевавшую Камиллой, нельзя объяснить только одиночеством, незаслуженным прозябанием в тени и уязвленным самолюбием. Рэн-Мари Пари по этому поводу отмечает:

«Образ преследователя воплотился для нее не в публике, не в критике, а в Родене – всегда и только в Родене под тысячью демонических личин. Ее натурщики, исполнители, почитатели, литейщики, родственники – все в этом бреду становились соучастниками заговора, имеющего единственной целью украсть ее идеи, воспользоваться ими, уничтожить дело ее жизни. Какие-то путеводные нити в лабиринте этой смятенной души нам дают документы – письма самой Камиллы, а также некоторые воспоминания, особенно Поля Клоделя, чья ненависть к Родену в такой перспективе становится понятной».

Но Роден, понятное дело, был уже очень далек от всего того,

что приписывало ему болезненное воображение Камиллы. Он просто-напросто стал избегать ее.

* * *

Есть две гипотезы: одни считают Камиллу клинической сумасшедшей, а ее всевозрастающую ненависть к Родену – патологическим симптомом; другие видят в ней жертву маниакального невроза, искажающего и преувеличивающего наблюдения и умозаключения здравого рассудка.

Как ни странно, в определенной степени правы и те, и другие. Хотя те, кто виделся и имел дело с Камиллой в то время, в частности галерист Эжен Бло и критик Анри Асслен, не берутся однозначно определить ее состояние как настоящее сумасшествие. Последний, в частности, отмечал:

«Камилла любила показываться в весьма экстравагантных нарядах и особенно любила головные уборы из разноцветных перьев и лент. Это потому, что этой гениальной художнице была свойственна некоторая чрезмерность, что-то неистребимо детское».

…

Была я счастлива, была прекрасней всех, но вдруг
Как зеркало разбилось все как если б день единый
возвестил,
Что умерло среди слепых воспоминанье.
(Поль Клодель. «Золотая голова»)

Но чего стоит мнение друзей, общавшихся с ней эпизодически, против показаний соседей и медиков? И все же, прежде чем описывать патологию, попробуем разобраться в ее причинах.

Почему в голове Камиллы засела мысль о «роденовском

заговоре»? Ведь не может быть и речи о фактическом воровстве или хотя бы явном плагиате со стороны великого скульптора. Истина, как всегда, намного сложнее, и она ничуть не страдает от того, что кто-то ее не признает.

Рэн-Мари Пари пишет:

«Навязчивая идея кражи и плагиата – это искаженная психозом версия подсознательного убеждения: она отдала Родену часть своего таланта, и уже ничего нельзя забрать обратно. Все исследователи творчества Родена знают: новый стиль открылся у него в 80-е годы – именно тогда, когда в жизни его появилась эта девушка».

Ей в то время не исполнилось и двадцати, Родену же было за сорок. Сам по себе он продолжал бы двигаться вперед, в сторону обожаемого им Микеланджело, а тут вдруг совершенно внезапно в нем стало зарождаться нечто новое, и это новое после разрыва с Камиллой словно ушло в песок.

Такая взаимосвязь между страстью и творчеством у двух любовников одной профессии, работающих вместе, в одной мастерской и над одним сюжетом, подводит нас к выводу: без малого пятнадцать лет Камилла была музой и правой рукой Родена. Знаменитая роденовская фраза: «Я показал ей, где искать золото, но золото, которое она находит, принадлежит ей», в этом свете приобретает странное и символическое звучание: трудно удержаться и не перефразировать: «Золото, которое она находит, принадлежит мне».

Этот симбиоз – безусловно, единственный в своем роде в истории искусств – породил творения-гибриды. Говорят, что Камилла работала «под Родена», но точно так же какая-то часть ее творчества эхом проходит по произведениям Родена. Они вместе работали над «Вратами ада», и вплоть до 1913 года Камилла могла видеть на выставках и у коллекционеров пусть измененные, пусть увеличенные, но все те же фигуры, в работе над которыми она участвовала, замысел которых принадлежал ей или зародился благодаря ей.

От этой мысли Камилла в буквальном смысле сходила с ума. Она писала:

«Всякий раз, как я пускаю в обращение новую модель, на ней накручивают миллионы – литейщики, формовщики, художники и торговцы, а мне […] нуль плюс нуль равняется нулю. В прошлом году мой сосед господин Пикар (приятель Родена), брат инспектора полиции, проник ко мне, подделав ключ, у стены стояла моя «Женщина в желтом». После чего он сделал несколько «Женщин в желтом» в человеческий рост, в точности похожих на мою, и выставил их. С тех пор они все делают «Женщин в

желтом», а когда я захочу выставить свою, они объединятся и добьются запрета. Другой раз служанка дала мне в кофе наркотик, от которого я проспала беспробудно двенадцать часов. Тем временем эта женщина пробралась в мою туалетную и взяла «Женщину с крестом». Результат – три «Женщины с крестом».

В этой связи возникает еще один вопрос: а не странно ли, что так мало сохранилось вещей, на которых Камилла ставила свою подпись в пору работы с Роденом? Их можно пересчитать по пальцам, а между тем все очевидцы описывают, как она трудилась не покладая рук, и не над ученическими этюдами, обреченными на слом, но над серьезными произведениями. Куда же шли все плоды дней, месяцев, годов напряженной работы, как не к Родену? Но тогда ей не было до этого дела: как настоящая любящая женщина, она готова была отдать ему все – не только свою жизнь, но и свое искусство. Теперь, когда взаимообмен прервался, когда привязанность стала обращаться в ненависть, ее стала приводить в глубочайшее отчаяние уверенность в том, что у нее украли жизненную энергию, сам смысл ее существования.

А посему совсем не случайно она так болезненно воспринимала определение «ученица Родена», тогда как писалось это в похвалу. В 1902 году, например, Камилла отказалась от предложения выставиться в Праге. Она просто не хотела, чтобы ее работы экспонировались рядом с роденовскими. Тем более что, как пишет А.А. Монастырская, она уже знала, что у нее за спиной мэтр «постоянно унижал ее, скептически отзываясь о таланте своей ученицы». Устроителям выставки она сообщила:

«Конечно, в Праге, если я соглашусь выставиться бок о бок с месье Роденом, чтобы он мог, как ему того хотелось бы, изображать моего покровителя, давая понять, что мои работы всем обязаны его наставлениям, я имела бы некоторые шансы на успех, который, исходя от него, к нему бы и вернулся. Но я не в настроении и дальше позволять делать из меня посмешище этому мошеннику, этому двуличному человеку (всеобщему нашему учителю, как он утверждает), для него наипервейшее удовольствие издеваться над людьми».

Рэн-Мари Пари делает заключение, с которым трудно не согласиться:

«Видеть, как человек, которому она своим талантом помогала расти, движется к славе, в то время как ее поглощает тьма, было непосильным испытанием для этой гордой и одинокой души. Ее рассудок не выдерживает».

* * *

А Роден тем временем увлекся некоей Клер де Шуазель, эгоистичной и тщеславной интриганкой американского происхождения, движимой исключительно жаждой наживы. Она была дочерью адвоката французского происхождения. Удачно выйдя замуж, она стала маркизой, а потом герцогиней де Шуазель.

...

«Искусство – не что иное, как чувство. Но без знания объемов, пропорций, цвета и без искусной кисти всякое живое чувство будет парализовано».

(Огюст Роден)

Райнер-Мария Рильке писал, что она сделала из старости Родена нечто «гротесковое и смехотворное». Она создала вокруг него пустоту: старые друзья перестали бывать у них, ее вульгарность многих шокировала. Кошмар! Позор! Злоязычная, циничная, старая… Ее называли «та самая Шуазель». Великий Роден и она вместе – невероятно!

Так бывает. В определенном возрасте мужчины начинают забывать, что они уже не молоды и нет ничего более постыдного, чем становиться неблагоразумными стариками. Недаром столь популярна пошловатая поговорка про седину, которая в бороду, и беса, который в ребро. Герцогиня де Шуазель стала для Родена «злым гением» и, ко всему прочему, воспользовавшись его наивностью, похитила у него сотни рисунков. Родену удастся порвать с ней лишь через девять лет, после чего он вернется к своей Розе.

Эта нелепая связь Родена добила Камиллу, которой конечно же поведали о ней «доброжелатели», действующие обычно не из злости или мелочности ума, а из удовольствия, искренне считая светские сплетни острой приправой к любым разговорам. С существованием Розы она вроде бы уже почти смирилась, как смиряются с хронической болезнью, плохой погодой или вечными пробками на дорогах, но это был явно неожиданный удар. Все

можно понять, все можно простить, но только не такое.

...

«Принимайте справедливую критику. Вы легко ее распознаете. Справедлива та критика, которая подтверждает одолевающие вас сомнения. Но не поддавайтесь критике, которой противится ваше сознание».

(Огюст Роден)

* * *

1905 год. Камилле пошел пятый десяток, и ее страхи и подозрения начали превращаться в навязчивые идеи, а потом и в психоз. Ее письма к брату, которому она изливала все свои проблемы, запрещая ему, впрочем, что-либо разглашать кому бы то ни было, свидетельствуют о, безусловно, неадекватном и даже бредовом состоянии, нуждающемся в серьезном лечении.

Ее идефикс, то есть навязчивая идея, состояла в том, что Роден ее использует. При этом она уже не разграничивала произведения, которые созданы сейчас, и те, что она создавала у Родена. Была искажена перспектива времени – и это характерно для психоза. Из ее воображаемых преследователей самыми ярыми оказывались некие «гугеноты» – трансформация образа литейщика Эбрардта, занявшего в отношении Камиллы достаточно жесткую позицию, за что она считала его жуликом.

Впрочем, то, что ее работы привлекали подражателей, вполне естественно. «Сплетницы» произвели сенсацию, и в профессиональных кругах скульпторов, где с идеями во все времена дело обстояло много хуже, чем с техническими навыками, она, несомненно, обрела последователей. Человеку со здоровой психикой это, скорее, польстило бы. Но для пошатнувшегося рассудка Камиллы это была драма, тем более

что она была бедна, а на ее идеях, как она считала, наживали целые состояния. В своих письмах брату она исчисляла так называемую упущенную прибыль сотнями тысяч франков.

К материальным трудностям и навязчивым идеям добавлялась еще и семейная вражда. В Вильнёве, среди родных, где Камилла могла бы найти покой, поддержку и участие, она была persona non grata.

Брат Поль был единственным близким ей человеком, но он с 1893 по 1906 год почти постоянно находился за пределами Европы: в Соединенных Штатах, Китае, Японии, Сирии, Палестине. Домой он наведывался редко, лишь на время краткосрочных отпусков. Вынужденная разлука с братом в самый мучительный для Камиллы период ее жизни, без сомнения, тоже сыграла свою разрушающую роль. В момент, когда она особенно нуждалась если не в любви, то хотя бы в нежности, один из главных оплотов ее жизненных сил отсутствовал.

…

«Видишь ли, она прекрасна, о, ты и
представить не можешь, как она прекрасна; *<…>*
Но что в ней всего прекрасней, так это ее волосы;
они рдеют, как золото».
(Поль Клодель, «Спящая»)

К тому же, как выяснилось, Поль Клодель успел жениться, и отношения у Камиллы с его женой не сложились. А ровно через девять месяцев у них родилась дочь Мари, и Камилла поняла, что теперь все лучшее он будет отдавать им, а не ей.

* * *

В декабре 1905 года состоялась последняя большая выставка работ Камиллы у Эжена Бло. Он сам предложил ей сделать это, и открытие выставки в его галерее на бульваре Мадлен, на которую

ему удалось заполучить тринадцать работ Камиллы, было намечено на 4 декабря.

В день открытия Камиллу с трудом привели в себя, одели, причесали. Она не сопротивлялась, а лишь твердила как заведенная:

– Проследите, чтобы ЕГО туда не пускали, я этого не хочу.

Уже перед самым выходом из дома она сама напудрила себе лицо и обильно намазала щеки румянами. Это придало ее облику что-то клоунское, но спорить с ней не стали, нужно было ехать, чтобы успеть точно к открытию.

...

«Не прикасайтесь к идолам… Их позолота остается у вас на пальцах».

(Гюстав Флобер)

Камилла не могла скрыть волнения. Она то начинала что-то рассказывать о своем творчестве, то закатывалась неудержимым смехом.

Красочная афиша перед входом в галерею поразила ее. Там было написано:

...

БОЛЬШАЯ ВЫСТАВКА КАМИЛЛЫ КЛОДЕЛЬ
ГАЛЕРЕЯ ЭЖЕНА БЛО
БУЛЬВАР МАДЛЕН, 5
С 4 ПО 16 ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА

Зал уже был полон приглашенных. Со всех сторон на нее смотрели чьи-то любопытные глаза.

Эжен Бло ликовал. Все получилось как нельзя лучше. Никогда еще у него не было такого стечения публики. За продажи можно было не волноваться. Опытный коммерсант, он прекрасно понимал, что для продаж нужен скандал. Так вот же он,

достаточно было просто взглянуть на размалеванную Камиллу. К тому же она опять ухитрилась где-то выпить и теперь несла какую-то околесицу. Со всех сторон слышались осуждающе-сочувственные реплики:

– На нее страшно смотреть. Какой позор!

– Надо же понимать, она никак не может прийти в себя после разрыва с Роденом.

– Она поставила на него все, и все потеряла…

Камилла находилась в центре всеобщего внимания. Она ежесекундно с кем-то здоровалась, отвечала на чьи-то приветствия, улыбалась…

Эжен Бло оказался прав. Успех у выставки был феноменальный. Уже через неделю после ее окончания Маргерит Дюран, основательница феминистского журнала «Фронда» (La Fronde), выразила желание опубликовать посвященную Камилле статью.

Камилла была очень рада узнать об этом. Хоть какой-то луч света в ее жизни. Тем не менее, в письме к Маргерит Дюран она вновь не смогла удержаться от горьких замечаний, в которых сквозила слепая ненависть к Родену:

«Посылаю вам единственные две фотографии, которые мне удалось найти. Та, где я в большом сером плаще, довольно хорошая и еще не публиковалась. Потом, пожалуйста, верните их. Со «Зрелости» уже делали фотографии. В прошлом году к статье месье Андре Мира, вы ее там найдете, но она уже довольно известна.

В данный момент я не в том состоянии, чтобы фотографироваться, и только что переболела. Выгляжу плохо, и потом, у меня нет одежды, которая была бы мне к лицу. Забыла вам сказать, что буду в восторге, если вы дадите статью обо мне, но с непременным условием, чтобы я не оказалась в паре с другим художником или другой художницей, которых я не знаю (из числа протеже господина Родена, для которых он, как обычно, заставит меня служить буксиром). Соседство некоторых особ мне совсем не нравится.

Я счастлива была узнать от вас, что готовится нечто радостное для меня. Если бы для начала мне уплатили за государственный заказ, который вот уж неделя, как сдан, и ничего о нем не слышно, это уже было бы замечательно».

Подобный ответ – откровенная наглость. Ни один главный редактор не оставит подобное без внимания. За ним последовал закономерный результат – прошел год, а статья так и не вышла. Камилла вновь написала Маргерит Дюран, и тон этого письма был уже совершенно неприязненный:

«Я немного запоздала с ответом на вопросы, которые вы мне задавали. Во-первых, я чувствовала и до сих пор чувствую себя очень плохо. Три четверти времени провожу в постели, находя облегчение только в лежачем положении. Мне некому доверить отправку письма, так что не следует удивляться моей необязательности. Вопросы ваши мне кажутся праздными, ненужными для статьи: какая надобность знать, кто были владельцы моих статуэток.

У вас достаточно материала – то, что я вам сказала в нашу последнюю встречу, гораздо интереснее, чем все эти перечисления и ненужные подробности. Так что отвечать вам мне казалось лишним».

* * *

Камилла заперлась в своей квартире-мастерской. Но «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» – через неделю ей под дверь подсунули счет, нужно было платить за квартиру. А денег у нее не было, причем настолько, что она почти ничего не ела.

В отчаянии она начала крушить свои работы, которые никто не покупал. Хозяйка квартиры не захотела даже взять их в качестве квартплаты. Грохот бьющегося гипса был слышен по всему дому. При этом она кричала, что какие-то двое мужчин пытались взломать ставни на ее окне, и она их узнала – это были люди Родена… А он приказал им ее убить… А она ему мешает, и посему он уже давно хочет избавиться от нее…

С этими словами она упала на пол, потеряв сознание.

Мнение Анри Асслена по этому поводу однозначно:

«Мания преследования, медленно и жестоко подтачивающая ее, этой ночью пугающе продвинулась».

В целом же состояние Камиллы он характеризовал так:

«Камилла стала систематически уничтожать, разбивая молотком, все, что было создано за год. В это время ее двухкомнатная мастерская представляла собой печальную картину разрушения и опустошения. Потом она вызывала возчика, которому и поручала увезти и похоронить в каком-нибудь рву эти жалкие бесформенные обломки».

Рэн-Мари Пари характеризует ее поведение так:

«Камилла Клодель сжигала сама себя на медленном огне. Разрушив свои творения, потом внутренние источники творчества, любовные и дружеские отношения, она ничего не оставила от себя, кроме загнанной тени в темной мастерской,

ищущей безмолвия и забвения».

* * *

В воскресенье, 2 марта 1913 года, в Вильнёве умер Луи-Проспер Клодель. Камиллу известили о смерти отца телеграммой, которую почтальон равнодушно подсунул ей под дверь, но она ее не заметила, так как лежала без движения в постели. До этого она целую неделю никуда не выходила и ничего не ела, и чувствовала себя обессиленной. Соответственно, и на похоронах отца она не присутствовала.

Тогда все сочли, что Камилла просто сошла с ума. 5 марта Поль Клодель встретился с доктором Мишо, врачебный кабинет которого тоже находится в доме 19 по набережной де Бурбон. Тот выписал медицинское заключение, которое, согласно закону от 30 июня 1838 года, стало основанием для принудительной госпитализации «сумасшедшей».

...

«Предисловие, написанное Полем Клоделем для каталога выставки его сестры в 1951 году, хорошо известно: “Я так и вижу ее, эту горделивую девушку, в триумфальном расцвете красоты и гения, вижу то влияние, часто жестокое, которое она оказывала на мои ранние годы”».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

Через два дня Поль Клодель имел беседу с директором больницы Вилль-Эврар в Нёйи. Он передал ему медицинское

заключение доктора Мишо, а 10-го числа утром Камилла была госпитализирована. Происходило это так: два здоровенных санитара вломились в ее квартиру на набережной де Бурбон и силой забрали ее. Подобная поспешность в стремлении изолировать Камиллу от общества может показаться достойной осуждения, впрочем, и сам Поль Клодель писал в своем «Дневнике»:

«Камиллу поместили в Вилль-Эврар. Всю эту неделю у меня было тяжело на сердце».

* * *

Очень скоро законность изоляции Камиллы стала предметом полемики.

19 сентября 1913 года в «Авенир де л'Эн» (L'Avenir de l'Aisne), антиклерикальной ежедневной газете округа Шато-Тьерри, под рубрикой «Наши земляки» появилась следующая статья:

...

«Художник, который довольствуется точным изображением действительности и рабски воспроизводит даже самые незначительные детали, никогда не станет настоящим мастером».

(Огюст Роден)

«Творчество гениального скульптора, уроженки нашего департамента, анализирует великий поэт: таково содержание специального выпуска «Декоративного искусства» (L'Art decorative), где Поль Клодель представляет нам могучее и трепещущее внутренним светом искусство своей сестры Камиллы Клодель.

Эта удивительная художница, которую судьба с неослабевающим упорством осыпала ударами, долго дожидалась

момента, когда медлящая справедливость признает ее равной величайшим гениям пластических искусств. Благодаря «Декоративному искусству» (L'Art decorative), момент этот настал; те, кто по сорока восьми репродукциям (включая цветную вкладку), собранным месье Фернаном Ошем, смогут получить представление о ее творениях, в которых благородство Донателло одушевлено трепетом сегодняшней жизни, не колеблясь признают Камиллу Клодель истинным скульптором нашего времени. Между тем – факт чудовищный, в который трудно поверить, – ее, пребывающую в расцвете своего прекрасного таланта, в здравом уме и трезвом рассудке, схватили, грубо швырнули в машину, невзирая на негодующие протесты, и с этого дня великая художница заточена в сумасшедшем доме. Быть может, «Авенир де л'Эн» (L'Avenir de l'Aisne) из Шато-Тьерри в интересах правосудия и уважения к свободе личности осветил бы более подробно это похищение и насильственную изоляцию, ничем не оправданные и являющиеся чудовищным преступлением в стране, которая считает себя цивилизованной? Страшно то, что в силу закона 1838 года о душевнобольных повседневно и безнаказанно совершаются преступления, но в то же время католическая церковь и военщина могут беспрепятственно творить любое беззаконие; они неприкосновенны и как бы выше закона».

Эта первая статья прямо не указывала на семью Клоделей. Все изменилось, когда делом заинтересовалась парижская пресса. Поль Вибер, журналист «Гран Насьональ» (Grand National), в номере от 8 декабря 1913 года обрушился на закон 1838 года. 12 декабря газета «Авенир де л'Эн» (L'Avenir de l'Aisne), отзываясь на эту публикацию, поместила в разделе местных новостей статью без подписи, действующих лиц которой без труда узнали жители Вильнёв-сюр-Фер.

«Недавно в Париже имел место случай насильственной госпитализации, отличающийся особой изощренностью. Мать и брат добились изоляции талантливой художницы мадемуазель К… Несчастная девушка едва успела узнать из случайных источников о весьма удобной для некоторых смерти нежно любившего ее отца, которую от нее скрыли, а наутро после печальной вести, в одиннадцать часов, к ней, убитой горем, вломились в спальню двое дюжих молодцов и увезли ее, невзирая на протесты и слезы, в сумасшедший дом. Три дня спустя несчастная писала: «На моем счету тридцать лет напряженной работы, а я вот так наказана; меня держат крепко, и я отсюда не выйду».

Немного позже госпитализация была дополнена признанием недееспособности. Так убирают из общества человека в здравом

уме».

17 декабря 1913 года журналист Поль Вибер призвал Поля Клоделя «дать необходимые объяснения общественному мнению, которое сильно обеспокоено подобными преступлениями».

20 декабря появилась статья с прямыми обвинениями: Камилла Клодель, «физически и психически абсолютно здоровая», была схвачена тремя мужчинами, которые без судебного ордера, нарушив право неприкосновенности жилища, запихнули ее в машину и увезли в сумасшедший дом Вилль-Эврар.

Поль Клодель не реагировал на обвинения. С октября 1913 года он занимал пост генерального консула Франции в Гамбурге. Официальное положение не позволяло ему отвечать на выпады прессы, хотя он прекрасно знал о них. В его «Дневнике» по этому поводу написано:

«Ожесточенная клевета в наш адрес по поводу госпитализации Камиллы в Вилль-Эврар в «Авенир де л'Эн» (L'Avenir de l'Aisne) и разных скандальных листках, обличающих «клерикальное преступление». Это хорошо. Меня столько незаслуженно хвалили, что клевета благотворно освежает: это нормальная доля христианина».

* * *

Запал этой пороховой бочки подожгла сама Камилла. 10, 14 и 21 марта 1913 года она собственной рукой написала карандашом три письма своему кузену Шарлю Тьерри (первое из них как раз в день госпитализации).

10 марта она писала:

«От тебя узнала о смерти папы; впервые слышу, мне никто ничего не сообщал. Когда это произошло? Постарайся узнать и рассказать мне поподробней. Бедный папа никогда не видел меня такой, как я есть; ему всегда внушали, что я – существо гнусное, неблагодарное и злобное; это было нужно, чтобы другая могла все зацапать.

Я должна была поскорее исчезнуть, хоть я и ужимаюсь, как могу, в своем уголке, все равно остаюсь помехой. Меня уже пытались запереть в сумасшедший дом […]

Поехать в Вильнёв я бы не посмела; и потом, надо еще иметь такую возможность; у меня ведь нет денег, даже туфель нет. Я ограничиваю себя в еде; горе в этом помогает. Если ты что-нибудь знаешь, сообщи мне; писать не рискую, от меня отмахнутся, как обычно».

А вот письмо от 14 марта:

«То мое письмо было, похоже, пророческим, потому что, едва я его отправила, за мной приехал автомобиль, чтобы отвезти в приют для умалишенных […] Если ты соберешься меня навестить, можешь не торопиться, потому что не похоже, чтобы я отсюда вышла; меня держат и не хотят отпускать».

Письмо от 21 марта полно малопонятных деталей, но в нем крайне важен предпоследний абзац, в котором Камилла как бы подводит итог всей своей жизни:

«Я не могу быть спокойна, не знаю, что со мной станется; думаю, все идет к тому, что я плохо кончу, все это кажется мне подозрительным, будь ты на моем месте, ты бы понял. Стоило так много работать и обладать талантом, чтобы получить вот такую награду. Никогда ни гроша, всевозможные издевательства, и так всю жизнь. Быть лишенной всего, что делает жизнь счастливой, и вдобавок вот, чем кончить».

Весьма интересные письма, и совершенно не складывается впечатления, что они написаны душевнобольным человеком. Скорее, это трагические признания человека, осознающего, что его лишили всего и в принудительном порядке поместили в приют для умалишенных.

* * *

Если Камилла находилась в здравом уме, то ее принудительная изоляция была бесчеловечна, незаконна и преступна.

Сама Камилла в одном из своих писем мужественно заявляет:

«После того как у меня отняли дело всей моей жизни, меня еще заперли в тюрьме, которую они вполне заслужили сами».

Но так ли обстояло дело в действительности?

Первые признаки душевного расстройства проявились у Камиллы в период ее разрыва с Роденом, то есть примерно в 1893 году, когда ей не было и тридцати лет.

…

«О молодости же своей сама она сказала так: «Роман… даже

эпопея, “Илиада” и “Одиссея”. Чтобы описать ее, нужен Гомер, я бы сейчас не взялась – не хочу нагонять на вас грусть. Я на дне пропасти. Я живу в мире до того удивительном, до того странном. Та история – кошмар сна, каким была вся моя жизнь». Что может характеризовать лучше этих слов трагедию Камиллы?»

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

Матиас Морхардт, пламенный поклонник Камиллы, в своем замечательном этюде в журнале «Меркюр де Франс» (Mercure de France) отмечал ее склонность к уединению и недоверие к посторонним. Эта тяга к затворничеству беспокоила и ее отца. Он даже не решался принять приглашение своей родственницы Мари Мерклен, крестной Поля Клоделя, отдохнуть в сентябре в Жерарме, опасаясь оставлять Камиллу одну. 2 августа 1904 года он писал своему сыну:

«У меня душа будет не на месте, если я оставлю Камиллу в этой самоизоляции».

Есть и другие свидетельства, в том числе доктора Мишо, и оно представляет тем больший интерес, что он – сын того самого доктора Мишо, который выдал свидетельство, послужившее основанием для госпитализации Камиллы. Речь идет о письме к профессору Анри Мондору, директору одной из парижских клиник, датированном 18 декабря 1951 года.

«Несколько месяцев назад я прочел вашу книгу о Поле Клоделе. Глава, посвященная Камилле Клодель, пробудила во мне воспоминания детства. Камилла Клодель жила в нижнем этаже дома 19 на набережной де Бурбон, в котором пятьдесят пять лет занимался медицинской практикой мой отец. В глубине двора был сад, принадлежавший Морису Мэндрону […] Двор был местом моих игр. Родители запрещали мне ходить к Камилле Клодель, с которой мы были в каком-то отдаленном родстве. Они боялись пускать меня в это логово, где между бюстами, заросшими девственным лесом паутины, шныряла добрая дюжина кошек.

Но соблазн запретного плода, подкрепляемый моей любовью к кошкам и обещаниями угостить вареньем, побуждал меня преступать запрет. Там я получил первые уроки психиатрии, и всякий раз, как говорю или пишу о параноидальном психозе, не могу не вспоминать мою соседку, простоволосую, в белой кофте, толкующую об «этом мерзавце Родене», который рисовался моему десятилетнему воображению неким мифологическим персонажем».

Достаточно также почитать последние письма Камиллы Клодель на свободе и те, что она писала в больнице, причем в первые месяцы пребывания там, когда рано было говорить о заразительном влиянии долгого общения с сумасшедшими, чтобы убедиться в разрушительном воздействии навязчивой идеи о роденовских интригах: весь мир ее преследует, миллионные состояния наживаются врагами на ее работах. Так всегда бывает, невротизированные личности уже не могут принять помощь и любые другие проявления человеческого тепла. Они убеждены во враждебности к себе других людей.

...

«Самое главное для художника – быть взволнованным, любить, надеяться, трепетать, жить. Быть, прежде всего, человеком и только потом – художником».

(Огюст Роден)

Очень показательны в этом отношении выдержки из письма, написанного Камиллой брату Полю примерно в 1910 году:

«Не вози мои скульптуры в Прагу, у меня нет ни малейшего желания выставляться в этой стране. Публика такого пошиба меня нисколько не интересует. Хотелось бы поскорее получить премию за «Аврору», пусть всего пятнадцать франков, я бы ее забрала в следующем месяце и попыталась продать. Пришли мне ее как можно скорее. Ты прав, закон бессилен против месье Эбрардта [20] и подобных ему бандитов, единственный аргумент для таких людей – револьвер. Вот это было бы дело, потому что,

учти, если оставить безнаказанным одного, это придаст наглости другим, которые бессовестно выставляют мои работы и делают на них деньги под руководством месье Родена. Но забавнее всего то, что он позволил себе выставить в прошлом году в Италии «Аврору» – вовсе не мою, но с моей подписью – и добился для нее золотой медали, чтобы поиздеваться вдоволь.

Теперь я его поймала. Негодяй всяческими способами прибирает к рукам все мои скульптуры и раздает своим дружкам – модным художникам, а они его за это осыпают наградами и аплодисментами. По возвращении он нажил триста тысяч франков на гобеленах. Он знал, что делал, когда сговорился с Колленом, чтобы заставить меня приехать в Париж. Моим пресловутым талантом он сполна попользовался!»

Если верить Камилле, это Роден добился ее заточения, чтобы слава былой подруги не затмила его собственную. Нет пощады и старым друзьям: Филипп Бертело, генеральный секретарь Министерства иностранных дел, из уважения к Полю Клоделю вошедший в состав семейного совета, созданного после помещения Камиллы в больницу, – тоже соучастник заговора.

Испепеляющая ненависть Камиллы не пала лишь на Эжена Бло и Поля Клоделя. У ближайших друзей не оставалось сомнений в серьезности ее заболевания. Приведем цитату из письма Матиаса Морхардта Родену от 5 июня 1914 года:

«Я виделся с Филиппом Бертело, которому сугубо конфиденциально сообщил о том, что вы хотели бы сделать для несчастной и замечательной художницы. Он со всей деликатностью наведет справки о положении дел, а мы оба к вам придем, как только все выясним. Но я настоятельно убеждал Филиппа Бертело, что мы должны сосредоточить свои усилия в первую очередь – ввиду призрачности всякой надежды на выздоровление – на том, чтобы воздать должное ее великой памяти».

* * *

3 августа 1914 года жирные заголовки в газетах гласили:

«Европа в состоянии войны! Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены в Сараево дало австрийцам повод объявить войну Сербии, а потом Германия объявила войну России и Франции».

Через два дня германские войска оккупировали нейтральную Бельгию, а Великобритания в ответ начала войну с Германией. Это выглядело совершенным безумием, но за неделю почти все

европейские страны оказались в состоянии войны друг с другом.

А еще через некоторое время против Германии уже воевала Япония, а немецкие самолеты бомбили Париж. Еще через месяц война развернулась в полную силу…

* * *

В сентябре 1914 года Камиллу перевели на юг Франции в Мондеверг, находящийся на территории коммуны Монфаве близ Авиньона. Там ее определили в психиатрическую клинику, которую ей уже не суждено будет покинуть.

До последних дней ясно осознавая свое положение, она долго не оставляла попыток добиться освобождения и тайком пересылала призывы о помощи родным и знакомым: брату, матери, своей подруге детства Мари Пайетт, Эжену Бло. Ее письма полны несообразностей, порожденных психозом и манией преследования.

В мае 1915 года, например, она писала брату:

«Ты проверил мои вещи, которые, по твоим словам, переправил в Вильнёв? Проследил, чтобы они не попали в руки негодяя, который для того и проделал этот маленький трюк, чтобы получить возможность ими завладеть? Он боится, как бы я не вернулась прежде, чем он успеет прибрать их к рукам… Вот почему он делает все, чтобы меня дольше не выпускали; он старается выиграть время, а пока суд да дело, произойдут всякие события, на которые вы не рассчитывали. Вы поплатитесь за свое легкомыслие; смотри, будь настороже».

Конечно же под «негодяем», желавшим «прибрать все к рукам», она имела в виду Родена…

Но прошло время, и она мало-помалу свыклась с перспективой провести остаток жизни в Мондеверге. Теперь ей хотелось даже не комфорта, а лишь тишины и покоя. Она мирилась со своим положением без жалоб, категорически отказывалась от перевода в первый класс, где, по ее словам, пища была вредной, а соседки – ужасными. Но разве нам не известно множество других случаев, когда великие творцы, отказавшись от искусства, уходили в монашеское самоограничение?

* * *

Камилла не была ни буйной, ни агрессивной. С ней никогда не приходилось прибегать к жестким методам лечения. По словам

очевидцев, она, напротив, с годами становилась все мягче и спокойней.

До 1938 года Мондевергская клиника находилась на попечении монахинь. Сестра Сент-Юбер хорошо запомнила Камиллу, за которой ухаживала. Она единственная, кого потом удалось разыскать и расспросить о повседневной жизни больной, и, по ее словам, мадемуазель Клодель никто не замечал, настолько она была молчалива и апатична. Это была не просто сама покорность, а полная безликость. К тому же она находилась в отделении спокойных, которые не нуждались в каком-то особом наблюдении и уходе, разве что при утреннем и вечернем туалете. Никто в Мондеверге и не подозревал, что прежде она была известным скульптором, знали лишь, что она сестра Поля Клоделя.

По словам монахини, условия содержания в Мондеверге были вполне удовлетворительными. Кормили сытно и доброкачественно, тем же питался и персонал клиники. Никаких общих развлечений не устраивали, и поскольку посетители бывали редко, пациенты страдали от неимоверной духовной изоляции, которую лишь участие сестер, и то преимущественно безмолвное, как-то нарушало. Та же сестра Сент-Юбер утверждала, что о возвращении Камиллы в общество не могло быть и речи. Между тем врачи ничего так не желали, как выписки больных, ставших на путь выздоровления, что позволяло несколько разгрузить переполненное заведение.

Возвращаясь к письмам Камиллы, заметим: все они вполне разумны и могли бы дать пищу для определенных подозрений всякому, кто не знает, что безумие – состояние не перманентное.

Вот, например, отрывок из одного письма:

«Не следует заблуждаться, что в сумасшедшем доме возможны какие-либо перемены. Здесь не обойтись без режима, чтобы справиться со всеми этими «раздраженными, агрессивными, вопящими, разъяренными созданиями», которые стали невыносимы даже для близких, настолько они неприятны и докучливы […] Как тошно находиться среди всего этого! Я дала бы сто тысяч франков, если бы они у меня были, чтобы уехать отсюда немедленно».

А вот еще один – это уже о Родене:

«Его преследовала мысль, что как только он умрет, я сразу возвышусь как художник и превзойду его. Он жаждал удержать меня в своих когтях не только при жизни, но и когда умрет. Ему требовалось сделать меня несчастной, будь он жив или нет. И в этом он преуспел, ибо несчастна я вполне! Мне крайне тягостна эта неволя».

* * *

Что же происходило в ее несчастной голове на протяжении тридцати лет?

Мы не знаем, как она проводила время, знаем только, что не лепила: глина, которую время от времени ей выдавали, высыхала нетронутой. Читала ли она книги или газеты? Неизвестно. Мать ни разу у нее не побывала. Никогда не приезжала и сестра Луиза. Мать, так и не простившая ей связи с Роденом, на ее письма отвечала очень суровыми посланиями, первое время адресованными директору клиники. Такое обращение было, безусловно, не на пользу больному рассудку. Камилла, в чьих навязчивых идеях всегда фигурировали деньги, не замедлила прийти к убеждению, что мать и сестра заточили ее, чтобы завладеть причитающейся ей долей наследства. Содержание в Мондеверге долгое время оплачивалось матерью, потом Полем Клоделем, потом из ее части наследства. Небольшую пенсию выделил также фонд Национального общества изящных искусств.

…

«Письма Луизы Клодель к директору приюта свидетельствуют о ее бессилии и явном желании от всего отгородиться. Она не могла и не хотела ничего брать на себя, предчувствуя роковой исход. В 1915 году она пишет в Мондеверг:

«Я ни в коем случае не хочу забирать ее из вашего приюта, где ей еще недавно так нравилось. Я не собираюсь каждые полгода переводить ее из заведения в заведение, а что до того, чтобы забрать ее к себе или снова предоставить ей жить как прежде, – нет и нет. Мне 75 лет, я

не могу взять на себя заботу о дочери, которая придерживается самых сумасбродных взглядов, исполнена враждебных намерений и готова причинить нам все неприятности, какие только сможет. Если нужно увеличить взнос за ее содержание, чтобы у нее было больше комфорта, я охотно это сделаю, только, прошу вас, оставьте ее у себя. Живя одна, она довела себя до полного убожества, десять лет ни с кем не общалась и позволяла себя обкрадывать всем, кто поставлял ей продукты. Двери и ставни постоянно были заперты на все засовы, а еду ей передавали в ящике, который ставили на окно. А в каком состоянии была она сама и ее квартира – это просто ужас. Занималась она тем, что писала письма всяким проходимцам или ябеды. Словом, она существо порочное, я не хочу ее больше видеть, она причинила нам слишком много горя».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

Говоря о материальной помощи Камилле, любят упоминать пожертвование, сделанное Роденом, когда он узнал о госпитализации: посреднику, Матиасу Морхардту, пришлось всевозможными хитростями проводить эти деньги через кассу Общества изящных искусств ради соблюдения анонимности. Без таких предосторожностей семья не приняла бы помощи этого, как они считали, злодея. Сумма составляла всего 500 франков. И это для женщины, которая, полюбив его, отдала ему все, что имела, включая свою красоту и свой талант! И это в то время, когда Роден был завален работой и на него буквально лился золотой

дождь! Рэн-Мари Пари по этому поводу замечает:

«Легко представить, что это были за деньги в сравнении с огромными доходами мастерских Родена накануне войны (один бронзовый бюст стоил около 30 000 франков), поэтому биограф Камиллы, в отличие от роденовского, не станет слишком умиляться скорби старого мастера о своей незабвенной музе […] Правда, Роден был уже стар и выражал готовность помогать и впредь».

* * *

А что же Роден, которого многие считают крупнейшим скульптором конца XIX – начала XX веков, который так много дал Камилле Клодель, а потом все у нее забрал? Он женился на Розе Бёре 29 января 1917 года.

Удивительное дело – прожив с женщиной более пятидесяти лет, мужчина все же решил официально оформить с ней свои отношения! Зная особенности характера Родена, можно этому лишь удивляться. Ему в то время было семьдесят шесть, так неужели им двигал лишь страх перед надвигающейся смертью?

В самом деле, похоже, что Роден просто испугался и предложением брака Розе решил хоть как-то искупить все свои грехи перед ней. Ведь он не бессмертен, и вновь отложить все «на потом» опасно, можно и не успеть. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Свадьба была простой и хорошо организованной. На церемонии присутствовали только члены семьи и самые близкие друзья.

Сердце Розы готово было вырваться из груди. Столько лет она ждала этого момента, и вот теперь цель ее жизни была достигнута. Но разве хоть что-то в ее жизни от этого изменилось?

* * *

Никогда еще Роза не чувствовала себя такой уставшей и больной. Парадокс ее ситуации заключался в том, что, если в жизни существует только один самый важный выбор, то, совершая его, человек как бы убивает все другие возможности. Она все-таки стала женой Родена, взяла свое, и больше мечтать было не о чем. Важнейший жизненный цикл, когда одно лишь ожидание этого придавало сил, закончился. Наступила определенность, а такая полная определенность порой равняется полной безнадежности.

Более пятидесяти лет ее стратегической целью было «удержание» Родена. Она не жила, а «удерживала». А что теперь будет придавать силы? Как сложится жизнь в новых условиях? Что делать с самой собой теперешней? Как-то неуютно стало и даже страшно.

Теперь она победила, и она находилась как бы на высшей ступени пьедестала почета. А что за этим? Вопрос этот, кстати, неизбежно встает перед каждым великим спортсменом, достигшим вершины, и очень немногим удается найти на него достойный ответ.

Роза найти такого ответа не смогла…

Она умерла 14 февраля 1917 года – на шестнадцатый день после долгожданной свадьбы. А 19 ноября того же года не стало и Родена.

По слухам, в предсмертной агонии он звал «свою жену», а когда ему сказали, что его законной супруги больше нет, он пробормотал:

– Нет, не эту, другую, которая в Париже…

…

«В 1899 году Генрик Ибсен опубликовал свою последнюю пьесу “Когда мы, мертвые, пробуждаемся”. Три коротких и насыщенных акта, четыре персонажа. Обретающая символическое звучание история – судьба великого скульптора профессора Рюбека. Можно с уверенностью сказать, что в основу драмы легла связь Огюста Родена и Камиллы Клодель».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

* * *

Когда Камилле сообщили о смерти Родена, у нее помутилось в голове, и ее долго не могли привести в чувство.

А 20 июня 1929 года умерла мать Камиллы. Ее брат вечно отсутствовал, сестра была ей посторонним человеком, о друзьях она вовремя не позаботилась. Как пишет Рэн-Мари Пари, «каждый продолжал жить собственной жизнью, семейный совет обсуждал семейные дела, вносилась плата в клинику, а Камилла брела к своей второй смерти».

«Брела к своей второй смерти». Образное выражение и очень верное. Первый раз Камилла «умерла», когда рухнули ее отношения с Роденом, а вслед за этим рухнуло и ее творчество. Теперь она медленно, но верно двигалась ко «второй смерти», за которой уже ничего нет.

3 сентября 1932 года Эжен Бло написал Камилле следующие слова о Родене:

«На самом деле, он не любил никого, кроме вас, Камилла, сейчас я могу это сказать. Все остальное – его жалкие авантюры, эта смехотворная светская жизнь, он сам, в глубине души остававшийся человеком из народа, – все это было лишь разрядкой для его чрезвычайной натуры. Время все расставляет по своим местам».

Но ей уже было все равно…

* * *

В конце 1942 года врач Мондевергской клиники отметил резкое ухудшение общего состояния Камиллы Клодель. Поль Клодель, узнав об этом, с невероятным трудом пересек оккупированную Францию, чтобы в последний раз повидать сестру.

…

«И сквозь слезы смотрит на

бесформенный чепец и узнает под ним "череп, подобный заброшенному монументу, чья архитектура открывается во всем великолепии". Только это и осталось от прекрасной молодой девушки».

(Опубл. в журн.: «Иностранная литература», 1998, № 10, раздел документальной прозы, статья РЕЙН-МАРИ ПАРИ «Камилла Клодель» (пер. с франц. Натальи Шаховской)

Камилла умерла 19 октября 1943 года в возрасте семидесяти девяти лет.

Рэн-Мари Пари об этой смерти пишет так:

«Камилла Клодель, скончавшаяся, согласно актам гражданского состояния, в 1943 году в возрасте семидесяти девяти лет, была мертва для общества и для искусства с 1910 года, которым прерывается ее краткая карьера, отмеченная знаком незавершенности и судорожного стремления к так и не достигнутой цели. Ее можно причислить к тем «проклятым художникам», которые – как, например, Рембо или Ван Гог – стали мифическими героями новейших времен».

О последних годах ее жизни известно немного: в последний период своего «затворничества» она была молчалива и апатична. В одном официальном документе удалось найти такую запись:

«На момент кончины у мадемуазель Клодель не было обнаружено никакого личного имущества, равным образом в ее личном деле не были обнаружены какие бы то ни было бумаги, имеющие ценность хотя бы как память о ней».

Ее предали земле на кладбище Монфаве, на участке, отведенном клинике Мондеверг, вдали от родных и близких. Страшное завершение поломанной жизни.

Когда после войны один из ее племянников предпринял попытку перенести прах Камиллы в семейную усыпальницу в Вильнёве, он натолкнулся на непреодолимое препятствие: администрация клиники выполнила свой последний долг с соблюдением всех требований анонимности, и идентифицировать прах было невозможно. Да и самой могилы к тому времени уже не существовало.

Поль Клодель написал в одном из своих произведений:

«Заточенная вышла на свободу! Она покинула тесную келью.

И та, что явилась перед нами, лучезарная, озаренная восходящим солнцем, – уже не прежняя безумица, не запуганная старуха».

Наверное, все-таки правы те, кто говорит, что смерть хороша тем, что оканчивает старость, а порой лишь она дарует человеку подлинную свободу…

…

Альберт Эйнштейн *(14 марта 1879, Ульм, Вюртемберг, Германия – 18 апреля 1955, Принстон, Нью-Джерси, США)*

• Полное имя – Альберт Эйнштейн.

• Достижения – один из основателей современной теоретической физики, создатель теории относительности, лауреат Нобелевской премии.

• Особенности характера – легкомыслие, непостоянство, общительность, полное отсутствие снобизма.

• Семейное положение – первая жена Милева Марич, вторая жена – Эльза Левенталь, любовная связь с Маргаритой Ивановной Коненковой.

• Дети – внебрачная дочь Лизерль (судьба не известна), сын Ганс-Альберт, приемные дочери.

• Политические убеждения – пацифист, антифашист.

• Научное наследие – Он разработал несколько значительных физических теорий: «Специальная теория относительности» (1905), в ее рамках – «закон взаимосвязи массы и энергии: E = mc2», «Общая теория относительности» (1907–1916) и др.

• Злодейство – скрытие факта рождения внебрачной дочери, супружеские измены.

Глава шестая Альберт Эйнштейн и его женщины

Альберт Эйнштейн… Кто хотя бы по школьной программе не знает этого гениального ученого, одного из основателей современной теоретической физики, создателя теории относительности, лауреата Нобелевской премии, почетного доктора двадцати ведущих университетов мира, члена множества Академий наук, великого мыслителя и просто гения?

О его личной жизни, как водится, известно гораздо меньше. А ведь великие люди в быту, как мы уже убедились, – это обычные люди со всеми их слабостями и странностями, и их личная жизнь зачастую складывается далеко не так счастливо, как их общественная деятельность.

* * *

Как известно, Альберт Эйнштейн учился в знаменитом Цюрихском политехническом институте, и там он познакомился с Милевой Марич, молодой уроженкой Воеводины и единственной женщиной-студенткой этого учебного заведения.

В некоторых источниках Милеву называют сербкой, в некоторых – венгеркой. В принципе, и то и другое верно, так как край Воеводина находится в Сербии, но сначала он входил в состав Венгрии, а посему отец и брат Милевы Марич, будучи подданными Венгрии, служили в австро-венгерской армии.

Девушка эта появилась на свет 19 декабря 1875 года и была на три с лишним года старше Эйнштейна.

Отец Милевы, Милош Марич, происходил из очень порядочной, но небогатой крестьянской семьи, которая была не в состоянии дать ему достойное образование, и по этой причине он сам страстно желал, чтобы его дети получили то, чего он был лишен.

Биографы Эйнштейна Роджер Хайфилд и Пол Картер характеризуют его так:

«Как руководитель сербской читальни в городе, он с удовольствием встречался с молодежью и делился с ней своими воспоминаниями о военной службе. В этих случаях он, по словам одного из слушателей, держался по отношению к аудитории несколько снисходительно, по-отечески».

При этом Милош Марич был человеком честолюбивым и

достаточно строгим. А вот у его внука Ганса-Альберта, напротив, сохранились о дедушке воспоминания как человеке очень добром, спокойном по характеру, а также ни минуты не сидевшем без дела.

Итак, отец Милевы Марич был военным, и именно служба в армии помогла ему сделать неплохую карьеру: в мае 1894 года он возглавил надзирающую службу Верховного суда в Аграме (ныне это Загреб). После выхода в отставку он сделался зажиточным землевладельцем: у него было несколько домов и фермерские поля, в том числе и в Тителе, крохотном городке на реке Тиса, в котором он познакомился со своей будущей женой, Марией Ружич, и в котором родилась Милева.

Эта девочка стала гордостью отца. Он любил ее больше жизни и конечно же не пожалел на ее обучение ни денег, ни своего возросшего пропорционально влияния в обществе.

* * *

С самого раннего детства Милева Марич проявила поразительные способности к математике и языкам. Помимо этого, девочка серьезно увлекалась живописью и музыкой. Одна учительница даже как-то сказала ее отцу: «Эту девочку надо беречь. Она – необыкновенный ребенок».

...

> ***«Милева была выдающейся личностью, интеллектуальные и моральные качества которой намного превосходили качества самого Эйнштейна».***
>
> *(Цит. по: Олег Акимов «Феномен Эйнштейна», http://sceptic-ratio.narod.ru/fi/fenomen-6.htm)*

Родные ласково называли ее Мица. Этим прозвищем, кстати сказать, пользовался и Эйнштейн в тот период, когда зарождалась

и бурно развивалась их любовь.

В то время на территории Австро-Венгрии девочки редко учились в гимназиях, а если говорить о высших учебных заведениях, то их там практически не было. Но у Милевы очень быстро выявились выдающиеся интеллектуальные способности, и к тому же ее отец сделал все от него зависящее, чтобы она получила достойное образование. В результате она окончила начальную народную школу, затем год посещала школу для девочек в Нови-Саде, а затем, после переезда семьи в Загреб, – местную Королевскую высшую гимназию. Это было весьма солидное учебное заведение, и Милева там училась на правах частной ученицы: во всяком случае, она была единственная девушка, которая имела право брать уроки по физике (этот предмет тогда изучали только мальчики).

Джордже Крстич в своей книге «Милева и Альберт Эйнштейн: любовь и общая научная работа» особо подчеркивает тот факт, что «Милева стала одной из первых девочек в Австро-Венгерской империи, которая сидела в школьном классе вместе с мальчиками-сверстниками». Безусловно, это о многом говорит. Но, чтобы продолжить свое образование, она вынуждена была выехать за пределы Габсбургской монархии. Там она достигла потолка, но зато теперь перед ней лежал свободный город Цюрих – первый немецкоязычный город, в котором с 1867 года девушкам было разрешено учиться в университете.

В Цюрих Милева приехала самостоятельно в ноябре 1894 года.

Отец не мог нарадоваться успехам дочери. Он прекрасно понимал, что его любимица далеко пойдет и никогда не сделает того, о чем потом пришлось бы пожалеть, а посему он предоставил ей полную свободу действий в реализации своих интеллектуальных способностей.

Сначала Милева поступила в Цюрихский университет на факультет медицины, планируя стать врачом-психиатром, но уже через полгода она перешла в Политехнический институт. Дело в том, что девушка прекрасно разбиралась в вопросах физики и математики, и это дало ей возможность успешно сдать экзамены и попасть в группу мальчиков-первокурсников. Интересно отметить, что юный Эйнштейн поступил туда лишь со второго раза (первую попытку он сделал год назад, в октябре 1895 года, но не прошел испытательные экзамены).

* * *

Итак, с 29 октября 1896 года Альберт Эйнштейн стал учиться в Политехническом институте в одной группе с Милевой Марич.

Первый курс Милева закончила вполне успешно, но потом ей стало скучно изучать предметы, связанные с будущей технической специальностью, предназначенной для молодых людей. Милева хотела большего. Она жаждала более разносторонних знаний и начала самостоятельно читать научную литературу, не входящую в программу обучения. Конечно, это отнимало у нее много времени и сказывалось на успеваемости по основным предметам, но зато этим своим энтузиазмом она заразила Альберта, своего нового друга, который неожиданно сильно привязался к ней. Чтобы не отстать от нее, он тоже приобщился к чтению статей, рассказывающих о последних достижениях в области физики. Но отметим: Эйнштейн делал это по необходимости, чтобы лучше выглядеть в глазах своей подруги, Милева же делала это исключительно из искреннего любопытства.

Потом, в октябре 1897 года, Милева вдруг вообще забрала документы из Политехнического института и поехала в Германию, в основанный в 1386 году знаменитый Гейдельбергский университет. Там она провела весь зимний семестр 1897–1898 годов, после чего вновь вернулась в Цюрих.

...

«Беря уроки в Загребе в гимназии для мальчиков, учась затем в Гейдельбергском университете, она отлично усвоила существующую на тот момент правду жизни: окружающий ее мир создан для мужчин. Она поняла также, что успешная карьера Альберта – это и ее карьера. Они будут работать вместе над решением научных проблем, как это делали Мария и Пьер Кюри, которые на пару в 1903 году получили Нобелевскую

премию за исследования в области радиоактивности».

(Цит. по: Олег Акимов «Феномен Эйнштейна», http://sceptic-ratio.narod.ru/fi/fenomen-6.htm)

Все это время они с Эйнштейном активно переписывались, и тот признавался, что скучает, называл ее «маленькой беглянкой» и умолял поскорее вернуться.

И Милева вернулась, но не потому, что ее звал обольстительный сокурсник, а потому, что в прославленном немецком университете женщины хоть и имели право посещать лекции любых профессоров, но делалось это на правах вольнослушательниц, а это значило, что им не выдавали диплом. А диплом об окончании престижного учебного заведения был Милеве очень даже нужен: он позволял преподавать в средней школе, на что, собственно, она и рассчитывала, выбрав для себя профессию учительницы.

Биографы Эйнштейна Роджер Хайфилд и Пол Картер пишут:

«Предположение о том, что Милева боялась не устоять против чар Эйнштейна, кажется поспешным. Первое из ее сохранившихся писем к нему написано вскоре после отъезда; очевидно, что Эйнштейн вызывает у нее определенный романтический интерес, но в письме нет и следа той страсти, которой отмечены ее более поздние письма. Письмо Милевы было ответом на четырехстраничное письмо Эйнштейна, ныне утраченное. В ее словах чувствуется кокетливая самоуверенность, но никак не любовное смятение. Альберт велел ей не писать, пока ей не станет скучно, и Милева отвечала: «Я все ждала и ждала скуки, но так и не дождалась, и не знаю, что с этим делать». Тон ее письма насмешливый. Рассказывая о своем однокурснике, который бросил учебу, по-видимому, из-за неразделенной любви, она замечает, что «так ему и надо», какой смысл влюбляться в наше-то время?»

* * *

...

«Я всегда думаю о том, что моя внутренняя и внешняя жизни основаны на работах и мыслях других людей, живых и умерших, и что я должен расширять себя, чтобы давать миру столько же, сколько я получил и продолжаю получать сейчас».

(Альберт Эйнштейн)

Принято считать, что отношения Альберта и Милевы переросли в настоящую любовь весной 1899 года. В то время в письмах он стал называть ее Долли, а она его – Джонни.

У Роджера Хайфилда и Пола Картера по этому поводу читаем:

«Она стала его «милой малышкой» или «милой возлюбленной малюткой». Но воображение Эйнштейна этим не ограничилось. В разные периоды он называл Милеву своей маленькой колдуньей, своим лягушонком, своим котенком, своим уличным мальчишкой, своим ангелом, своей правой рукой, своим бессменным ребенком, своей маленькой чернушкой и придумал множество вариаций упомянутых имен. Она же была более постоянной, именуя его «Джонни». Это прозвище впервые появляется в том же письме, где в первый раз фигурирует обращение на «ты». Вот оно, самое короткое и нежное из всех ее писем.

«Мой милый Джонни!

Потому что ты мне так дорог и ты так далек от меня, что я не могу тебя поцеловать, я пишу тебе, чтобы спросить, нравлюсь ли я тебе так же, как ты нравишься мне? Ответь мне немедленно.

Целую тебя тысячу раз. Твоя Долли».

Ответ на это письмо, если он и существовал, не сохранился».

В это время Альберту Эйнштейну было двадцать лет. Он был красивым молодым человеком, расточающим свое природное обаяние, страстно любящим жизнь, женщин и, как ни странно, парусный спорт (по весьма необычной причине, о которой будет сказано ниже), но с характером, отнюдь не исполненным благовоспитанности и аскетизма.

По отзывам современников, он был наделен тем типом мужской красоты, который особенно ценился в конце позапрошлого века: рост под сто семьдесят, правильные черты лица, нечесаная грива черных, как смоль, волос, чуть фатовские

усики… Короче говоря, он выглядел человеком достаточно хорошо физически развитым и весьма привлекательным.

Милеве Марич в декабре 1899 года исполнилось двадцать четыре. Мнения о ее внешности весьма противоречивы. Одни описывают ее, употребляя слова «хорошенькая», «милая», «застенчивая», «доброжелательная», «непритязательная» и «скромная». Для других она – «маленькая» и «плоская», да к тому же «невзрачная хромоножка». Прямо скажем, большой красотой она не отличалась и имела раздражающе-сильный акцент. Ко всему прочему, она страдала туберкулезом суставов и по этой причине, действительно, заметно хромала. А вот мать Эйнштейна – не самая доброжелательная женщина на свете – дала ей злое прозвище «книжный червь».

Лицо у Милевы было неброское, черты его – приятно округлые, но подбородок – неожиданно волевой. Рот – большой и неулыбчивый, взгляд – скорее, властный. При этом ей были свойственны замкнутость и стремление держаться в тени, обусловленные тем, что сверстники никогда не считали ее физически привлекательной.

Фридрих Вайсенштайнер пишет:

«Альберт не мог не обратить на нее внимания. Не потому, что она была так уж красива или хотя бы мила, а просто потому, что она была женщиной».

Немного не так. Он обратил на нее внимание потому, что она была определенно очень умной и очень талантливой женщиной, хотя, глядя на нее в первый раз, это было непросто предположить.

В одном из писем Эйнштейн написал ей:

«Я потерял разум, умираю, пылаю от любви и желания. Подушка, на которой ты спишь, во сто крат счастливее моего сердца! Ты приходишь ко мне ночью, но, к сожалению, только во сне».

А вот выдержка из еще одного его письма:

«Куда бы я ни шел, я нигде не нахожу себе места, мне недостает твоих ручек, твоих горячих губок, полных нежности и поцелуев. Когда тебя нет, у меня пропадает все: и уверенность в себе, и работоспособность, и жизнелюбие… Короче, без тебя моя жизнь – не жизнь».

Как он только не называл ее в своих письмах!

Судя по словам «целую тебя туда, куда ты мне позволишь», отношения между ними быстро стали весьма далеки от чисто дружеских. И вообще складывается впечатление, что Эйнштейн, находясь вдали от Милевы, только и думал, что о ней. Удивительно, но при этом он постоянно забывал поздравить ее с днем рождения. По всей видимости, у него уже к тому времени

вполне сложилась очень «эйнштейновская» черта характера: способность написать полное любви письмо и тут же выбросить из головы образ той, кому оно предназначалось.

Как уже отмечалось, поначалу чувство не было взаимным. Любил и открыто признавался в этом Эйнштейн, а Милева Марич не показывала и следа страсти. Но очень скоро ситуация коренным образом изменилась. В его письмах почти исчезли эротические излияния. В одном из них, например, он поместил чертеж своей стопы с указанием длины каждого из пальцев. Зачем? А чтобы Милева связала ему зеленые шерстяные носки. И был указан конкретный срок – одна неделя. И, что удивительно, этот заказ был выполнен.

* * *

В июле 1900 года Альберт Эйнштейн окончил Политехнический институт, а вот у Милевы, единственной на всем курсе, возникли проблемы. Он сдал выпускной экзамен со средней оценкой 4,91 (высшим баллом была «шестерка»), а Милева набрала 4,00. В принципе, это был проходной балл, но, как пишет Фридрих Вайсенштайнер, «по какой-то причине, которую сейчас установить невозможно, диплом ей не дали».

…

«Образование – это то, что остается после того, когда забываешь все, чему учили в школе».

(Альберт Эйнштейн)

В связи с этим Милева решила вновь сдавать экзамены на следующий год. Однако в 1901 году все оказалось еще сложнее: мало того что она совсем выпала из общего учебного процесса, но теперь еще и была беременна.

Биографы Эйнштейна Роджер Хайфилд и Пол Картер пишут об этом так:

«Милева попыталась пересдать выпускные университетские экзамены в конце июля 1901 года. По-видимому, в ее ситуации на успех рассчитывать не приходилось. Беременность стала для нее серьезным психологическим испытанием и, кроме того, судя по ее письму к Эйнштейну, написанному в самый разгар подготовки, Милеву все время отвлекали мысли о нем, она скучала и не могла сосредоточиться. Она писала ему, что много работает, что ей нужно изучать труды и лекции Вебера, но тут же прибавляла, что «ни одной минуты не проходит» без того, чтобы она не думала о встрече с ним».

У Карла Зелига по этому поводу читаем:

«Ее туповатая медлительность часто делала ее учебу и жизнь безрадостной. Милева казалась окружающим мрачной, неразговорчивой и неприветливой».

А еще этот биограф Эйнштейна характеризует ее так:

«Она была достаточно способным человеком, но математическим дарованием не обладала».

Подобные слова, особенно последнее замечание о математических дарованиях, явно несправедливы в отношении Милевы. Более того, они намеренно искажают ее портрет, доводя его до полной противоположности тому, что было на самом деле.
Как бы то ни было, набранные баллы не позволили ей получить сертификат преподавателя, о котором она так мечтала. При этом основной конфликт у нее разгорелся с деканом факультета, профессором Фридрихом Вебером, который, прекрасно зная о ее любовных отношениях, считал, что парочке хватит и одного диплома, с помощью которого мужчина всегда сможет прокормить семью.

* * *

Чем теснее становились отношения между Милевой и Альбертом, тем большее сопротивление они испытывали со стороны семейства Эйнштейнов. Но Милева не сдавалась. В мае 1901 года она написала своему возлюбленному:

«Мой Бог, как прекрасен будет мир, когда ты увидишь меня своей маленькой женой».

В этот момент она уже мечтала не о каком-то там дипломе, а о создании семьи и рождении детей. Все остальное для нее было явно отодвинуто на второй план. И она рискнула…

Зачатие ребенка произошло в том же мае 1901 года на озере Комо, что на севере Италии, где молодые люди провели несколько чудесных дней на отдыхе. Назад, в Швейцарию, они

ехали сначала на небольшом корабле по озеру, потом на запряженной парой лошадей повозке. По дороге они любовались великолепными живописными горными пейзажами, на душе и вокруг бушевала весна, и казалось, что все будет хорошо, весело и счастливо до скончания века.

Милева тогда написала своей подруге Элен Савич-Кауфлер:

«Какое счастье иметь снова своего возлюбленного пусть на короткое время; я видела, что он был тоже счастлив!»

* * *

Если бы она тогда могла предположить, чем это все для нее закончится. Ведь она и не подозревала, что Альберт Эйнштейн был вовсе не ангелом, витающим в облаках, и не каким-нибудь иным бесполым ученым существом, как это до сих пор представляется некоторым. К несчастью для Милевы, его половая активность всегда была чрезвычайно бурной, и без знания этой составляющей биография «гения XX века» выглядела бы односторонней, а посему не совсем верной.

Беременность Милевы была уже заметна даже для постороннего глаза, а тот, кто еще совсем недавно клялся, что потерял разум, что умирает, что пылает от любви и желания, тот, кто якобы завидовал подушке, на которой она спала, находился где угодно, только не рядом с ней. На зимние каникулы, то есть примерно за месяц до рождения ребенка, он вообще уехал вместе с матерью и сестрой в Меттменштеттен, что близ Цюриха, в пансионат «Парадиз». Согласимся – не самый ординарный поступок для влюбленного молодого человека…

…

«Брак – это попытка создать нечто прочное и долговременное из случайного эпизода».

(Альберт Эйнштейн)

Из пансионата он написал Милеве:

«Как жаль, что тебя с нами нет. Но мы с тобой окажемся в нашем общем раю очень скоро».

Удивительно, но пока его любимая мучительно переносила свою первую беременность, автор этих строк, как потом оказалось, преспокойно предавался курортному роману с некоей Анной Майер-Шмид.

Много позже, в 1909 году, Милева случайно узнала об этом и пожаловалась мужу Анны, господину Майеру, причем в такой форме, что ее Альберт выглядел невинной жертвой «неуместного женского обольщения». Сделала она это так, что у господина Майера сложилось впечатление, будто сам Эйнштейн, благородный муж и добропорядочный семьянин, был возмущен фривольным поведением Анны. Но это было совсем не так.

Биографы Эйнштейна Роджер Хайфилд и Пол Картер по этому поводу пишут:

«Через две недели Эйнштейн написал Майеру, что Милева действовала исключительно по собственной инициативе, никак не с его ведома. По его словам, Анну абсолютно не в чем упрекнуть, а Милева была просто ослеплена ревностью».

Роман Эйнштейна с Анной Майер-Шмид, как ни странно, имел довольно долгую историю. В 1951 году, уже после смерти и Анны, и Милевы, он писал Эрике, дочери Анны (по слухам, с большой долей вероятности, он сам и был ее отцом), о «патологической ревности» Милевы, называя ее чертой характера, «типичной для столь уродливой женщины». Он также заявил этой самой Эрике, будто женился на Милеве исключительно «из чувства долга».

Предательство Эйнштейна в отношении беременной Милевы Марич (а иначе это назвать невозможно), когда он сошелся с Анной Майер-Шмид, безусловно, не было какой-то случайностью. Более того, если мы хотим что-то понять в жизни и творчестве этого великого ученого, мы должны поставить «женский вопрос» на первое место, так как именно отношение к женщинами контролировало все его поведение как в семье, так и в обществе.

До Милевы, не считая двух-трех легких увлечений, у Эйнштейна была другая большая любовь – Мари Винтелер, с которой он познакомился в доме профессора Йоста Винтелера, преподавателя древнегреческого языка и истории (профессор всегда брал к себе в дом на «полный пансион» одного или двух учеников, и в октябре 1895 года решил взять Альберта). Кстати сказать, помимо Мари у Йоста Винтелера был сын Пауль, за которого в марте 1910 года выйдет замуж Майя Эйнштейн, сестра Альберта, и дочь Анна, на которой женится Михаэль Бессо, лучший друг Альберта.

Мари Винтелер Эйнштейн слал любовные письма примерно такого же содержания, что и Милеве. Вот, например, одно из них:

«Большое, громадное спасибо за твое очаровательное письмо. Оно меня бесконечно обрадовало. Какое блаженство прижать к сердцу листок бумаги, на который с нежностью смотрели эти дорогие мне глаза, по которому грациозно скользили твои прелестные ручки. Мой маленький ангел, сейчас впервые в жизни я в полной мере почувствовал, что значит тосковать по дому и томиться в одиночестве. Но радость любви сильнее, чем боль разлуки. Только теперь я понимаю, насколько ты, мое солнышко, стала необходима мне для счастья […] Ты значишь для моей души больше, чем прежде значил весь мир».

Она отвечала ему такими же полными сладострастия словами:

«Я не могу найти слов просто потому, что их нет в природе, чтобы рассказать тебе, какое блаженство снизошло на меня с тех пор, как твоя обожаемая душа избрала себе обителью мою душу […] Я люблю тебя вечной любовью, и пусть Господь спасет и сохранит тебя».

А вот еще одно ее письмо к нему:

«Милый, милый, любимый, наконец-то, наконец-то я счастлива, счастлива, как бывает только тогда, когда я получаю твои бесценные, бесценные письма».

Только в мае 1897 года Эйнштейн смог окончательно порвать с Мари, чтобы отдать свое сердце Милеве, но Мари продолжала любить его до конца своих дней. Правда, к несчастью, последние годы своей жизни она провела под присмотром психиатров.

Удивительно, но, уже познакомившись с Милевой Марич, Эйнштейн по-прежнему отсылал свое грязное белье на стирку к Мари Винтелер. Он считал это практичным, а посему вполне нормальным. Он вообще был весьма странным человеком, и поступки его порой вызывают недоумение. Но это у обычных людей, а он к ним не относился. Более того, у него уже была своя четко сформулированная философия. Чтобы попытаться понять ее суть, приведем следующий пример. Однажды одна его знакомая спросила, как ей поступить в отношении зрелого мужчины, сделавшего ей предложение. И двадцатилетний Эйнштейн ответил ей:

«До чего же странная девичья душа! Неужели вы действительно верите, что сможете обрести безмятежное счастье через другого человека, даже если этот человек – один единственный любимый мужчина? Я близко знаком с этим животным по личному опыту, ибо я один из них. Я точно знаю, что от них нельзя многого ожидать. Сегодня мы грустны, завтра

веселы, послезавтра холодны, затем опять раздражительны и усталые от жизни. Да, я чуть не забыл о неверности и неблагодарности, и эгоизме – о том, что нам присуще в значительно большей степени, чем милым девушкам».

Нечто похожее он как-то написал своему другу Михаэлю Бессо:

«В сравнении с этими бабами любой из нас – король, потому что мы стоим на своих ногах, не ожидая чего-то извне, а эти вечно ждут, что кто-то придет, чтобы удовлетворить все их потребности».

А еще одной знакомой, жаловавшейся на неверность мужа, он дал такие разъяснения:

«Вы, наверно, знаете, что большинство мужчин, как и большинство женщин, не являются моногамными по своей природе. И чем больше препятствий для удовлетворения этих желаний ставится на пути, тем с большей энергией люди их преодолевают. Заставлять человека соблюдать верность – это тягостно для всех участвующих в принуждении».

Не правда ли, потрясающие по своей безнравственности откровения молодого человека, по праву относящегося к числу величайших гениев человечества? И такому вот «фрукту» решилась довериться Милева Марич!

...

«Она была одним из пионеров движения, имеющего целью включить женщин в науку, даже если сама и не пожинала связанных с этим преимуществ. Принеся, как это позже оказалось, большую личную жертву, она, как представляется, была существенно необходима Альберту в течение тягостных лет его самого творческого раннего периода. На протяжении тех лет, когда он проходил весьма неожиданную и быструю

метаморфозу от нетерпеливого студента к перворазрядному ученому, она была не только якорем его эмоциональной жизни, но и сочувственно откликающимся резонатором для его весьма нетрадиционных идей».

(Цит. по: Олег Акимов «Феномен Эйнштейна», http://sceptic-ratio.narod.ru/fi/fenomen-6.htm)

* * *

А пока беременная Милева тешила себя надеждой, что ее Альберт соберет волю в кулак и уговорит мать дать ему согласие на брак с ней. Летом 1901 года Эйнштейн написал Милеве:

«Как же восхитительно все было в последний раз, когда мне позволили прижаться к твоему дорогому маленькому человечку, который движется по пути, сотворенному природой».

В следующих письмах звучат вопросы: «Как там мальчик?», «Как поживают наш маленький сынишка?»

Это вроде бы говорит о том, что Эйнштейн с нетерпением ждал мальчика. Увы, ожидания Милевы не оправдались: «возлюбленный», по сути, предал и ее, и своего будущего ребенка. А почему же он так писал? Да просто так! Не вкладывая в это ничего… А как только забрезжила реальная перспектива стать отцом, он начал избегать Милеву, каждый раз выдумывая все новые и новые отговорки. И получалось, что все его сладкоречивые письма – это сплошной обман.

Очень точно подметили биографы Эйнштейна Роджер Хайфилд и Пол Картер, когда написали:

«Читая любовные письма Эйнштейна, начинаешь сомневаться, можно ли их действительно так называть. Скорее, это письма человека, который изо всех сил старался быть влюбленным, но давалось ему это с большим трудом».

…

«Все знают, что это невозможно. Но вот приходит невежда, которому это неизвестно, – он-то и делает открытие».

(Альберт Эйнштейн)

* * *

22 января 1902 года на свет появилась внебрачная дочь Эйнштейна и Милевы Марич, которую назвали довольно странным именем Лизерль.

В это время Милева жила у своих родителей в Воеводине. Ее отец написал Эйнштейну письмо, в котором сообщил, что роды прошли тяжело. Они и в самом деле были трудными, и после них Милева тяжело болела, и у нее не было сил писать Эйнштейну.

Эйнштейн ответил письмом, в котором он сокрушался по поводу обстоятельств, в которых появлялась на свет «наша дорогая Лизерль». Совершенно не понимая, в каком состоянии находится Милева, он просил ее нарисовать портрет девочки. Он даже позволил себе пошутить:

«Хорошо бы мне тоже родить Лизерль, это должно быть потрясающее чувство».

А еще (он же был великим ученым) он просил Милеву «вести наблюдения» за развитием ребенка.

К сожалению, мать Альберта, даже после всего произошедшего, по-прежнему была категорически против брака сына и не пожелала видеть свою внучку.

Вскоре малютка заболела скарлатиной. Болезнь протекала тяжело и дала осложнения на внутренние органы: сердце, печень и почки. О дальнейшей судьбе девочки ничего доподлинно неизвестно. Одни авторы считают, что Лизерль прожила недолго и скончалась где-то в середине сентября 1903 года, другие – что она имела синдром Дауна, и ее отдали для удочерения в какую-то богатую бездетную семью…

Короче говоря, нет никакой информации в пользу того, что Эйнштейн хоть раз в жизни видел свою «дорогую Лизерль». Милева приехала к нему в Швейцарию через несколько месяцев после родов, и никакого ребенка с ней не было.

Объяснить поведение Эйнштейна можно лишь единственным способом: он только что получил швейцарское гражданство, и такое пятно в биографии, как незаконнорожденный ребенок, явно

помешало бы ему добиться успехов в консервативном швейцарском обществе.

* * *

Если супруги Марич до поры до времени смотрели на любовь дочери вполне благосклонно, так как понимали, что ей пришла пора выходить замуж, то родители Альберта, напротив, взирали на открывающуюся перспективу с нескрываемым ужасом.

Это были весьма колоритные евреи Герман Эйнштейн, сын Абрахама Эйнштейна из Бухау, и Паулина Эйнштейн (урожденная Кох), происходившая из семьи состоятельного торговца кукурузой Юлиуса Дёрцбахера, в 1842 году сменившего свою малопрезентабельную фамилию. Они считали, что невеста безобразна, хромонога, намного старше сына, да еще и какая-то «генетически неполноценная» сербка, воспитанная в православной вере. При таких обстоятельствах, заявили они, ни о какой женитьбе не могло быть и речи.

...

«Мать Эйнштейна, Полина Кох, не отличалась мягкостью и терпимостью. Она была лидером в семье, задавала тон в доме, насаждала дисциплину и имела безграничное психологическое влияние на сына, которого она постоянно шпыняла и поддразнивала. Последняя черта характера матери передалась и сыну. От нее он также унаследовал глаза, смотрящие на мир с внутренней издевкой. Беспечность характера, мягкотелость и рассеянность перешли к нему от отца, Германа Эйнштейна, – пассивного и

мечтательного человека».

(Цит. по: Олег Акимов «Феномен Эйнштейна», http://sceptic-ratio.narod.ru/fi/fenomen-6.htm)

Принято считать, что сам Эйнштейн хотел жениться, но, прежде всего, его деспотичная мать сделала все, чтобы свадьба не состоялась. По этой причине Милева сильно переживала и нервничала.

Зададимся вопросом, а чем вообще был обусловлен подобный выбор невесты? Неужели здоровый и вполне симпатичный еврейский парень не мог подыскать другую невесту? Наверняка так бы оно и случилось, если бы в Политехническом институте училось хотя бы несколько девушек. Но Милева была одна, а посему ленивый и любвеобильный Альберт, в конечном итоге, «выбрал» себе ту, которая находилась в непосредственной близости от него.

Правильно говорят, Эйнштейн никогда не умел драться: ни в жизни, ни в любви, ни в науке. Он всегда предпочитал комфортно для здоровья и нервной системы плыть по течению жизни. Однажды он сказал, и эта фраза выглядит как его вполне сложившееся жизненное кредо: «Я люблю кататься на яхте, потому что это спорт, который требует наименьших затрат энергии».

* * *

Таким образом, все шло к тому, что радужные мечты Милевы о счастливом браке с любимым человеком, о многодетной семье и, главное, о карьере ученого-преподавателя должны были рухнуть. Но неожиданно 10 октября 1902 года умер Герман Эйнштейн, отец Альберта, который, похоже, на смертном одре все же дал благословение сыну на брак с «хромоножкой».

Кроме того, перед Альбертом именно в это время открылась перспектива получения постоянного места работы в Бернском патентном бюро Швейцарской Конфедерации. Отметим, что до этого он имел лишь временную работу в технической школе Винтертура, да и в Патентное бюро его взяли с испытательным сроком на самую низкооплачиваемую должность эксперта 3-го класса. Но зато это был долгожданный контракт, который должен был приносить 3500 швейцарских франков годового жалованья, а этого было достаточно для того, чтобы прокормить семью.

В результате 20 января 1903 года Милева получила от него

письмо следующего содержания:

«Если хочешь замужества, ты должна будешь согласиться на мои условия, вот они:

Во-первых, ты будешь заботиться о моей одежде и постели.

Во-вторых, будешь приносить мне трижды в день еду в мой кабинет.

В-третьих, ты откажешься от всех личных контактов со мной, за исключением тех, которые необходимы для соблюдения приличий в обществе.

В-четвертых, всегда, когда я попрошу тебя об этом, ты будешь покидать мою спальню и кабинет.

В-пятых, без слов протеста ты будешь выполнять для меня научные расчеты.

В-шестых, ты не будешь ожидать от меня никаких проявлений чувств».

Просто кошмарный по своей циничности и безнравственности документ! Но Милева Марич приняла эти безумные условия, и бракосочетание состоялось.

Оно проходило в Бернском муниципалитете 6 января 1903 года, и на нем никто из близких родственников не присутствовал. От церковного венчания решено было отказаться, не было и свадебного путешествия. Наверное, просто не хватило денег, так как не хочется предполагать худшее…

А вот 29 октября молодые въехали в новую квартиру, находившуюся на улице Крамгассе, 49 (там сейчас располагается Музей Эйнштейна).

Вскоре после свадьбы Эйнштейн написал своему другу Михаэлю Бессо:

«Ну, вот, теперь я добропорядочный женатый человек и веду со своей женой очень приятную и комфортную жизнь. Она умеет позаботиться обо всем, чудесно готовит и все время пребывает в хорошем настроении».

Милева, казалось, тоже была очень довольна. Во всяком случае, со своей подругой Элен Савич-Кауфлер она поделилась следующими радостными переживаниями:

«Сейчас я к нему, к моему сокровищу, привязана еще больше (если это вообще возможно), чем когда мы жили в Цюрихе. Он мой единственный друг и товарищ, мне не нужно другого общества, и часы, когда он со мной рядом, это счастливейшее время в моей жизни».

...

«Я не верю в Бога, который награждает и карает, в Бога, цели которого слеплены с наших человеческих целей. Я не верю в бессмертие души, хотя слабые умы, одержимые страхом или нелепым эгоизмом, находят себе пристанище в такой вере».

(Альберт Эйнштейн)

* * *

В мае 1904 года у Милевы родился сын, которого назвали Ганс-Альберт, и все пошло очень хорошо.

С конца июля по начало августа Эйнштейн взял отпуск, чтобы все время проводить с долгожданным сыном и женой. А в сентябре закончился испытательный срок, и его наконец зачислили в штат Бернского патентного бюро с окладом теперь уже в 3900 швейцарских франков. С точки зрения карьеры это был хороший шаг вперед, но после этого, как пишет Фридрих Вайсенштайнер, «забота о новорожденном легла на плечи матери».

Примерно в это же время Берн посетил отец Милевы, Милош Марич-старший, чтобы посмотреть на внука и передать зятю приданое невесты в размере 100 000 австро-венгерских крон, что соответствовало примерно 25 000 тогдашних долларов.

Джордже Крстич сообщает нам, что Эйнштейн никак не ожидал получить столь внушительную сумму от своего тестя, а посему вдруг заявил, что взял Милеву в жены вовсе не ради денег, что он ее безумно любит, что она – его ангел-хранитель и главный вдохновитель. В общем, тесть и зять остались очень довольны друг другом, и прежние обиды, казалось, теперь отошли в прошлое.

Потом в Берн приехал Милош Марич-младший, брат Милевы, тогда еще студент. Альберт все время пропадал на службе в Патентном бюро, а Милева с сыном и братом много гуляла в местном парке. После этого брат Милевы всегда рассказывал, что супруги очень дружно работали вместе, каждый вечер что-то читали, вычисляли и оживленно обсуждали. Короче говоря, хорошее было время, и казалось, что так будет всегда.

* * *

А тем временем карьера Эйнштейна стремительно развивалась. Весной 1906 года он получил в Цюрихском университете докторский диплом, а потом был зачислен на должность приват-доцента. В мае 1909 года он уже был профессором, а через год, 28 июля 1910 года… у них с Милевой родился второй сын, Эдуард, которого мать ласково называла Тете (по-сербски – «малыш»).

Так вот осенью того же года Эйнштейну предложили место заведующего кафедрой экспериментальной физики в Пражском университете. Милева была категорически против, так как дети были совсем маленькими, и ей не хотелось подвергать их риску переезда в другой город.

Но поехать пришлось, и в Праге Эйнштейн продолжил целыми днями торчать на работе. В результате, как пишет Фридрих Вайсенштайнер, «между супругами росло непонимание, ссоры вспыхивали из-за мелочей. Брак их был на краю краха».

Этот переезд стал поворотным пунктом в их личной жизни. Когда влечение стало угасать, гений вдруг превратился в обычного мужчину, то есть стал эгоистичным, капризным, несправедливым, порой даже безжалостным. К тому же в жизни Альберта появилась еще одна женщина, о существовании которой Милева долгое время даже не догадывалась. Это была его двоюродная сестра Эльза Лёвенталь, с которой уже в то время его стало связывать нечто большее, чем просто родственная привязанность.

…

«Умные люди всегда задают вопросы. Спрашивайте себя и других людей, чтобы найти решение. Это позволит вам узнавать новое и анализировать собственный рост».

(Альберт Эйнштейн)

* * *

Как известно, лучше всего характеризуют человека его собственные поступки. Но и слова тоже, ибо из слов человека можно заключить, каким он намерен казаться.

Вот несколько афористичных высказываний Эйнштейна: «Верхняя половина планирует и думает, в то время как нижняя определяет нашу судьбу»; «Хотя влюбляться – это не самое глупое, что делают люди, тем не менее, гравитация за это ответственности не несет»; «Только при рождении и когда мы умираем, нам разрешается вести себя честно»…

В последней фразе явно подразумевается, что на протяжении всей остальной жизни людям разрешается дурачить друг друга, что постоянно и делал наш гениальный ученый.

Дэнис Брайен пишет об Эйнштейне:

«На протяжении всей своей взрослой жизни он окружал себя женщинами».

Биографы Эйнштейна Роджер Хайфилд и Пол Картер уточняют эту мысль:

«Его склонность к флирту стала частью семейного фольклора, и внучка Эвелин отзывается о нем, как о «дамском угоднике и настоящем повесе». Но при всей своей любви к дамскому обществу он порой выказывал такое презрение к интеллекту женщин и к самой женственности, что его впору было счесть женоненавистником».

* * *

С 1912 года Эйнштейн вел тайную любовную переписку со своей будущей женой Эльзой.

Но ведь она была его двоюродной сестрой? Казалось бы, зачем ему это? А дело в том, что из генеалогического древа рода Эйнштейнов видно, что в нем часто совершались браки между

родственниками. В частности, Герман Эйнштейн и Полина Кох, то есть отец и мать Альберта, были друг другу именно двоюродными братом и сестрой. Да и сама Эльза Лёвенталь появилась на свет от брака между двоюродным братом и сестрой – между Рудольфом Эйнштейном и Фанни Кох.

Милева, воспитанная совсем в других традициях, была в шоке от такого «расклада», и в 1914 году они расстались. После этого она вместе с сыновьями вернулась в Цюрих.

Оставшись один, Эйнштейн попытался в 1915 году получить развод, пообещав Милеве в обмен деньги, которые он получит от Нобелевской премии, а та, как говорится, была «на подходе» (Эйнштейна неоднократно номинировали на эту премию, однако члены Нобелевского комитета долгое время не решались присудить ее автору слишком уж революционных теорий).

...

«Ценность человека должна определяться тем, что он дает, а не тем, чего он способен добиться. Старайтесь стать не успешным, а ценным человеком».

(Альберт Эйнштейн)

Эйнштейн писал жене:

«Обещаю тебе, что когда я получу Нобелевскую премию, то отдам тебе все деньги. Ты должна согласиться на развод, в противном случае ты вообще ничего не получишь».

Премию, однако, он получил лишь в 1922 году (в конце концов, был найден дипломатичный выход из положения: премия за 1921 год была присуждена Эйнштейну в самом конце 1922 года за теорию фотоэффекта, то есть за наиболее бесспорную и хорошо проверенную экспериментально работу), а брак был расторгнут в 1919 году. Получается, что на протяжении пяти лет Милева отказывалась дать ему развод.

Нобелевская премия составила 32 000 долларов – по тем временам это была огромная сумма. И надо отдать должное Эйнштейну: верный своему слову, он все деньги перевел на имя

бывшей жены.

В документе, составленном в связи с расторжением брака, Эйнштейн признался, что изменял Милеве и рукоприкладствовал. Потом он написал ей:

«С течением времени ты убедишься, что нет лучше экс-мужа, чем я, ибо я верен, быть может, не в той форме, в какой себе представляют это юные девушки, но, тем не менее, я верен и честен».

Право же, трудно даже пытаться понять, какой смысл вкладывает здесь великий ученый в слова «верен и честен», ибо верным и честным по отношению к представительницам «слабого пола» он не был никогда. На сей счет у него, как мы уже говорили, имелась собственная философия: он, например, говорил, что институт брака придумала «какая-то свинья, лишенная воображения». А еще он совершенно искренне считал, что «брак противоречит человеческой природе», и отзывался о нем, как о «рабстве в цивилизованной одежде».

* * *

Итак, Милева осталась одна с детьми на руках, и вскоре обнаружилось, что Эдуард умственно неполноценен. А Ганс-Альберт рос слабым ребенком и все время болел. Несмотря на это, стойкая женщина пыталась продолжать свою научную работу. Бывший же муж постоянно писал ей письма, в которых содержалась масса упреков. Он обвинял ее в проблемах сыновей и в болезненной ревности, которая якобы все испортила. Собой же и своими успехами он был очень доволен.

Милева Марич и оба ее сына жили в очень стесненных обстоятельствах. На деньги, полученные от Нобелевской премии, она купила квартиру, но большая часть суммы была потрачена на лечение больного шизофренией Эдуарда. На жизнь не хватало, так что Милева стала давать частные уроки. И так продолжалось, пока в 1948 году она не скончалась в полном одиночестве в одной из цюрихских больниц.

После этого Эдуарда поместили в санаторий для психических больных, где он и оставался до конца жизни (до 1965 года). Отец слал ему туда письма, но Эдуард даже не способен был на них ответить.

Ганс-Альберт, старший сын Эйнштейна, работал инженером в Сан-Франциско. С отцом у него сложились довольно сложные взаимоотношения. Он так и не простил его за то, что тот ушел из семьи и плохо относился к его матери. Когда после смерти

Милевы Эйнштейн написал, что очень расстроен, так как без нее судьба Эдуарда внушает ему тревогу («Самое плохое, что он остался один на свете, в котором ничего не понимает»), Ганс-Альберт воспринял это как лицемерие.

И он был прав. На самом деле, своего сына Эдуарда Эйнштейн видел в последний раз в 1914 году. Забегая вперед, отметим, что, когда 18 апреля 1955 года Альберт Эйнштейн скончался, Ганс-Альберт и его сын Бернхард, как установленные исполнители завещания, и не подумали выполнять его. Несмотря на волеизъявление великого ученого, чтобы после смерти тело его сразу же кремировали и похоронили, сын и внук разрешили произвести вскрытие и изъятие мозга отца.

...

«Милева Марич – сама честность, пытливый исследовательский ум, она предана истине и мужу, трогательно заботится о детях. Она никогда не пойдет на подгонку теории под нужный результат эксперимента, на подтасовку фактов; написанный ею текст – результат глубокой всесторонней проработки предмета изучения. Альберт Эйнштейн – полная ей противоположность: он обманывает жену и детей, способен на предательство и постоянно лицемерит» .

(Цит. по: Олег Акимов «Феномен Эйнштейна», http://sceptic-ratio.narod.ru/fi/fenomen-6.htm)

* * *

Милева Марич, как мы помним, была очень одаренной в математике и физике женщиной, однако ей приходилось с большим трудом пробивать себе дорогу в науке. И удалось ей в этом смысле немногое. Но вот зато на своего мужа она явно повлияла весьма серьезно, и это подтверждает Фридрих Вайсенштайнер, который пишет:

«Можно с полным правом предположить, что Милева оказала на духовное и эмоциональное развитие Альберта Эйнштейна куда большее влияние, чем считалось до сих пор в кругах специалистов».

По словам этого биографа Милевы, Эйнштейн «высоко ценил ее математические познания, которые превосходили его собственные». И это, в самом деле, было так. Даже будучи беременной, Милева делала для Эйнштейна огромное количество всевозможных расчетов. Многие специалисты даже говорят, что значительную часть математических доказательств теории относительности (Эйнштейн, как известно, не очень любил математику) выполнила именно Милева.

Как пишут биографы Эйнштейна Роджер Хайфилд и Пол Картер, Милеве были «в высшей мере присущи уверенность в себе и независимость, дисциплинированное отношение к занятиям и здоровое отсутствие излишнего почтения к авторитетам».

Они же рассказывают о том, что Эйнштейн признавался друзьям: «Математическую часть работы за меня делает жена».

...

«Несомненно, Милева Марич лучше владела математикой, чем Альберт Эйнштейн. В «Собрании документов Альберта Эйнштейна» (CPAE) приводится фотография разворота одной из записных книжек Эйнштейна, в котором рукой Милевы исправлены математические ошибки, допущенные Альбертом».

(Цит. по: Олег Акимов «Феномен Эйнштейна», http://sceptic-

ratio.narod.ru/fi/fenomen-6.htm)

Джордже Крстич в своей книге «Милева и Альберт Эйнштейн: любовь и общая научная работа» полагает, что Милева занималась наукой вместе с Эйнштейном «спокойно, скромно и незаметно для глаз людских».

Однако есть и те, кто оспаривает участие Милевы Марич в написанных Эйнштейном работах. В ранних биографиях Эйнштейна она вообще упоминается вскользь. Феминистки, напротив, всегда называли ее соавтором или даже автором ранних трудов великого ученого, приводя в качестве аргумента то, что Эйнштейн разделил с ней Нобелевскую премию. Противники этой гипотезы утверждают, что этот поступок Эйнштейна следует толковать исключительно как джентльменский жест и указывают на то, что ни одна научная работа Милевы Марич неизвестна.

Скандально известный В.А. Истархов в своей книге «Удар русских богов» утверждает:

«Роль славянской жены Эйнштейна Милевы Марич (сербки по национальности) в создании и специальной и общей теории относительности полностью замалчивается. Однако Милева Марич была сильным физиком, и ее роль, мягко говоря, не мала. Достаточно заметить, что все три «эпохальные» статьи Эйнштейна были подписаны соавторами Эйнштейн-Марич.

Общую теорию относительности Эйнштейн «создал» в 1915 году на базе фундаментальной теории поляка Минковского о четырехмерном пространстве времени. А Минковский всего лишь развил идею четырехмерного пространства Пуанкаре. Фундаментальную формулу E = mc2 придумал не Эйнштейн, а его первая славянская жена Милева Марич. Так что в фундаменте даже самых крупных еврейских «гениев» лежат украденные чужие идеи, выданные за свои. Эйнштейн, конечно, вложил и свой труд и получил нечто. Но что получилось? Общая теория относительности полна абсурдов и логических противоречий, и от этих противоречий Эйнштейн избавиться не смог».

В качестве доказательства роли Милевы Марич обычно приводится одно из писем Эйнштейна, в котором он прямо указывает на соавторство:

«Как счастлив и горд я буду, когда мы вдвоем доведем работу по относительности движения до победного конца».

В других письмах он также часто использовал подобные формулировки: «если в результате мы выведем закон природы…», «мы пошлем статью в…» и т.д.

В пользу этой гипотезы свидетельствуют слова «отца

советской физики» А.Ф. Иоффе, который утверждал, что «все три эпохальные статьи 1905 года были подписаны Эйнштейн-Марич». Кроме того, обычно ссылаются на Эвана Харриса Уолкера, который заявляет:

«Есть основания полагать, что изначальная идея теории относительности принадлежит именно ей».

Доктор Уолкер вообще уверен, что роль Эйнштейна состояла лишь в том, что он сумел должным образом эту идею формализовать.

...

«Эйнштейн в двух своих автобиографических очерках, 1949 и 1955 года, определенно высказался о своем незнании математики. Это, несомненно, соответствует истине. Очевидно, неприятное для него признание сделано потому, что окружающие его физики и математики никогда не видели, чтобы он работал над математическими выкладками. Неудобный для физика-теоретика вопрос постоянно витал в воздухе, так что указанное откровение было для него вынужденным».

(Цит. по: Олег Акимов «Феномен Эйнштейна», http://sceptic-ratio.narod.ru/fi/fenomen-6.htm)

Противников гипотезы о решающей роли Милевы Марич также немало. Например, в 1930 году Рудольф Кайзер (муж Ильзе Эйнштейн, дочери Эльзы Лёвенталь) под псевдонимом Антон Рейзер издал хвалебно-угодливую биографию ученого, в которой имя Милевы Марич упоминается всего один раз.

Еще один биограф Филипп Франк пишет:

«Если он хотел сообщить ей, как коллеге, волновавшие его идеи, ее реакция была настолько скудна и слаба, что он часто

совершенно не понимал, интересовалась ли она этим или нет».

* * *

Эйнштейну было тридцать три, когда в 1912 году он влюбился в свою двоюродную сестру Эльзу Лёвенталь. Эльза была чуть моложе Милевы, но старше его (она родилась 18 января 1876 года).

Фридрих Вайсенштайнер пишет о ней:

«Она была разведена, имела двоих детей и жила в большой, по бюргерским меркам, комфортабельной квартире. Эльза выгодно отличалась от Милевы: она была жизнерадостной и уравновешенной».

А еще она была весьма хороша собой и мечтала об артистической карьере. В неполных двадцать лет, в 1896 году, она вышла замуж за торговца текстилем Макса Лёвенталя, но они развелись 11 мая 1908 года, и от этого брака у нее остались две девочки – Ильзе и Марго.

Когда она начала делить постель с Альбертом, Милева, узнав об этом, приняла решение бороться за мужа. А раз так, она написала возлюбленной Альберта:

«Надо бы тебе знать, мадам, что ты бессовестная потаскуха. А потому желаю тебе всего самого плохого. И не надейся, что твоя судьба будет складываться лучше моей».

Эльза на эту грубость пожаловалась Альберту. Тот в декабре 1913 года ответил ей следующим образом:

«Моя самая дорогая! В действительности нет никаких причин, чтобы ты испытывала головную боль из-за моей жены. Еще раз заверяю тебя, что этой проблемы не существует. У нас с ней давно разные спальни, и я отношусь к ней только как к моему сотруднику, которого я, к сожалению, не могу уволить».

Через несколько месяцев после развода, 2 июня 1919 года, Эйнштейн женился на Эльзе Лёвенталь и удочерил двух ее девочек.

К сожалению для себя, Эльза очень быстро убедилась в том, что Милева достаточно точно предсказала ее будущее. Альберт много работал, но при этом не сторонился и романов с другими женщинами. Соответственно, Эльза переживала страшные муки ревности и унижения.

Биограф Дэнис Брайен отмечает, что Эйнштейн «из-за своих внебрачных интересов заработал себе в кругу тех немногих, кто знал о них, репутацию волокиты». В самом деле, и Эльза, его вторая супруга, не могла не испытывать приступы ревности,

поскольку для этого существовали самые веские основания.

О.Е. Акимов в своей статье «Феномен Эйнштейна» пишет:

«Эйнштейн жил в мире всеобщей любви. Однако любовь и предательство тесно переплетаются. Вместе они связаны с моральными качествами человека, в данном конкретном случае с отсутствием таковых. Переспать с женой своего друга для Альберта было делом обычным. Светские ловеласы нисколько не осуждали его за это. Однако нужно было обладать изрядной долей цинизма, чтобы потом с рогатым обманутым, как ни в чем не бывало, мирно обсуждать научные темы. В целом, отношение Эйнштейна к женщинам можно назвать как неуважительное, нередко как просто свинское. Этому имеется множество свидетельств, но самыми некрасивыми из них были предательства в отношении друзей. Некоторые биографы, преклоняясь перед мифологизированным образом Эйнштейна, не смогли разглядеть всей глубины его цинизма».

...

«Подлинная цель моих исследований всегда состояла в том, чтобы добиться упрощения теоретической физики и ее объединения в целостную систему. Я сумел удовлетворительно осуществить эту цель для макромира, но не для квантов и структуры атомов. Думаю, что, несмотря на значительные успехи, современная квантовая теория все еще далека от удовлетворительного решения последней группы проблем».

(Альберт Эйнштейн)

Дэнис Брайен замечает:

«В кругу друзей, главным образом, врачей и коллег-физиков, он был оживлен, общителен и остроумен. Эйнштейн также поддерживал самые теплые отношения с их женами, по крайней

мере, с некоторыми. Пожалуй, одними из самых теплых они были у него с Хеди Борн, дамой из театральных кругов и женой физика Макса Борна […] Что касается супруги Макса, то она питала убеждение, будучи, возможно, единственной в своем роде, что потрясающее умение жить, присущее Эйнштейну, даже превосходит его научные достижения».

Похоже на то, что Хеди Борн действительно разглядела в характере гениального ученого наиважнейшую черту – умение получать от жизни максимум удовольствий, расходуя при этом минимум усилий.

Карл Зелиг в своей биографической книге об Эйнштейне раскрывает нам его «формулу успеха»:

…

$$A = X + Y + Z,$$

где А – успех, Х – работа, Y – игра, а Z – умение держать язык за зубами.

У Дэниса Брайена читаем:

«Интерес Эйнштейна к другим женщинам не ограничивался Хеди Борн, хотя в случае с нею дело вряд ли зашло дальше флирта».

Как бы то ни было, отношения Макса Борна с Эйнштейном непоправимо испортились.

А еще у Эйнштейна были любовные похождения с Маргарете Ленбах (красавицей блондинкой родом из Австрии), с Эстеллой Каценелленбоген (владелицей большого цветочного магазина), с двадцатитрехлетней австриячкой Бетти Нойманн (племянницей одного из его друзей), с Тони Мендель (богатой и элегантной вдовой)…

Последняя, как отмечает О.Е. Акимов, увозила Эйнштейна «на своем роскошном лимузине прямо на глазах у Эльзы. Однажды несчастная жена спрятала от мужа деньги, чтобы он не смог шиковать в ресторане с любовницей. Однако ее усилия были напрасны. Тони увезла Альберта сначала в театр, потом на свою виллу, откуда он вернулся уже под утро…»

Говорят, будто Эйнштейн одновременно жил со всеми тремя членами семьи Лёвенталь, то есть он спал не только в постели Эльзы, но и Ильзе с Марго. Говорят, что мать не возражала против этого. Ильзе умерла рано – в 1934 году, Эльза – в 1936 году, когда пятидесятисемилетнему Эйнштейну еще нужна была женщина. Он не женился в третий раз, но окружил себя неким подобием

«гарема», в который входила еще и секретарша Элен Дюкас, у которой тогда не было другого мужчины.

Ильзе Лёвенталь рассказывала одному своему близкому другу, что однажды Эйнштейн признался ей в любви и попросил ее выйти за него замуж. Отчим якобы даже пообещал падчерице порвать свои отношения с ее матерью. Да и Эльза якобы была готова сама отойти в сторону, дабы не мешать счастью дочери.

Ильзе писала:

«Сам Альберт отказывается принять окончательное решение. Он готов жениться либо на мне, либо на маме. Я знаю, что он очень любит меня, и никто не будет так любить меня, как он. Об этом он говорил мне вчера».

При этом она признавалась, что по отношению к Эйнштейну она сама имела только «истинные чувства дружбы и товарищества» и никогда не испытывала «даже намека на физическое влечение».

Марго Лёвенталь вышла замуж поздно, когда ей уже было за тридцать. Вышла она за Дмитрия Марьянова, русского журналиста, а после развода с ним она осталась в доме Эйнштейна.

Марго умерла в 1986 году, а вот журналист Марьянов, который, по всей видимости, был неплохо осведомлен о любовных похождениях Эйнштейна, не оставил нам ничего, кроме нескольких фрагментов, приведенных в книге Роджера Хайфилда и Пола Картера. В частности, его фамилия фигурирует в следующем отрывке, где биографы Эйнштейна пишут, как светские львицы объявили настоящую охоту на Эйнштейна:

«Многие из них были очень красивы, – пишет Марьянов, – и почти все они жаждали общения более близкого, чем то, на которое, в соответствии с условностями, претендовали в самом начале знакомства. Некоторые, чтобы добиться встречи с ним, прибегали к стратегическим уловкам, достойным штабных генералов, другие действовали с ошеломляющей прямолинейностью».

Но вернемся к нашим баранам: приходится констатировать, что Эльза Лёвенталь и не могла не понять, что ей уготовлена та же участь, что и первой жене великого гения.

* * *

Однажды Эльза нашла в вещах мужа элегантный женский купальник, который якобы принадлежал одной его «хорошей знакомой», и она вышла из себя. Потом поводов для ревности

стало появляться все больше и больше. По словам О.Е. Акимова, «женщины липли к знаменитому профессору, как железные опилки к магниту» (ореол славы сделал обаяние Эйнштейна неодолимо притягательным, и куда бы он ни пошел, он всегда оказывался в центре внимания, причем преимущественно женского). «Они сотнями окружали его, а он не только не противился этому, а напротив, охотно отвлекался на их внимание»…

Биографы Эйнштейна Роджер Хайфилд и Пол Картер отмечают:

«У женщин вдруг возникала необъяснимая страсть к науке, предмету, обычно нагоняющему на них сон. Каждая из дам просила, чтобы Эйнштейн изложил свою теорию лично ей, благо при этом она могла слушать его голос и видеть обращенный на нее взгляд».

Возмущенная Эльза по несколько дней не разговаривала с мужем, ходила с натянутой ледяной улыбкой, всем видом показывая свое недовольство. Все было напрасно…

Эйнштейн как-то написал:

«Жить долгие годы не только в мире, но и в подлинном согласии с женщиной – эту задачу я дважды пытался решить, и оба раза с позором провалил».

…

«Кажется, люди утратили стремление к справедливости и достоинству, перестали уважать то, что ценою огромных жертв сумели завоевать прежние, лучшие поколения… В конечном счете основой всех человеческих ценностей служит нравственность. Ясное осознание этого в примитивную эпоху свидетельствует о беспримерном величии Моисея. Какой контраст с нынешними людьми!»

(Альберт Эйнштейн)

После развода имя Милевы Марич в присутствии Эйнштейна по возможности не произносилось, дабы не раздражать его. И про нее забыли почти так же, как и про его первую дочь Лизерль. Любая информация о Милеве либо отсутствовала, либо носила сильно искаженный характер.

А что же Эльза? Насколько бескорыстна она была? Наверняка она не могла не думать о том, какое будущее ждет ее талантливого кузена. И действительно, после повторного брака он стал известным во всем мире. Он стал почитаем и богат, его теория относительности стала общественной сенсацией. В последующие годы он объездил практически весь мир. Конечно же и Эльза тоже купалась в лучах этой славы. Она повсюду сопровождала своего великого мужа, и ей очень льстило, когда ему выказывали почет, уважение и искреннее восхищение.

Эльза умерла 20 декабря 1936 года в США, куда они эмигрировали в 1933-м. Когда к власти пришел Адольф Гитлер, Эйнштейн отказался от должности профессора в Берлине и принял предложение Института передовых исследований в Принстоне (штат Нью-Джерси).

* * *

А за год до смерти Эльзы в жизни Эйнштейна появилась еще одна женщина, отношения с которой – это уже не просто очередная любовная история. Гений науки и русская шпионка в Америке – чем не сюжет для крутого политического триллера. О любовной связи Альберта Эйнштейна с Маргаритой Конёнковой стало известно лишь в 1998 году, когда на американском аукционе Sotheby's были выставлены его письма к ней (корреспонденция, фотографии, рисунок Эйнштейна и часы, которые он подарил Конёнковой, ушли за 250 000 долларов). К тому же постепенно начали всплывать секретные акты КГБ, в которых была описана длившаяся десять лет любовная связь всемирно известного ученого, из-за которой он практически стал осведомителем советских спецслужб.

Маргарита Ивановна Конёнкова (в девичестве Воронцова) родилась в 1896 году. Ее отец – Воронцов Иван Тимофеевич – был адвокатом Сарапульского окружного суда. Окончив женскую гимназию, Маргарита свободно владела английским и немецким языками. В Москве она училась на юридических курсах мадам Полторацкой, была знакома с Федором Шаляпиным (она близко дружила с дочерью певца), Сергеем Есениным, Сергеем Рахманиновым, Всеволодом Мейерхольдом и многими другими

выдающимися людьми. В 1915 году она познакомилась, а через семь лет вышла замуж за знаменитого скульптора Сергея Тимофеевича Конёнкова, которого по праву называли «русским Роденом».

Это была красивая, статная женщина, стройная и длинноногая, которая много работала моделью для своего мужа (известно, например, что именно она была моделью для одного из лучших его произведений, которое называется «Обнаженная фигура в рост»). По слухам, у прекрасной Маргариты и до знакомства с Эйнштейном уже был кое-какой опыт в любви на два-три фронта – намек на ее романы с Рахманиновым и Шаляпиным. Однако ее муж лишь весьма смутно представлял себе ее реальную роль и подлинную работу.

Супруги Конёнковы оказались в Соединенных Штатах в 1923 году, приехав на выставку русского искусства. В результате там они задержались до 1945 года, и, начиная с 1942 года, Маргарита, по сути, возглавляла Комитет помощи России (председателем назначила С.Т. Конёнкова, а она официально была его секретарем, но именно она вела всю работу по закупке медикаментов, зерна и военной техники, по сбору посылок и одежды).

...

«Я могу утверждать, что религиозное чувство, имеющее некий космический исток, в научных исследованиях переживается особенно остро. Без сомнения, это чувство сильнее всего ощущали первые создатели научных концепций. Научное, рациональное понимание строения Вселенной дает человеку самое глубокое чувство веры. Понимание Вселенной, обретенное после многих лет работы, одарило такими глубокими чувствами Кеплера и Ньютона. Те, кто оставался лишь в практической

сфере научных исследований, всегда и везде давали этому факту ошибочные объяснения. Эта интуиция и вдохновение наполняют сердца лишь тех, кто отдал всю свою жизнь науке, и только такие люди, несмотря на тысячу и одну трудность, продолжают свои поиски. Они получают эту силу от религиозного чувства».

(Альберт Эйнштейн)

Ее встреча с Эйнштейном произошла в Нью-Йорке, когда тот позировал ее мужу (скульптурный портрет Эйнштейна был заказом от ученых Принстона, и С.Т. Конёнков его добросовестно выполнил). Маргарита Конёнкова сразу же очаровала ученого. Эйнштейну было тогда пятьдесят шесть, а Маргарите – тридцать девять. Наверное, это была любовь с первого взгляда. При этом страсть нарастала постепенно, но остановить ее уже было невозможно…

Жизнь – странная штука, и она всегда подкидывает нам неожиданные сюжеты: прекрасная русская оказалась не просто женой великого скульптора, она еще была и агентом НКВД, и ее целью была создаваемая в США атомная бомба (необходимо было узнать больше о разработчиках этого неизвестного тогда супероружия). Но вряд ли, выполняя задание своих начальников, Маргарита Конёнкова (агент «Лукас») подозревала, чем все это для нее обернется. Вряд ли она догадывалась, как изменится ее жизнь после знакомства с Эйнштейном…

Они называли друг друга разными ласковыми именами, а Принстонский институт, где работал Эйнштейн, – «гнездышком». Они придумали для себя и общее имя: «Альмар» (производное от Альберта и Маргариты).

На Рождество 1943 года он написал ей стихи:

Тебе не вырваться из семейного круга -
Это наше общее несчастье.
Сквозь небо неотвратимо
И правдиво проглядывает наше будущее,
Голова гудит, как улей,
Обессилели сердце и руки…
Ты говоришь, что любишь меня,
Но это не так.

Я зову на помощь Амура,
Чтобы уговорил тебя быть ко мне милосердной.

А любовниками они стали в конце 1936 года, когда от болезни сердца умерла Эльза Эйнштейн, и потом целых три года им приходилось встречаться тайно. Эйнштейна такое положение дел решительно не устраивало, и однажды он решился на подлог. Он написал ее мужу длинное письмо, в котором сообщал, что Маргарита серьезно больна. К письму были приложены многочисленные справки, которые он раздобыл у своих друзей-медиков. Те настоятельно советовали миссис Конёнковой подлечиться в «благоприятном климате» курорта Саранак-Лейк, который был любимым местом отдыха Эйнштейна. Обеспокоенный состоянием жены, Сергей Тимофеевич отправил ее «лечиться», и вскоре к ней присоединился и ее любовник…

Конечно же, рано или поздно муж узнал об их отношениях и устроил Маргарите грандиозный скандал. Но она все равно продолжила встречаться с Эйнштейном.

Вряд ли великий ученый догадывался о спецзадании своей возлюбленной, а вот «Центр» был очень доволен работой агента «Лукаса». Например, она сумела свести Эйнштейна с главным резидентом ГРУ Генштаба Павлом Петровичем Мелкишевым, работавшим в США вице-консулом под фамилией Михайлов (в декабре 1945 года он будет объявлен персоной нон грата и выдворен из страны).

Эйнштейн встречался с «Михайловым» несколько раз и несколько раз упоминал его в своих письмах. В частности, 27 ноября 1945 года он написал Маргарите:

«Между нами, кажется, возникла искренняя симпатия».

Но уже в письме от 8 февраля 1946 года он сообщил:

«Михайлов не пришел, чтобы со мной увидеться; надеюсь, что я не попал под табу; никто ничего не знает».

Что конкретно передал Эйнштейн «Михайлову» – неизвестно. Но именно он помог Конёнковым в сентябре 1945 года беспрепятственно получить советские визы и в ноябре 1945 года вернуться в СССР.

Через много лет начальник Бюро по диверсионной работе за границей и один из организаторов убийства Л.Б. Троцкого генерал П.А. Судоплатов напишет в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы»:

«Жена известного скульптора Конёнкова, наш проверенный агент, действовавшая под руководством Лизы Зарубиной, сблизилась с крупнейшими физиками Оппенгеймером и

Эйнштейном в Принстоне. Она сумела очаровать ближайшее окружение Оппенгеймера. После того, как Оппенгеймер прервал связи с американской компартией, Конёнкова под руководством Лизы Зарубиной и сотрудника нашей резидентуры в Нью-Йорке Пастельняка постоянно влияла на Оппенгеймера и еще ранее уговорила его взять на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями, на разработку которых уже были нацелены наши нелегалы и агентура».

Однако, по мнению некоторых биографов, никто из видных физиков не передавал секретную информацию советским органам. Они утверждают, что Эйнштейн мог быть только козырем в советской пропаганде. Но зато – каким козырем! Да и сам секрет атомной бомбы был все-таки выкраден советской разведкой, так что вполне можно говорить о том, что канал Эйнштейн-Конёнкова являлся составной частью большого и разветвленного плана похищения атомного секрета.

Последняя встреча влюбленных произошла в августе 1945 года. Когда Конёнковы получили приказ из Москвы возвращаться на Родину, Маргарита последний раз приехала к Эйнштейну и прожила у него около двух недель. На прощание он подарил ей свои золотые часы (те самые, что были проданы в 1998 году на аукционе Sotheby's). После этого их переписка продолжалась еще десять лет, вплоть до смерти Эйнштейна в 1955 году. В письмах Эйнштейн жалел Маргариту, он называл СССР «ее огрубевшей Родиной», интересовался, не досаждают ли ей «бывшие работодатели» (этот последний факт обычно преподносится, как доказательство того, что он все знал, но не догадывался, что такие «работодатели» в разряд бывших не переходят никогда).

Маргарита пережила Эйнштейна на двадцать пять лет. После смерти мужа она осталась совсем одна, никуда не выходила, избегала встреч с людьми. Ее домработница откровенно издевалась над немощной хозяйкой, специально портила ее вещи и воровала драгоценности. В 1980 году Маргарита Конёнкова умерла от истощения, просто отказавшись принимать пищу.

* * *

«Каждый, кто серьезно занимается наукой, убеждается в том, что в законах природы присутствует некий дух, и этот дух выше человека. По этой причине занятия наукой приводят человека к религии».

(Альберт Эйнштейн)

Наверное, последней любовью Эйнштейна стала Йоганна Фантова, родившаяся в Праге в 1901 году. Эта связь началась уже после отношений с Маргаритой Конёнковой, где-то в конце 40-х годов, а особо активной она стала в самые последние годы жизни ученого. Известно это стало после того, как в архиве библиотеки Принстонского университета был обнаружен дневник Йоганны, насчитывающий чуть больше шестидесяти страниц. Он начинается октябрем 1953 года и заканчивается апрелем 1955 года.

Фантова была младше своего возлюбленного на двадцать два года. Они познакомились еще до того, как Эйнштейн эмигрировал из нацистской Германии в США – в 1929 году в Берлине. В 1939 году Йоганна приехала в Принстон, где уже жил Эйнштейн, у которого за три года до этого умерла его вторая жена Эльза. Вскоре они стали близкими друзьями.

А потом Эйнштейн, в свойственной ему манере, стал писать ей стихи и письма, украшенные шутками и поцелуями. Они вместе катались на лодке, ходили в театры. А если они не были вместе, то Эйнштейн, как мальчишка, по нескольку раз в день звонил ей.

В предисловии к своему дневнику Йоганна Фантова говорит, что «хотела расширить наше представление об Эйнштейне. Взглянуть на него не как на человека, ставшего легендой еще при жизни, не как на великого ученого, а как на гуманиста».

Текст дневника, написанный на немецком языке, состоит примерно из двухсот отдельных записей, и они повествуют не только о любви, но и о том, как Эйнштейн боролся со своею старостью. Например, по словам Йоганны, гений науки часто прикидывался больным, чтобы не встречаться с постоянно докучавшими ему визитерами.

Йоганна Фантова пишет в своем дневнике:

«Он очень определенно высказывался по поводу многих событий в мировой политике, чувствовал частичную

ответственность за создание атомной бомбы, и эта ответственность сильно давила на него».

Еще один любопытный факт: в последний год жизни у «гуманиста» (а он умер 18 апреля 1955 года) появился еще один друг – попугай Бибо. Его ему подарили на семидесятипятилетие. Думая, что птица грустит в неволе, как рассказывает Йоганна Фантова, отец теории относительности рассказывал ему… непристойные анекдоты.

…

«Когда пропадает религиозное чувство, наука превращается в простое экспериментирование без вдохновения».

(Альберт Эйнштейн)

Незадолго до своей смерти Йоганна Фантова предприняла безуспешную попытку издать свой дневник. Она умерла в 1981 году, дожив до восьмидесяти лет.

Литература

На русском языке

АБРАНТЕС Лора. Записки герцогини д'Абрантес (перевод с французского). ТТ.1–16. М., 1835–1839.

АКИМОВ О.Е. Феномен Эйнштейна (http://sceptic-ratio.narod.ru/fi/fenomen-4.htm)

АМОСОВ А.Н. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина: со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К.К. Данзаса. СПб., 1863.

АРИНШТЕЙН Л.М. С секундантами и без… Убийства, которые потрясли Россию: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов. М., 2010.

БЕРБЕРОВА Н.Н. Чайковский. История одинокой жизни. Берлин, 1936.

БРАЙЕН Дэнис. Альберт Эйнштейн (перевод с английского). Минск, 2000.

БРИОН Марсель. Моцарт (пер. с французского). М., 2007.

БЭЛЗА И.Ф. Моцарт и Сальери. М., 1953.

БЭЛЗА И.Ф. Моцарт и Сальери (к исторической достоверности трагедии Пушкина) // Пушкин. Исследования и материалы. Том IV. М.–Л., 1962.

ВАЙСЕНШТАЙНЕР Фридрих. Жены гениев (перевод с немецкого). М., 2008.

ВЕЛЛЕР М.И. Перпендикуляр. М., 2008.

ВЕЛЬШ Рената. Жена Моцарта (перевод с немецкого). М., 2002.

ВИГДОРОВА Ф.А. Минуты тишины. М., 1967.

ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания: Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин, 1923.

ГЕЙНЕ Эрнст-Вильгельм. Кто убил Моцарта? Кто обезглавил Гайдна? (пер. с немецкого). Новосибирск, 2002.

ГЕРЦЕН А.И. Былое и думы. М., 2007.

ГРИЦАК Е.Н. Вена. М., 2007.

ГУБЕР П.К. Кружение сердца: семейная драма Герцена. Л., 1928.

ДЕЛДЕРФИЛД Рональд. Братья и сестры Наполеона (пер. с английского). М., 2001.

ДЮКАС Э., ХОФМАН Б. Альберт Эйнштейн как человек // Вопросы философии. 1991. № 1.

ЗЕЛИГ Карл. Альберт Эйнштейн (пер. с немецкого). М., 1966.

ИСТАРХОВ В.А. Удар русских богов. М., 2000.

КАРТЕР Пол & ХАЙФИЛД Роджер. Эйнштейн. Частная жизнь (пер. с английского). М., 1998.

КОРТИ Марио. Моцарт и Сальери. СПб., 2005.

КРЕМНЕВ Б.Г. Франц Шуберт. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1964.

КУЗНЕЦОВ Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. М., 1980.

ЛЬВОВ В.Е. Жизнь Альберта Эйнштейна. М., 1959.

МОНАСТЫРСКАЯ А.А. Самые известные романы XX века. М., 2002.

НИМЕЧЕК Франц-Ксавер. Жизнь императорского королевского капельмейстера Вольфганга-Готтлиба Моцарта (пер. с немецкого) // Моцарт. Истории и анекдоты, рассказанные его современниками. М., 2007.

ОРЛОВА А.А. Чайковский без ретуши. Нью-Йорк, 2001.

ПАНАЕВА А.Я. Воспоминания. М., 2002.

ПИНЕ Элен. Роден. Руки гения (пер. с французского). М., 2003.

ПОЗНАНСКИЙ А.Н. Петр Чайковский. Биография (в 2-х томах). СПб., 2009.

РИДЛИ Джаспер. Фримасоны (пер. с английского). М., 2007.

РИЛЬКЕ Райнер-Мария. Ворпсведе, Огюст Роден, письма, стихи (пер. с немецкого). М., 1970.

СОЛОГУБ В.А. Воспоминания графа В.А. Сологуба. Новые сведения о предсмертном поединке Пушкина. М., 1866.

СУДОПЛАТОВ П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997.

СЬЮАРД Десмонд. Семья Наполеона (пер. с английского). Смоленск, 1995.

ТРУАЙЯ Анри. Петр Чайковский и Надежда фон Мекк (пер. с французского). М., 2004.

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА Н.А. Воспоминания. М., 1959.

ФРЕДЕ Виктория. История коллективного разочарования: дружба, нравственность и религиозность в дружеском кругу А.И. Герцена – Н.П. Огарева 1830–1840 х гг. (пер. с английского) // НЛО. № 49. 2001.

ХОФМАН Б. Альберт Эйнштейн – творец и бунтарь (пер. с английского). М., 1983.

ЧАЙКОВСКИЙ М.И. Жизнь Петра Ильича Чайковского (в 3-х томах). М., 1997.

ЧАЙКОВСКИЙ П.И. Переписка с Н.Ф. фон Мекк (ред. и прим. В.А. Жданова и Н.Т. Жегина). Т. 1–3. М., 1934–1936.

ЧУКОВСКАЯ Л.К. «Былое и думы» Герцена. М., 1966.

ШАТОБРИАН Франсуа-Рене. Замогильные записки (пер. с французского). М., 1995.

ШЛИХТЕГРОЛЛЬ Фридрих-Адольф-Генрих фон. Моцарт (пер. с немецкого) // Моцарт. Истории и анекдоты, рассказанные его

современниками. М., 2007.

На иностранных языках

ANGER Violaine. Tchaïkovski, 1840–1893. Paris, 1998.

AYRAL-CLAUSE Odile. Camille Claudel: sa vie. Paris, 2008.

BALIBAR Françoise. Einstein: La joie de la pensée. Paris, 1993.

BOURGUIGNON-FRASSETO Caude. Betsy Bonaparte ou la Belle de Baltimore. Paris, 2007.

BRAUNBEHRENS Volkmar. Salieri dans l'ombre de Mozart. Paris, 1989.

CAPEFIGUE Jean-Baptiste-Honoré-Raymond. L'Europe pendant le Consulat et l'Empire de Napoléon. Volume 5. Bruxelles, 1842.

CLADEL Judith. Rodin sa vie glorieuse, sa vie inconnue. Paris, 1936.

DAIX Pierre. Rodin. Paris, 1988.

DERMONCOURT Bertrand. Dictionnaire Mozart. Paris, 2005.

ELIAS Norbert. Mozart. Sociologie d'un génie. Paris, 1991.

FERNANDEZ Dominique. Tribunal d'honneur (roman). Paris, 1997.

FOISSY, l'avocat. La famille Bonaparte depuis 1264 jusqu'a1 nos jours. Paris, 1830.

FRANK Philippe. Einstein. Sa vie et son temps. Paris, 1950.

GAUDICHON Bruno. Camille Claudel. Catalogue raisonné. Paris, 2001.

GREITHER Alois. Legenden um Mozart // Jahrbuch der Bayerischen Staatsoper. Mu#nchen, 1986.

HAUSSONVILLE Joseph-Othenin-Bernard de Cléron, comte de. L'Église romaine et le premier empire, 1800–1814. Volume 2. Paris, 1869.

HEYLLI Georges d'. Gazette anecdotique, littéraire, artistique et bibliographique. Quatrieme année. Tome I. Paris, 1879.

KANTNER Leopold. Antonio Salieri rivale o modello di Mozart? // Mozart e i musucusti italiani del suo tempo. Roma, 1991.

KRSTIČ Djordje. Mileva & Albert Einstein: their love and scientific collaboration. Radovljica (Slovenia), 2004.

LENORMAND-ROMAIN Antoinette. Camille Claudel et Rodin: la rencontre de deux destins. Paris, 2005.

LISCHKE André. Piotr Ilyitch Tchaïkovski. Paris, 1993.

MARMONT Auguste-Frédéric. Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse. Paris, 1857. – 9 vol.

MASSON Frédéric. Napoléon et sa famille. Paris, 1897.

Mémoires et correspondance du roi Jérôme et de la reine Catherine. Tome 1. Paris, 1861.

Mémoirs of Lucien Bonaparte, prince of Canino. New-York, 1836.

MERLEAU-PONTY Jacques. Einstein. Paris, 1993.

MICHELMORE Peter. Einstein – Profile of the Man. New York, 1962.

MORHARDT Mathias. Mlle Camille Claudel. «Mercure de France», mars 1898.

PAIS Abraham. Albert Einstein: La vie et l'ûuvre. Paris, 1993.

PARIS Reine-Marie. Camille Claudel, 1864–1943. Paris, 1984.

SOLLERS Philippe. Mystérieux Mozart. Paris, 2001.

WALKER Evan Harris. Letter // Physics Today. February 1991. – pp. 122–123.

Примечания

1

Специально занимавшийся этим вопросом ученый-филолог Л.М. Аринштейн доказывает, что автором анонимных записок на французском языке был Александр Раевский, «злой гений» Пушкина и сын героя войны 1812 года генерала Н.Н. Раевского.

2

На самом деле свадьба Дантеса и Екатерины Гончаровой состоялась 10 (22) января 1837 года, а в ноябре 1836 года имела место их помолвка. Кстати сказать, официальной датой рождения их первой дочери считается 19 октября 1837 года. Однако некоторые исследователи утверждают, что влюбленная в Дантеса Екатерина Николаевна была уже беременна до объявленной в ноябре 1836 года помолвки, и рождение дочери зарегистрировали с таким расчетом, чтобы выдержать девятимесячный срок после состоявшегося 10 января 1837 года венчания. Интересно, а знал ли об этой беременности Пушкин? Если знал, то это придает истории с дуэлью еще более возмутительно-отталкивающий оттенок.

3

При этом военный суд разжаловал его в рядовые с лишением права русского дворянства и высылкой за границу.

4

Баронесса Катрин д'Антес (урожденная де Гончарофф) умерла во Франции 15 октября 1843 года. Барон Луи де Геккерен более тридцати лет занимал пост нидерландского посланника в Вене. Он умер в 1884 году, когда ему было почти 93 года. Барон Жорж-Шарль де Геккерен-д'Антес умер в 1895 году в возрасте 83 лет.

5

В 1769 году им была написана его первая опера «Весталка», которая считается утраченной. Кроме того, уже в 1770 году он сочинил «Мессу а капелла» для четырех голосов и концерт для гобоя, скрипки, виолончели и оркестра.

6

Винченцо Ригини (1756–1812) – итальянский композитор, примкнувший впоследствии к немецкой школе. Был капельмейстером при итальянской комической опере в Вене и музыкальным директором в Берлинском королевском театре. Написал несколько опер и огромное количество песен.

7

Паскуале Анфосси (1727–1797) – итальянский композитор и капельмейстер. Написал более семидесяти опер, множество ораторий и различной церковной музыки.

8

Лоренцо да Понте (настоящее имя – Эммануэле Конельяно) (1749–1838) – итальянский писатель, автор либретто опер Моцарта «Женитьба Фигаро» (1786), «Дон Жуан» (1787) и «Так поступают все женщины» (1790).

9

Singspiel (буквально: игра с пением) – комическая опера с разговорными диалогами между музыкальными номерами.

10

Просянка – это потница (miliaria), то есть кожное заболевание, характеризующееся высыпанием мелких пузырьков и узелков на коже. В патогенезе основное значение принадлежит нарушению регуляции потоотделения, возникающему под воздействием перегревания кожи (в том числе при лихорадочном состоянии), что приводит к быстрому и сильному увеличению потообразования. Скопление пота в выводных протоках потовых желез создает повышенную гидратацию рогового слоя кожи, что приводит к набуханию кератина и закрытию им узких потовых пор.

11

Франц-Ксавер Зюсмайр (1766–1803) в молодости был главным певчим в провинциальной австрийской церкви. В 1787 году он перебрался в Вену и стал учеником Сальери. Имя Зюсмайра осталось в истории благодаря «Реквиему» Моцарта, к завершению которого он был причастен (традиционно «Реквием» Моцарта исполняется именно с дополнениями и в редакции Зюсмайра, хотя в дальнейшем было предложено и несколько альтернативных редакций). Его перу принадлежат около 25 опер, а также большое количество церковной, симфонической, камерной и вокальной музыки.

12

Эмануэль Шиканедер (настоящее имя и фамилия – Йоганн-Йозеф Шиккенедер) (1751–1812) – немецкий актер, певец, режиссер, либреттист и театральный деятель. С 1773 года был

актером бродячих трупп, с 1778 года – директором одной из них. В 1784–1786 гг. выступал в Вене. Потом был руководителем «Фрейхаустеатра» в Видене (предместье Вены) и театра в Брюнне (Брно).

13

Он был сыном Луи Бонапарта, брата императора Наполеона, и Гортензии де Богарне, дочери от первого брака императрицы Жозефины.

14

Жером-Наполеон Бонапарт-Паттерсон в 1829 году женился на Сьюзан Мэй Уильямс, и от этого брака родилось два сына: Жером-Наполеон-младший (1830–1893) и Шарль-Жозеф (1851–1921).

Жером-Наполеон-младший в 1848 году был принят в Вест-Пойнт, который он успешно окончил в июле 1852 года. Так он стал лейтенантом. Однако его американская армейская карьера продолжалась недолго. Когда двоюродный брат его отца стал президентом Франции, а потом превратился в императора Наполеона III, ему было предложено влиться в ряды доблестной французской армии. В августе 1854 года Жером-Наполеон-младший прибыл на родину предков. Он отличился во время Крымской войны, был награжден орденом Почетного Легиона. Затем он воевал в Алжире и в Италии. К началу франко-прусской войны он уже был полковником. Он пережил все ужасы осады Парижа и последующей Коммуны, чудом оставшись в живых (коммунары приговорили его к казни). Когда Вторая Империя умерла, он вернулся в Соединенные Штаты.

15

Кавеньяк, Луи Эжен (1802–1857) – государственный, общественный деятель, генерал. В мае 1848 года был назначен военным министром Франции, стал организатором жестокой расправы над парижскими рабочими во время подавления Июньского восстания. После подавления восстания стал военным диктатором.

16

Мишле, Жюль (1798–1874) – французский историк, друг А.И. Герцена.

17

Consuelo – по-испански утешение, успокоение, отрада.

18

Николай Михайлович Сатин был мужем старшей дочери А.А. Тучкова Елены.

19

В октябре 1899 года Клод Дебюсси женился на некоей Розали Тексье, а 25 марта 1918 года он умер.

Парижский литейщик, который, по-видимому, не слишком честно обошелся с Камиллой.